

Анастасия Ольшевская

Главный редактор

18+

Анастасия Ольшевская
Главный редактор

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Ольшевская А.

Главный редактор / А. Ольшевская — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Кто он – Джейсон Беркли?.. Теория проверяется практикой. Теория заговора не исключение. Евгения Мельникова – собкор деловой газеты, поэтому в курсе, как готовят сенсации и под каким соусом подают горячие новости. В мировое правительство она верит не больше, чем в умение читать мысли. Но всё меняет одно интервью. Женю вынуждают влезть в шкуру участника политических событий, а в ее руки попадают секретные сведения. Цена такого знания – жизнь. Но её не убивают... Почему? И вот еще: кто такой Джейсон Беркли?

© Ольшевская А., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

(роман)

Посвящается Дмитрию Белову – мужчине, которого бесконечно люблю, и Владимиру Амелину – учителю, которому безмерно благодарна.

Сюжет и все персонажи вымышлены. Любое совпадение с реальными событиями и живущими или жившими людьми случайно.

Ноябрь, 2000 г.

Небоскреб взорвут, это решено. Вопрос – какой именно.

Клуб считал подходящей мишенью Эмпайр Стэйт Билдинг, но боссу не понравилось – дескать, маловато символизма. По той же причине он завернул еще с десятков неплохих вариантов.

Швед Ларс Свенссон отвечал за проведение операции и разработал проект, где этого самого символизма было сколько угодно. Он прилетел на остров, который босс облюбовал для проживания, потягивал цитрусовый сок и ждал, пока шеф закончит читать предложенный план. На сей раз их встреча проходила в прохладе кондиционеров, что Свенссона только радовало. Кабинетную тишину особняка, схоронившегося в экваториальных джунглях, нарушало бормотание телевизора. Неразбериха на президентских выборах в США стала главной темой последних недель.

Свенссон скользнул взглядом по плазменной панели и подумал, что хорошо бы, наконец, разобраться с этой проблемой. Америка уже месяц как на иголках из-за пересчета голосов. Без разницы – что демократ Дэвис, что республиканец Браун – оба кандидата слабоваты. Впрочем, и тот, и другой сгодятся на роль временного постояльца Белого дома.

– Ты это серьезно? – босс оторвался от чтения. – Авианалет на Всемирный торговый центр?

– Вы же хотите эффектности.

– Я хочу эффектности. Таранить самолетами башни-близнецы, похожие на две цифры «один» – не тот смысл, который вкладывается в эту акцию. И почему одиннадцатое сентября? Наめкаешь, что мы как бы служба 911? – босс отодвинул бумаги. – Не подходит. Нужен другой вариант.

Свенссон понял: спорить бесполезно. Поджатые губы шефа давали понять, что дебаты не уместны и ВТЦ останется на прежнем месте. Уж если старик что-то вбил себе в голову, его не переубедишь.

Он называл босса стариком только мысленно, поскольку знал его истинный возраст. Внешне же тот мог дать фору сорокалетнему Свенссону. Под бронзовой кожей без намека на старческую дряблость угадывалась недюжинная сила мускулов, а смуглое лицо обладало красотой зрелости, которой рукоплескал Голливуд в 40–50-х годах XX века. Но в отличие от героев Грегори Пека и Кларка Гейбла, в образе не чувствовалось романтического благородства. Глаза подтверждали это: холодные, привыкшие видеть жизнь без прикрас, безучастно вззирающие как на светлые ее стороны, так на ужасы и трагедии.

Босс перевел взгляд на телевизор, транслировавший репортаж из Вашингтона.

– ... таким образом, политологи полагают, что предвыборная гонка закончится в Верховном суде. Кандидат от Демократической партии Алан Дэвис намерен подать апелляцию...

Босс хрустнул пальцами и кивнул в сторону экрана.

– Жаль терять Дэвиса. Славный малый, хоть и нафарширован идеалами, как рождественская индейка – яблоками.

– Поэтому члены Клуба и выступают за Брауна. Хотя он никому не симпатичен.

– Нужно быть сумасшедшим, чтобы симпатизировать ему. Однако сейчас всем нужна война. А Браун хоть и глуп, но управляем. С Дэвисом же кучу времени ухлопаем на препирательства.

Свенссон промолчал, понимая, что это рассуждения вслух, и его мнение может с успехом остаться при нем. Он повертел опустевший стакан. Желудок недовольно заурчал, напоминая, что кроме сока в нем ничего не было за часы длительного перелета. Хорошо бы прислуга сервировала обед в столовой, но, скорее всего, предстоит экзекуция на солнцепеке, который хозяин считал свежим воздухом. Свенссон представил грядущую пытку ультрафиолетом и то, как взопрел бы на его месте обычный человек. Воротник дорогой рубашки натер бы шею, а едкие капли ползли бы дальше, за шиворот, мерзко щекоча и расплываясь липким пятном между лопаток. Он испытывал смешанное чувство брезгливости и зависти к людям с нормальным потоотделением, поскольку сам из-за врожденного гипогидроза почти не потел. Это свойство организма доставляло неудобства, но чаще играло на руку.

То же самое можно было сказать о внешности Свенссона. Одутловатая рыхлая фигура, бледная кожа, выцветшие волосы и брови вызвали отталкивающее впечатление. Оно усиливалось прозрачно-водянистой радужкой глаз, которые обычно смотрели сквозь собеседника. Внушать неприязнь у Свенссона давно вошло не только в привычку, но и в круг обязанностей.

Телевизор продолжал бубнить, освещая мнения экспертов и аналитиков, когда босс, наконец, подытожил:

– Скажи Дэвису, что мы не нуждаемся в его услугах. И проследи за Брауном, чтобы не наложил в штаны от счастья. Вообще, ты с ним поостороже. Разнузданных дворняг надо держать на коротком поводке. На таких стоит надеть ошейник со стразами, и они уже воображают, что выиграли приз благодаря своей неотразимости.

– Членам Клуба доложить о вашем решении?

– Нет, сам сообщу. Пойдем обедать, Рита накрыла в саду.

Свенссон подавил вздох, а босс щелкнул пультом, и экран погас.

Через два дня США получили политического лидера. Сорок третьим президентом стал кандидат-республиканец Колин Браун. И лишь небольшая группа людей знала, что избрание этого человека гарантировало Америке фатальное будущее.

Июнь, 2001 г.

Лето только вступало в свои права, и Москва еще не погрузилась в привычную духоту. Молодая листва одерживала победу над смогом и окутывала столицу дымкой поздней весны. Город-муравейник предвкушал вечер пятницы. Ожидание выходных проشمыгнуло в редакцию газеты «Точка зрения», словно нахальный торговый агент. Оно отвлекало от работы и убеждало затолкать поглубже в стол дела, а на задворки сознания – мысль, что завал придется разгребать в понедельник.

Стрелки часов застряли между пятью и половиной шестого и отказывались ползти к отметке «семь». Это приводило в легкое возбуждение обитателей офиса на восьмом этаже. Да и во всей редакции вряд ли нашелся бы человек, не желавший перерыва в суматошных буднях.

Деловую обстановку хотелось сменить на ресторанный-клубный полумрак. Пить что-то покрепче кофе. Наблюдать объекты посексуальнее, чем шкафы-купе, напичканные докумен-

тами. И флиртовать с кем-то поговорчивей, чем серый монстр, единый в трех лицах – принтер, копир и сканер.

Евгения Мельникова – собкор «Точки зрения» – сидела на рабочем месте и отчаянно сопротивлялась несерьезности, витавшей в воздухе. До шести кровь из носу нужно сдать материал о коррупционном скандале, а он не отшлифован и без заголовка. Кроме того, через полчаса летучка. Чтобы ей пусто было. Сложно подсчитать, сколько раз проклиналась затея главного редактора Николая Петушкова проводить разбор полетов в конце трудовой недели. Коллеги, обязанные присутствовать на собраниях, единодушно разделяли мнение о бессердечности главреда.

Жене пришлось побороться за право заседать в конференц-зале наравне с начальниками отделов. Но когда простые смертные были на низком старте, рассуждая о новомодном пабе и тонкостях вкуса ирландского эля, ее разбирала досада. Кой черт дернул отвоевывать возможность обязательного общения с Петушковым? Нет, она рада. Весьма. Только, пожалуйста, поставьте на паузу галдеж коллег, запах распускающегося лета и леность пятничного вечера.

Женя тряхнула головой. Так, надо сосредоточиться. Но в царящей атмосфере такой фокус провернуть было сложно. Часы в углу монитора показывали 17:35. Пять минут, чтобы собраться с мыслями, и двадцать, чтобы материализовать их на бумаге.

– Граждане, куда бы от вас сбежать? – взмолилась Женя. – Вы – моя расстрельная команда.

– Что, скандал о продажных политиках недостаточно скандален?

– Мягко сказано. Петушков решит, что я лично изжила коррупцию в стране. Причем полностью.

– Хм, тогда иди в курилку. Там никого.

Небольшое вентилируемое помещение, действительно, пустовало. Работники бизнес-центра с приходом теплых деньков предпочитали коптить воздух во внутреннем дворике.

Женя мерила шагами расстояние от массивной пепельницы до зеркала. Хмурясь и шевеля губами, она подбирала приличный заголовок, но идеи отдавали заезженными штампами. Перебрав с десятков вариантов, она опустилась в кресло, и в зеркале напротив отразилась симпатичная двадцатичетырехлетняя шатенка. Впрочем, внешний вид беспокоил ее сейчас в последнюю очередь.

Этого нельзя было сказать о мужчинах, которые находили Женю весьма волнующей особой. Звание первой красавицы ей не принадлежало, однако противоположному полу хватало пары секунд, чтобы уловить в облике притягательность. Чистая кожа, острые черты лица, слегка выющиеся волосы и живые карие глаза. Абрис груди смягчал фигуру «вечного подростка» с узкими бедрами и худыми руками. Даже в строгом деловом костюме силуэт выглядел соблазнительно, не говоря уж о джинсах и разноцветных футболках, к которым Женя испытывала особенную любовь.

Когда же она начинала говорить, низкий, с хрипотцой тембр работал на контрасте: не верилось, что подобные интонации принадлежат миниатюрному созданию. Это привлекало мужчин, и они неизменно делали стойку на женщину-ребенка с пронизательным, умным взглядом и вибрирующим сексуальным голосом.

Просиживание в курилке не дало результатов: мыслей по поводу заголовка не прибавилось. Ситуацию надо было срочно спасать.

Женя вернулась в кабинет, и пока в голове шла напряженная работа, а названия статьи проносились одно за другим, пальцы стучали по клавиатуре, внося правку. Отключившись от

внешнего мира, она не слушала, что происходит вокруг. Поэтому, когда блеснула зацепка, не сразу поняла, что озарением обязана рассуждениям коллеги о «резаном» пиве.

– Темное – плотнее. Поэтому, когда сверху наливаешь светлое, оно не смешивается. Очень прикольно.

Женя восхищенно прищелкнула языком.

– Ты чего? – скосил взгляд ценитель пива.

– «Темная сторона белых зарплат»! Спасибо, ты – мой гений.

Покончив со статьей, она выключила компьютер, пожелала всем хороших выходных и направилась во владения главреда. А едва переступила порог конференц-зала, как поняла: ничего хорошего от летучки не жди.

Во главе длинного стола расположился Николай Максимович Петушков, на лице которого застыла мрачная готовность линчевать, четвертовать и колесовать.

Тучный, с проседью в волосах, в молодости он был ярким и видным мужчиной. Время наложило отпечаток, но во внешности оставалось нечто, выдающее характер, и то, что называется породой. Разложив бумаги, пестревшие пометками, Петушок – как за глаза его называли в редакции – черкал в них. Посматривая на дорогие часы на запястье, он то и дело обводил свинцовым взглядом присутствующих.

За столом сидели несколько человек. Народ изучал потолок и рисовал каракули в ежедневниках – лишь бы не видеть перспективу публичной порки в угрюмом взгляде босса. Комната была погружена в гнетущее молчание. И каждый гадал, что случилось, в надежде, что гнев прольется на чужую голову.

Женя проскользнула на место и порадовалась, что не все в сборе. Значит, не попадет под горячую руку за опоздание. Слава богу, статью закончила в срок. К ней шеф не придерется. Правда, нет плана публикаций на будущую неделю, но это поправимо. Пока Петушков будет метать гром и молнии, она придумает что-нибудь аппетитное или хотя бы удобоваримое. Не впервой. К тому же очевидно, что главная тема мероприятия – разнос и взбучка. И мишенью станет кто-то из глав отделов, а не обычные собкоры, как она.

На совещаниях присутствовал генералитет: топ-менеджеры и финансовая дирекция. Допуск рядовых бойцов означал, что на них начальство делает определенную ставку. Поэтому Женя хоть и страдала от пятничных экзекуций, но гордилась, что менее чем за год прорвалась в круг избранных.

Она метила на должность Полины Мазуркевич – руководителя отдела экономики. Той было лет двести, и половину из них, по мнению Жени, бабуля пребывала не в своем уме. Сухощавая экзальтированная старушенция раздражала ее педантизмом, писклявым голосом и приторными духами. Многие недоумевали, как старорежимное существо прижилось в современном, энергичном коллективе. По части работы сине-чулочная Мазуркевич, конечно, специалист. Но есть молодые и адекватные сотрудники, способные заменить Бабу Ягу, которая то впадала в невыносимую чопорность, то в истерику, то в маразм. И уж точно в качестве главы отдела Женя проявила бы себя намного лучше.

Госпожа Мазуркевич догадывалась об этих тщеславных намерениях, потому питала взаимную неприязнь и не скрывала своего отношения. А уж когда эта выскочка, проработав полгода, стала появляться на летучках, Полина не на шутку обеспокоилась и объявила холодную войну.

Петушков был в курсе и наблюдал за конфликтом с позиции главного редактора. Престарелая карга его тоже нервировала, однако он видел положительные стороны, которых не замечали остальные: преданность, профессионализм, связи и стаж. Мазуркевич – старожил «Точки зрения», хоть и «с приветом». Этого динозавра просто так не уволить. Он долго ломал голову,

как отправить ее на пенсию и кем заменить, пока год назад Жора Лесник – давний знакомый и декан журфака, где училась Женья – не сообщил, что пришлет кое-кого. Посмотреть.

* * *

Лесник имел слабость к симпатичным студенткам, о чем хорошо знал Петушков. Он иронизировал над приятелем, напоминая истину про седину, бороду, беса и ребро, однако каждый раз уступал и соглашался «уделить пару минут» очередной протеежке. Звонки Лесника носили ритуальный характер: после обмена дружескими приветствиями он с напускной важностью сообщал, что есть кое-кто небезынтересный для «Точки зрения». Петушков, ухмыляясь, представлял, как эта «кое-кто» притихшей восторженной птичкой сидит рядышком с Жорой, и назначал дату, когда лесниковская колибри могла прилететь в редакцию. Оба знали: пять минут щебетания – и Петушков выпроводит ее, убедив: в «глянце» та реализуется лучше, чем в бизнес-издании.

Такие звонки раздавались нечасто, и ему не составляло труда подсобить другу в обольщении прелестниц. Подшучивая над приятелем, который в пятьдесят с гаком оставался холостяком, Петушков интуитивно чувствовал: в действительности тот не мог совладать ни с одной пташкой, привлекавшей мужское эго. Судя по девицам, приходившим на «собеседование», Лесник из раза в раз попадал в плен чар откровенных стержней. И Петушков полагал, что это еще большой вопрос, кто там кого использует.

В общем, все были довольны. Лесник получал порцию обожания от очередной красотки. Та получала шанс попасть в «Точку зрения», но профукивала его. А Петушков порой получал ценных сотрудников. Правда, если Лесник рекомендовал кого-то стоящего, обычно это оказывались мужчины. Поэтому, когда миниатюрное чудо с каштановой копной волос появилось в редакции, последнее, о чем мог подумать Петушков – что эта Мельникова может удачно заменить Мазуркевич.

Раздавшийся год назад звонок Лесника озадачил. Тот не включал деловито-важные интонации, по которым стало бы очевидно присутствие на том конце провода очаровательной слушательницы, и напрямик спросил:

– Коль, как у тебя с вакансиями?

– Нужен техперсонал. Твоих подопечных интересуется?

– Есть очень перспективная девочка.

– О, конечно, присылай! Верить, переживать начал – полгода от тебя ни весточки.

Решил, что ты променял виагру на люмбаго.

– Хорошо, что ты графоман, а не юморист. Действительно, многообещающая девчушка.

– Дай угадаю: ноги от ушей, а в разрезе широко распахнутых... э-э-э... глаз виден большой-пребольшой интеллект?

– Ну да, виден, – согласился Лесник, вспомнив облегающую майку Женьи, – но это дело десятое. Она – самородок. Пристрелишь ведь, если отдам ее в «Делец».

– Жор, отдавай, – голос изменился и стал серьезным. – Штат укомплектован под завязку. На огранку самородков нет времени. Про бюджет вообще молчу.

Лесник засопел и протяжно вздохнул. Петушков насторожился: по окончании подобных сцен Жора имел дурную привычку доставать из рукава козырного туза. И еще прежде, чем тот выложил карты на стол, Петушков понял, что будет вынужден встретиться с юным сокровищем журфака, обладателем волнующего интеллекта. Выдержав мхатовскую паузу, Лесник небрежно бросил:

– У нее интервью с Султонбеком Мирзоевым. Подумал, тебе интересно.

Петушков поперхнулся и сжал телефон.

– Сукин сын, врешь ведь!

- Чистая правда, друг мой.
- Невозможно!
- О, да, невозможная девчонка. Тебе понравится.
- Уверен, что она не?..
- Абсолютно. Факты подлинности – на руках. Говорю же, черт в юбке. Не очень таких жалую. Однако помню, что ты от них балдеешь.
- Но как ей удалось? – мысль Петушкова лихорадочно заработала. За полтора года, что Мирзоев в тюрьме, ни один журналист не прорвался к нему. И студентка провернула такое?!
- История, как она добыла текст, даже покруче, чем сам материал. Я обомлел: настоящий детектив. Рассказал бы, да не хочу у нее хлеб отнимать.
- погоди, погоди, – Петушков пытался сосредоточиться, но не мог поверить, что кто-то заполучил интервью с террористом, покушавшимся на президента. – В «Делец» не звонил, надеюсь? Если да – отрекусь.
- Только что сам предлагал отправить ее к «дельцам».
- К черту шуточки. Где материал и девица?
- В моей приемной.
- Сделай так, чтобы побыстрее оказались в моей.
- Хорошо, хорошо, – рассмеялся Лесник. – Нетерпение взаимно: малышка тоже мечтает познакомиться с тобой.
- Учту. Давай ее сюда.

Через час Женя была в его кабинете. Наметанным взглядом Петушков сразу вычислил, почему барышня не приглянулась Леснику: тот не замечал женщин без пышных форм и кукольного личика. У худосочной, угловатой студентки не было шансов заполучить протекцию и попасть в святая святых – кабинет главного редактора «Точки зрения». Но тем не менее она находилась здесь. Причем явно не из-за третьего размера груди.

Девица сидела, сложив руки на коленях, прикрытых строгой юбкой. Пальцы взволнованно расправляли складки темной ткани. Блузка из плотного материала была расстегнута на одну пуговицу. Минимум украшений: золотая цепочка, скромные сережки. Ни дать ни взять – выпускница института благородных девиц. Если бы не глаза. Пронзительные, изучающие – они меняли облик одним махом. Петушков не сомневался: перед ним, как и сказал Лесник, черт в юбке. Точнее, чертенок. Потому что, невзирая на официальную одежду и общение, в остром взгляде и нетерпеливых жестах проскакивали любознательность и жажда жизни.

Петушков затянулся сигаретой.

- Курите, Евгения?
- Если требуют обстоятельства – все журналисты курят. В дыму часто прячутся важные сведения.

Он подвинул к ней пепельницу, приглашая разделить компанию.

- Спасибо, не буду.
- Отчего же? Отличная возможность узнать побольше о «Точке зрения».
- Мне известно главное: хочу работать у вас и только у вас, – прозвучал пылкий, предсказуемый ответ.
- Прекрасно-прекрасно. Однако, следуя вашей логике, вы сейчас пренебрегаете получением информации?

Он наклонился через стол, чтобы стряхнуть пепел, и исподтишка наблюдал за Женей, которую загнал в угол последним вопросом. На ее лице сменялись эмоции: замешательство перешло в негодование, щеки вспыхнули краской, а ладони сжались в кулаки. Но она сразу взяла себя в руки.

– Дополнительные источники важны. Просто, знаете... – она запнулась, замолчала и уставилась на собственные коленки.

Петушков выпускал клубы дыма и был уверен, что знает. Много раз видел. Сейчас мамзель вскинет голову и затараторит про свой профессионализм и трудолюбие. И как он не пожалеет, взяв ее в штат. Пауза затягивалась. Начали одолевать подозрения, что интервью вообще нет, а Лесника обвели вокруг пальца. Но он ошибся.

Женя тряхнула каштановой гривой и насмешливо фыркнула. Точно резвая лошадка, которая старалась чинно вышагивать, но, улучив момент, сбросила сковывающую сбрую и почувствовала себя свободной, в своей стихии. Куда только подевался образ неоперившейся институтки. Вместо пятикурсницы перед ним сидела решительная женщина с упрямым взглядом. В глазах читалось, что знает цену товару, с которым пришла. Будет торговаться и не проделшевит. Интервью с Мирзоевым – выигрышный билет, гарантированный джекпот, и ей это известно.

Когда она заговорила, голос расплескался по кабинету с жаркой торопливостью:

– Табачная промышленность озолотилась за мой счет, пока собирала информацию о «Точке зрения». Два года работала здесь курьером, надеясь поймать удачу за хвост при встрече с редакторами и там уж блеснуть талантом. Атаковала отдел кадров резюме и рекомендациями. Слала публикации под псевдонимами – мечтала, что редколлегия заметит искру божью. Но все бесполезно, – она раздосадовано прикусила губу. – Я взяла интервью у Мирзоева, потому что вам оно нужно так же сильно, как мне – стать частью команды «Точки зрения».

Жадный взгляд вцепился в Петушкова. Тот кашлянул и по-отечески уточнил:

– Материал с собой?

Женя чуть не подпрыгнула от радости, услышав доброжелательность в голосе. Дрожа от возбуждения, она выложила на стол папку. Лихорадочный блеск в глазах, приоткрытый от волнения рот – весь ее вид выражал едва сдерживаемую гордость. Петушков, пряча улыбку, покачал головой: давно не встречал таких искренних эмоций.

– Там, сверху – интервью, а ниже...

– Пожалуйста, посиди спокойно, – попросил он и погрузился в чтение.

Женя поерзала в кресле и огляделась, не веря, что план удался. Сколько сил положила, чтобы оказаться в этом кабинете! И вот она здесь. Старания, ухищрения, риск – все было не напрасно! Сердце ликовало.

Петушков закончил читать и задумчиво погладил подбородок. Положил перед собой распечатанный текст и поправил страницы, машинально подравнивая уголки. Глаза-рентгены словно просвечивали Женю.

– Как все провернула? Я должен знать от и до. Начиная с того, как тебе взбрела в голову эта безумная затея, заканчивая тем, как набивался текст. И не дай бог, соврешь.

Он лично перепробовал все варианты – даже не самые чистоплотные – чтобы добыть интервью с Мирзоевым. То же самое безрезультатно сделал «Делец» и монстры вроде «Уолл Стрит Джорнэл» и «Форбс». Поэтому Петушков был уверен: это невозможно. Разве что без вмешательства потусторонних сил не обошлось.

Женя скромно потупилась.

– Было сложно, но в институте учили, что честный журналист...

– Господи, да оставь ты эти ужимки! После речей про хватание за хвост удачи и редакторов не поверю, что действовала как «честный журналист». Выкладывай с потрохами, как дело было, – он указал на бумаги. – Если тут правда, то это – бомба. Сама понимаешь. Но прежде чем зажечь фитиль, я обязан знать, из чего ты ее смастерила. Пальба холостыми не в стиле «Точки зрения». Лесник пообещал детективный роман про похождения с этим интервью, – Петушков прикурил новую сигарету и прищурился. – Кроме того, надо получить представление, кого зачислю в штат. Так что вещайте, госпожа Мельникова.

Женя покраснела до ушей. С одной стороны, смутило уличение в пафосе, но с другой – порадовала фамильярность, на которую перешел главред. Он общался так, будто уже принял ее на работу. И отбросив сомнения, она рассказала, как сделала то, что не получилось ни у кого.

* * *

Учеба в вузе и подработка в СМИ давали неоценимый опыт. Но к последнему семестру Женя решила, что бесценный – не равно бесплатный. Кроме того, насмотрелась на внештатников в возрасте. Деятельные, отпахавшие не один десяток лет, они получали копейки, обивая пороги издательств, и были готовы писать про что угодно: турниры сумоистов, парламентские выборы и средства от облысения. Перспектива застрять навечно в их роли не впечатляла.

В один не особо прекрасный день, получив за статью про антиблошинные ошейники в три раза меньше, чем ожидала, она поискала правду в бухгалтерии «Собачьей радости» и разругалась в дым с замредактора. После этого подход к трудоустройству изменился, и обозначилась цель – попасть в штат серьезного издания.

В конце 90-х таких было два: «Делец» и «Точка зрения». Они освещали политику, экономику и считались элитой на рынке деловой информации. Студенты молились на эти иконы. Публикации обеих газет служили наглядным обучающим пособием, о них с жаром спорили на лекциях и в курилках, разбирали каждый абзац и страстно желали видеть свою фамилию под подобными материалами. Женя, как и прочие, горела идеей стать собкором одного из этих изданий.

Журфак давал не только профессию, но и становился школой жизни. Хорохорившиеся птенцы, убежденные, что каждый из них уникален и без пяти минут гений, получали уроки, больно бьющие по самолюбию. К пятому курсу Женя обнаружила, что в ее группе, где раньше было примерно поровну представителей обоих полов, перевес оказался на стороне мужчин. Вспомнились девушки – пестрые, яркие, рассуждавшие о феминизме, реформах Маргарет Тэтчер и проблемах стран третьего мира. Позже кто-то с блуждающей улыбкой сообщал о замужествах и академических отпусках «феминисток».

Приближалась защита диплома, и все больше чувствовалась натянутость в отношениях с однокурсниками. Легкий флирт и посиделки после занятий ушли из будней. Вместо них появилась вечная занятость какими-то делами. Женя с беспокойством осознавала: не только она метит в крупное издание. Желающих предостаточно.

Идеальным вариантом была протекция декана. Но это скорее походило на институтскую байку, чем на реальную возможность попасть в издательский дом. Выпускники из кожи вон лезли, чтобы занять благословение Георгия Лесника. Казалось, главная задача – миновать водораздел между акулами пера и мелкой рыбешкой. А как выжить в стае – можно разобраться в процессе плаванья.

Женя тоже пыталась выделиться и старалась, чтобы Лесник отметил ее работы. Однако не преуспела. По перешептываниям знала: особо отчаянные выходили на прямой разговор с ним, но заметных результатов никто не достигал.

Уже некоторое время она размышляла над этим вариантом, и он все больше ей нравился. В один из дней решение окончательно созрело. Лекции уже закончились, и народ разбрелся по домам, когда она вошла в приемную Лесника. Секретарей не было, привычной суеты – тоже. В углу, сгорбившись и сжимая реферат, сидел студент-очкарик. Он учился на несколько курсов младше и носил фамилию кого-то из знаменитостей, но кого именно – Женя не помнила. Она присела на диван и кивнула в сторону кабинета.

– У себя?

– Угу. Двадцать минут жду.

Приемная обычно напоминала проходной двор: заочники с «хвостовками», отличники-стипендиаты, абитуриенты, преподаватели сновали весь день. Но сейчас, под вечер здесь царила тишина. Лишь сосед пару раз высморкался и вытер нос платком.

Наконец, дверь в кабинет декана распахнулась. Всклоченные волосы, отсутствие пиджака и беспечное насвистывание говорили, что Лесник не ждал посетителей.

– Давно сидим? – изумился он.

Очкарик сглотнул и что-то проблеял. Женя недоуменно посмотрела на него: этот олух что, даже не сообщил об ожидании?

– Полчаса, – еле слышно булькнуло из угла дивана. – Георгий Иванович, я тут того... Реферат написал, как вы сказали.

– А чего мнешься, будто взятку принес? – преподаватель забрал помятые бумаги, пролистал и вытаращился на студента. – Ты в своем уме? Что за «Анна Каренина» в белых стихах? Кто эту галиматью накатал?

– Я... сам.

– Если сам, отчислю за безудержный бред. Когда у психиатра отмечался, Толстой?

Женя вспомнила: незадачливый студент был однофамильцем великих русских писателей.

– Почему – бред? – заморгал тот.

– Только воспаленный шизофренией мозг способен такое сочинить. Ты либо клинически болен, либо над тобой поглумились, всучив эту ахинею. Перед тем, как сдавать, хоть бы прочел свой эпос.

– Я читал... То есть, писал.

– Слушай, не позорь классиков – смени фамилию. Или топай в ПТУ: там ни одного Толстого не знают, сойдешь за своего, – Лесник вернул «эпос» и безнадежно махнул рукой, но недотепа продолжал бубнить:

– Георгий Иванович, правда, сам писал. Мне же только зачет надо.

– Любезный, от вашего творчества за версту пахнет не зачетом, а справкой об умственной неполноценности! Похоже, для тебя абзац связного текста наваять – как взять интервью у Мирзоева!

– У кого?

Лесник уставился на него как на привидение.

– Неужто не слыхал? Преподаватель кафедры. Все мечтают статью о нем написать, а он ни с кем не желает общаться.

– Не-а, – грустно шмыгнул Толстой и, осененный догадкой, выпалил, – а если возьму у него интервью, поставите зачет?

Женя расхохоталась вместе с Лесником. Сутулый паренек расстроено замялся, не понимая, где опростоволосился. Просмеявшись, Лесник торжественно кивнул.

– Если проинтервьюируешь Султонбека Мирзоева, считай, зачет в кармане. Еще диплом красный вручу и в «Точку зрения» отрекомендую. Иди, попытай счастья. Он, должно быть, в четыреста пятой аудитории сидит, тебя ждет, – Лесник всхлипнул от смеха, но сразу стал серьезным. – Ох, Толстой, до чего ж ты горькое зрелище. Исчезни-ка с глаз долой. И не появляйся без нормального реферата, – он повернулся к Жене. – Ну, а у тебя что?

– У меня, хм, разговор.

– В десять минут уложишься? Мне семинар вечерникам читать.

Лесник пропустил Женю вперед и указал на кресло. Та присела и сделала глубокий вдох. Шутка про Мирзоева не только позабавила, но и пронзила идеей, как заполучить протекцию.

– Хочу узнать кое-что, – начала она. – Видите ли, собираюсь строить карьеру в крупном издании. Но туда не берут без опыта. А откуда ему взяться, если никто не дает его поработать? Замкнутый круг, ей-богу. Знаю, иногда рекомендуете в «Точку зрения», и вот...

– Так, так, ясно. Очередная жертва студенческой мифологии хочет вознестись на Олимп журналистики при помощи молитвы в моем кабинете. Вы стоворились? Ты пятая на этой неделе! Вцепились в дурацкую легенду – зубами не отдерешь. Женя, я не даю рекомендаций. Редко – подчеркиваю, очень редко – звоню Петушкову и советую встретиться с кем-то из студентов. Но это – в исключительных случаях, – он запнулся, вспомнив свои исключения, и подсластил горькую пилюлю. – Не спорю, ты умная, талантливая девочка. Но согласишься, ничего беспрецедентного не сделала.

– То есть если совершу беспрецедентное...

– Тогда – конечно.

– Насколько беспрецедентным должен быть случай?

– Настолько, чтобы не иметь прецедентов, – Лесника начала утомлять бессмысленность беседы.

Женя насупилась. В эти посулы верилось не больше, чем в обещания Деда Мороза. И она пошла ва-банк:

– Интервью с Султонбеком Мирзоевым достаточно беспрецедентно?

– Так, все! Хватит ереси на сегодня. Сначала граф Толстой, теперь ты. Свободна.

– Но если все-таки достану интервью, устройте встречу с Петушковым?

– Мельникова, ты рехнулась?! Ладно, очкарик – бог ему ложку мозгов пожалел, бывает!

Но ты с какого перепуга в рассудке повредила? Твоя фамилия не знатного рода, однако это не повод позорить предков! Давай, дуй отсюда!

Она не шелохнулась. Лишь глаза горели на побелевшем лице, когда снова отчеканила:

– Клянусь, сделаю материал, если пообещаете познакомить с Николаем Максимовичем.

Лесник заерзал. Мелькнула шальная мысль: может, правда, того? Двинулась? Тихоней никогда не была, но и на психованную вроде не походила. Обычная студентка со средней успеваемостью и средним уровнем политкорректности. Словом, как большинство учащихся. Какой бес в нее вселился?!

– Любезная, позвольте поинтересоваться, как осуществите намерение? – процедил он, переходя на обращение «с любезностью», как окрестили привычку студенты. – Мирзоев пробудет в тюрьме до второго пришествия. Общение со СМИ запрещено. О каком интервью вообще речь? Но предположим невероятное: вы стали комариком, проникли в его камеру, обернулись там красной девицей, и он дал вам интервью. Черт подери, сами знаете: опубликовать откровения нельзя. Если их напечатают, он открестится от всего. Иначе его вышлют на родину, где по нему виселица плачет. Любое сказанное прессе слово расценивается как нарушение тайны следствия – надеюсь, помните, что он под следствием? Кто согласится на интервью в таких условиях? Но раз нынче вечер гипотетических рассуждений, допустим, Евгения, что он наподобие вас сошел с ума. И ему не дорога жизнь. Он – поборник гласности, поэтому готов пойти на верную смерть во имя свободы слова. И вот интервью с таджиком всея Руси выходит в печать. Что дальше? – Лесник метнул недобрый взгляд. – В газету приходят замечательные люди из ФСБ. Душевно, за чашкой чая беседуют с главным редактором и уточняют: «Кто же такой умный-разумный написал статью?» Естественно, знакомятся с умником, чтобы понять, как тот провернул дельце. А после всех – умника, редактора и прочих – оптом, в соседнюю камеру с Мирзоевым. За пособничество терроризму. За соучастие в покушении. Да мало ли за что! Мельникова, ты рассердила меня необдуманной выходкой. Но я спишу это на преддипломное обострение. Сделай выводы, и чтобы подобное не повторялось впредь.

Он строго посмотрел на Женю. Та была белее мела, а когда заговорила, губы дрожали:

– Если достану интервью, и Мирзоев подпишется под каждым словом, и к материалу нельзя будет придраться ни с юридической, ни с фактической стороны – познакомите с Петушковым?

Лесник уже не сомневался: точно, сбрендил. Но не был уверен: звонить в «03» или еще поразвлечься идиотским разговором? Резко перегнувшись через стол, он заглянул в ее глаза и тихо, хлестко произнес:

– Не люблю тратить время на настырных пустобрехов. Жаль эти десять минут. Но еще больше сожалею о последних пяти годах. Всего хорошего, Евгения.

Он указал пальцем на дверь, но маленькое изваяние не двинулось с места.

– Оглохла?

– Если... достану интервью...

– У меня лекция, – отрезал он и направился к выходу.

– Просто пообещайте это!

Женя привстала, видя, что он уходит, не дав слова. Тот обернулся. Помедлив, подошел и произнес по слогам, будто пытался достучаться до глухонемой:

– Не понимаешь? Это невозможно.

– Значит, когда сделаю невозможное, ответите тем же?

Он устало закрыл глаза. Воистину, клинический случай.

– Хорошо. Принесешь интервью с Мирзоевым – позвоню Петушкову. Но если не сделаешь этого – а ты не сделаешь – об этом разговоре станешь жалеть всю профессиональную жизнь. Не беспокойся, она будет недолгой: лично прослежу. Начну с того, что окажешься *беспрецедентным* случаем, когда студент не защитил диплом.

Лесник вышел из кабинета, хлопнув дверью. А Женя задумалась, не слишком ли высокую цену решила заплатить за призрачную возможность попасть в «Точку зрения».

На следующий день она обложила материалы про Султонбека Мирзоева. Таджик по национальности, боевик по роду занятий и самый известный бандит на пространстве бывшего СССР был притчей во языцех. Им разве что детишек не пугали, хотя он был страшнее Бабайки и Коцея.

После попытки взорвать лимузин президента, вся родня, за исключением матери, отказалась от блудного сына, а власти объявили врагом номер один. Правда, не ясно: то ли потому, что хотел убить главу государства, то ли из-за того, что потерпел в этом неудачу.

Женю это не волновало. Специализацией в институте – да что там! – страстью по жизни была экономика. Политикой же интересовалась, поскольку та влияла на финансовые процессы. Как, например, сейчас, когда ее светлое будущее экономического обозревателя зависело от интервью с политическим преступником.

Она перелопатила интернет, тонны газетных вырезок и журнальных публикаций о Мирзоеве, его родственниках и коллегах – таких же «работниках ножа и топора». На третий день про Таджикистан знала столько, сколько ни про какую другую страну. Биографию террориста могла цитировать наизусть. А информированность о покушении на президента стала энциклопедической. Увы, это ни на йоту не приблизило к главной цели. Поэтому решила провести разведку боем. То есть сходить в СИЗО, где томился герой ее ненаписанной статьи.

В подобных заведениях Женя раньше не бывала. Знания о тюремном укладе ограничивались остросюжетными романами, обрывками второсортных сериалов про «ментов» и строчками из песен в стиле «русский шансон». Как она подозревала, это мало соотносилось с реалиями быта за решеткой.

На всякий случай оделась неприметно. Густые волосы стянула в «конский» хвост, нацепила старые джинсы и выдавший виды свитер. Отказ от косметики сделал существо в мешковатой одежде серым мышонком. Она удовлетворенно оглядела себя в зеркало и отправилась штурмовать темницу.

Пока тряслась в вагоне метро, сочинила легенду на случай, если кто-то вздумает расспрашивать о цели визита. В памяти всплыло, что в тюрьме есть музей. Правда, не факт, что

действующий. Честно говоря, сомнение вызывало само его существование. Как ни старалась воскресить логическую цепочку, не могла взять в толк, откуда почерпнула эти сведения.

От предлога веяло чем-то дурацким, но ничего правдоподобнее на ум не шло. Кроме того, сам повод был не глупее, чем поездка в острог. Не представляла, что будет там делать и что рассчитывает найти. Но в библиотечной пыли озарение, как добраться до Мирзоева, не пришло. Значит, нужно действовать методом научного тыка. Перед глазами стоял светлый лик Лесника, побожившегося запороть ей карьеру. И не сомневалась: тот исполнит угрозу.

В стенах тюрьмы оказалось не так жутко. «Вполне сносно и пристойно», – рассудила Женя, поднимаясь по чистой лесенке пропускного пункта. Но дальше проникнуть не удалось, и оптимизм закончился. Милиционер, уточнивший, какие заботы привели ее сюда, не походил на дядю Степу. Скорее он напоминал уставшего клерка, погрязшего в рутине.

На бодрое вранье про музей он ответил, что экскурсии проводятся только для юридических лиц. Это расстроило посетительницу, которая чуть не плача пожаловалась на длинную, трудную дорогу, сходу наплела с три короба, что пишет книгу про тюремные музеи и объехала полстраны, собирая материал. Видимо, история получилась убедительной: страж порядка перестал отрываться однообразным «ничем не могу помочь», оживился и спросил, как обстоят дела на Колыме. Выяснилось, что у него там похоронены родственники. Увы, туда писательница еще не добралась.

Поняв, что скучного охранника не разговорить, она отошла в сторонку – почитать правила поведения и тюремную политинформацию. Мимо сновали люди. В основном, сотрудники СИЗО, прокуратуры и других ведомств. Иногда хлопала входная дверь, и появлялся кто-то в штатском, нагруженный сумками и пакетами. У всех – стандартный комплект: нижнее белье, одежда, предметы гигиены. В некоторых «передачах» встречались книги и газеты. Все добро тщательно досматривалось: трусы, рубашки, штаны перетряхивались, литература и пресса пролистывались. Никакой возможности утаить что-то от недремлющего ока закона.

Поездка ничего не дала. Женя развернулась, чтобы уйти, но тут ее взгляд упал на сторбленную старушку. Обветренное смугло-желтое лицо с узкими прорезями глаз выдавало уроженку южных стран. В авоськах – тот же бледный набор заношенного до дыр исподнего и газетка на тарабарском языке. Милиционер проверил вещи, просмотрел газету, и посылка отбыла в камеру к неизвестному заключенному.

Женя, застыв, проследила, как сумка с биркой «допуск разрешен» скрылась в лабиринте коридоров. От внезапного озарения, как осуществить задуманное, у нее ослабели колени. Украдкой взглянув на охранников и убедившись, что те не заметили странного выражения ее лица, она быстро вышла на улицу.

Прошагав пару кварталов, остановилась и прислонилась к стене дома. Сердце колотилось как бешеное. Теперь она знала, как взять интервью у Мирзоева, причем с соблюдением всех условий! Радость распирала, и, не выдержав, она рассмеялась.

Остаток дня прошел в разработке операции «захвата террориста». Расписав ее до подробностей, Женя не нашла причин, почему затея могла провалиться.

На утро она позвонила приятелю с журфака, который специализировался на уголовной хронике. Поболтав пару минут о погоде, рассказала, что готовит статью о работе переводчиков в тюрьмах. Кстати, нет ли знакомых среди них? Очень бы выручил, дав контакты.

Через пять минут она уже общалась с некоей Ларисой – переводчиком при прокуратуре. Благодаря ей Женя выяснила важные сведения. Да, услуги переводчика предоставляются заключенным-нерезидентам на время следствия. Корреспонденция – письма, открытки, телеграммы – переводятся на русский. Журналы, газеты и литература обязательно просматриваются: иногда арестанты грешат тайной клинописью между строк. Нет, как правило, книги и

периодика не подвергаются переводу: свободных рук не хватает. Дай бог справиться с текучкой. Где уж тут многомную публицистику в оригинале читать.

Попрощавшись с Ларисой, Женя поблагодарила небеса за удачу. Умозаключения подтверждались. Теперь надо нанести еще один визит в СИЗО. Нарядившись как накануне, она отправилась в тюрьму в надежде застать вчерашнего охранника. Налаженный с ним контакт упростил бы сбор разведанных. Привлекать внимание и заводить новые знакомства среди персонала не хотелось.

По счастью, милиционер с внешностью бухгалтера-неудачника дежурил на посту. Женя, просияв, бросилась к нему и поделилась новостями. Вчера ей рассказали, что головорез Султонбек Мирзоев сидит здесь. И вот подумала: раз не суждено побывать в тюремном музее, то в книге стоит упомянуть хоть об этом экспонате.

– Ага, он второй год тут. Но это – элитный клиент. К нему пускают только мать и адвокатов.

– Да, слыхала. Никаких интервью и прессы. Самый загадочный преступник XX века.

– Не люблю этого, – нахмурился милиционер. – Вы, писатели, чуть ли не героя из него делаете. Убийца и террорист. Ничего загадочного в нем нет. Отойдите с прохода, люди же идут.

Она подвинулась, пропуская паломников с «передачками». Клерк в синей форме явно не разделял мнение журналистов, для которых Мирзоев был фигурой космического масштаба. Впрочем, от стража порядка требовалась другая информация, поэтому Женя сделала вид, что согласилась с его позицией.

– Вы правы, окружать разбойников романтическим ореолом – неверно. Бандиты – они и есть бандиты. Потому хочу написать про отпетого негодяя вроде Мирзоева. Это будет развенчание мифа.

Тот одобрительно кивнул, но вслух выдал заезженную фразу:

– Ничем не могу помочь, к сожалению.

– Знаю... Хотя не исключено, что можете. Для изобличения ужасов, которые натворил Мирзоев, не обязательно общаться с ним. Достаточно посмотреть вокруг. Сколько людей сделал несчастными! Даже родня знаясь не хочет! А какие страдания причинил матери? Бедная женщина!

– О, да, не представляете, как мучаются матери извергов. Каждый день наблюдаю эту картину. Жалко их. Растишь ребенка, растишь... Надеешься, человеком станет. И вдруг такое.

– Сущий ад, – подтвердила Женя. А про себя вспомнила поговорку – что посеешь, то и пожнешь. Не зря ведь ее придумали?

– Кстати, мать Мирзоева навещает. Может, по поводу книги с ней побеседуете?

– Просто читаете мои мысли! Как раз хотела спросить!

– Свидания им редко разрешают. Он больше с адвокатами. Но «передачки» матушка исправно носит. Милейшая старушка, хотя немного того...

– Сумасшедшая?

– Да нет... Гадалка она. Будущее видит. Некоторым нашим ребятам такого напророчила... И главное, сбылось. Они теперь и сами не рады, что узнали все наперед.

– Да у вас тут, оказывается, своя вещая Кассандра.

– Кто?

– Неважно. А часто она приходит?

– Каждый вторник и пятницу, по расписанию.

– Так сегодня же пятница!

– Ну вот значит, будет. Обычно к вечеру появляется. В общем, посидите, подождите. Придет она.

И она действительно пришла. Но лучше бы не приходила.

Мать Мирзоева походила на бабульку, виденную накануне. Ей не было и семидесяти, но из-за горестей, выпавших на долю, она выглядела на все восемьдесят. Седые волосы прикрывал темный синтетический платок, а в потухших глазах читались смирение и готовность к новым тяготам, если судьба решит еще больше поиздеваться над ней. Нелепое облачение из лоскутков и заплат указывало на крайнюю бедность.

Женя отметила этот момент. У террориста номер один, хоть тот и сидел за решеткой, наверняка денег – куры не клюют. Матери на приличную одежду должно хватать – не все же на дорогих юристов уходит. Впрочем, не ее забота. Главное – понравиться Анзурат Акобировне. Все усилия направила на это. А также на то, чтобы без запинки произнести ее имя.

Она знала, что для прессы мать боевика давно потеряла интерес. Речи адвокатов, мнения чиновников и причитания родительницы даром никому не сдались. Вот интервью с самим Мирзоевым – да, очень желанно. А остальное – увольте. Есть более актуальные темы. В том числе, хватает непойманых террористов. Кому нужна выжившая из ума старуха? Лишь студентке-пятикурснице.

Сначала Анзурат Акобировна не могла понять, чем вызвано внимание молодой особы, но спустя полчаса все встало на свои места.

Покинув СИЗО, Женя предложила зайти в кафе, но та испуганно замахала руками. Поэтому для общения выбрали скверик неподалеку. Там, не откладывая в долгий ящик, Женя сообщила, что никакая она не писательница. Да, имеет отношение к писательскому цеху, но ее призвание – журналистские расследования, и дело Мирзоева – самое сложное в ее практике. Она собирается взять у него интервью, которое создаст общественный резонанс. Не исключено, даже пересмотрят меру наказания.

Первый же вопрос Анзурат Акобировны обнаружил, что пожилая таджичка не так проста. Она попросила показать удостоверение: откуда ей знать, что Женя та, за кого себя выдает? Тем более, пять минут назад представилась писательницей. Несколько раздосадованная, что бабуля оказалась вовсе не божьим одуванчиком, а здравомыслящей гражданкой, Женя показала студенческий билет, пояснив, что «корочек» штатного сотрудника пока нет. И чтобы рассеять сомнения, достала пару своих статей на политическую тематику. Та осталась удовлетворена.

Сложив иссушенные руки поверх длинной аляповатой юбки, Анзурат Акобировна поинтересовалась, в чем заключается план и как он выгоден сыну.

– Вам известно: если Султонбек даст интервью, его вышлют в Таджикистан. А там ждет верная смерть. Потому и молчит. Иначе давно организовал бы пресс-конференцию прямо в камере. Если есть деньги, это не проблема. Сами знаете, в каком мире живем.

Женя уважительно посмотрела на нее. Очевидно, за внешней, преждевременно увядшей наружностью скрывался сильный характер и ясный ум. Подбирая слова, она сказала:

– Я так думаю, это будет не вполне интервью. Скорее, публикация личного дневника. План таков: за несколько дней до выхода материала в печать Султонбек сообщит надзирателям о пропаже его частных записей. Идеально, если на этой почве произойдет небольшой скандал. Такой, чтобы все прониклись идеей: воровство совершено ради материальной выгоды. Ведь откровения знаменитого политзаключенного дорого стоят на черном рынке. Такую логику мы породим у тех, кто возьмется расследовать инцидент.

Что в итоге? Когда публикация увидит свет, Султонбек разыграет трагедию вселенского масштаба, будучи в ужасе, как наживаются на его горе. И в глазах общественного мнения станет не только пострадавшим от кражи, на которой тюремные начальники нагрели руки, но и жертвой политической провокации. Между тем, в самой статье вольным стилем расскажет, что считает нужным. Обещаю обнародовать все без искажений.

Когда Женя замолчала, во взгляде Анзурат Акобировны стояло непонимание.

– Действительно, это хороший способ публично высказаться, сохранив алиби. Но простите: какие записи? Мой сын не ведет дневник. А если бы и вел, его не передать сюда, на свободу. Милиция каждую пуговицу рентгеном просвечивает, а переписка читается вдоль и поперек.

– Секретные материалы Султонбека будут существовать только в воображении окружающих. О том, что это – вымысел, в курсе лишь мы.

– Но если дневника нет, что же собираетесь печатать?

– Я составлю вопросы, вы отнесете их в тюрьму, а он вернет ответы. Потом передам материал в редакцию, где все оформят так, будто по почте пришло заказное письмо с откровениями вашего сына.

– То есть как вопросы и ответы? И каким образом отдать их и забрать обратно?!

– Как обычно, с «передачкой». Вы же носите ему одежду, книги и периодику. Сегодня, например, видела в вашей посылке три газеты, и одна из них – «Голос Таджикистана». Что характерно, на таджикском языке.

– Да, конечно. Но при чем тут это?

– При том, что тюремные переводчики не читают иностранную прессу, – озорные чертики отплясывали в карих глазах.

Анзурат Акобировна растерянно заулыбалась. А Женя поняла: сделано главное. Мать Мирзоева согласилась на авантюру.

Привести план в исполнение было делом техники. В справочнике нашлись телефоны десятков типографий. В целях конспирации Женя отбросила крупные и именитые и обзвонила небольшие частные конторы. Выяснилось, что напечатать экземпляр газеты, которая бы имитировала настоящую, – дорогое развлечение. Но это не смутило. Видите ли, она хочет преподнести оригинальный подарок другу, который приезжает из солнечного Душанбе. Ради такого можно раскошелиться.

Тем не менее раньше чем через неделю повернуть дело не представлялось возможным. Анзурат Акобировне нужно было несколько дней, чтобы выхлопотать свидание с сыном. Поскольку давно не виделись, прошение наверняка удовлетворят. Встреча требовалась, чтобы незаметно – интонациями, жестами – дать понять арестанту: свежую прессу надо штудировать от корки до корки.

На выходных Женя составила список вопросов к интервью. Смешно, в вузе вдабливали, как много зависит от точности формулировок, и что это – наисложнейшая задача. «Если бы они знали!» – ухмылялась она, выполняя эту – самую легкую – часть работы. Нетрудно догадаться, заключенному есть что сказать – дайте только возможность. Остросюжетное интервью гарантировано долгим молчанием и потребностью выговориться самого Мирзоева.

Очередная встреча с Анзурат Акобировной была посвящена письменному переводу вопросов с русского на таджикский. Женя как раз заканчивала диктовать вводное обращение к узнику, где раскрывалась суть плана, когда та вдруг отложила ручку.

– Женя, это интервью сыграет решающую роль в вашей судьбе.

– Еще бы! Когда оно выйдет, все изменится!

– Я не об этом, – в глазах Анзурат Акобировны загорелся странный огонек. – Мой сын оплатит вам той же монетой. Он не останется в долгу.

– Ну это лишнее... Он мне ничего не должен, – пробормотала Женя, сбитая с толку ее интонациями. – Кстати, мне говорили, что вы ясновидящая.

– Девочка моя, ясновидение не означает янопонимание... Но чтобы предугадать будущее, необязательно его видеть. Достаточно знать людей. Запомните, это интервью спасет вам жизнь.

Женя поежилась.

– Давайте вернемся к переводу. У нас еще много работы.

В понедельник, пока Анзурат Акобировна вымаливала свидание с сыном, Женя сидела на занятиях в институте. Преддипломные консультации шли полным ходом, поэтому пропустить лекции не рискнула. Вполуха слушая преподавателя, она грызла шариковую ручку, ожидая завершения каторги, а в перерыве между парами «повезло» столкнуться с Лесником. Тот не удостоил даже взглядом, хотя ее «Здравствуйте!» прозвучало весьма громко. Она лишь улыбнулась в ответ на демонстративное поведение.

Едва лекции закончились, Женя поехала в типографию, на которой остановила выбор. Решение именно там печатать спецномер «Голоса Таджикистана» объяснялось просто: фирма не имела сотрудников из южных стран СНГ. Лучше перестраховаться, чем в последний момент обнаружить, что верстальщик или наборщик – таджик. Текст газеты должен понять один человек, и он явно не работник полиграфического агентства.

Встречи с менеджером и дизайнером прошли успешно. От первого она добилась снижения стоимости заказа, а проведя вечер в компании со вторым, получила макет «подарочного» издания.

В среду на руках был отпечатанный экземпляр. Нужная информация перемежалась абракадаброй, которая на вид выглядела так же. Человек, далекий от знания таджикского, ничего не заподозрил бы. У Анзурат Акобировны дрожали руки, пока пролистывала страницы газеты. Жене было неведомо чувство материнства, поэтому она списала волнение на боязнь провала операции и успокоила:

– По-моему, отлично получилось.

– Да, просто чудо, как настоящая. Вот только... Султонбек получит ее, прочтет, но как ответит на вопросы? Как передаст сведения, не вызвав подозрений?

– А зачем, по-вашему, здесь столько кроссвордов?

На следующий день состоялось свидание Мирзоевых. Женя много бы дала, чтобы хоть глазком взглянуть, на какие ухищрения пошла мать, предупреждая сына о заварившейся каше. И лопалась от любопытства – так ей хотелось видеть лицо матерого боевика, когда тот прочтет пятничную «прессу». К сожалению, это было невозможно. Более того, на пушечный выстрел нельзя подходить к СИЗО. Старый знакомый милиционер заподозрит неладное, увидев «писательницу», которая неделю назад собиралась умотать на Колыму.

В день икс оставалось лишь ждать, сидя в кафе через дорогу от тюрьмы. Она забыла про эспрессо и не сводила глаз с арки, откуда должна была появиться мать Мирзоева. Наконец, слава Аллаху, та вышла. Женя, как заранее условились, покинула убежище и направилась к скверу – месту их встреч. Анзурат Акобировна шла по противоположной стороне улицы и на перекрестке остановилась, поджидая ее. Едва встретившись с ней взглядом, Женя расцвела: улыбка пожилой женщины говорила об успехе миссии.

Они сели на скамейку, и Анзурат Акобировна рассказала о проделанной работе. Все прошло по тому же сценарию, как и последние полтора года. Проверяющий тщательно досмотрел пакет с чистой одеждой, двухтомником Омара Хайяма и традиционными тремя газетами: «Делец», «Точка зрения» и «Голос Таджикистана». Подал бланк расписки, где Анзурат Акобировна поставила автограф, подтверждая, что ничего запрещенного в «передачке» не содержится. После к пакету прицепили бирку и отправили арестанту, вернув взамен его несвежее белье и прочитанную литературу.

Женя зачарованно смотрела на Анзурат Акобировну, но будто не видела. Перед глазами стояла другая картина. Сейчас, в этот самый момент, Мирзоев читает «вводную», где описывается лихая авантюра. О, Господи, сделай так, чтобы он понял вчерашние намеки матери! Чтобы прочитал «Голос Таджикистана»! И чтобы затея пришлась ему по душе!

Женя не верила в бога. Но как ни странно, жаркая эгоистичная молитва была услышана. Через два дня по ТВ промелькнула информация, что Султонбек Мирзоев подал жалобу в прокуратуру на руководство тюрьмы, которое обвинил в краже личного архива с целью наживы.

В понедельник Женя, наплевав на лекции, осталась дома и смотрела телевизор, надеясь получить известия про важного узника. Но симпатичные дикторши и седовласые ведущие упрямо молчали на эту тему.

Завтра, во вторник, с «передачкой» должен вернуться «Голос Таджикистана» – единственная улика, доказывающая, что интервью состоялось. Охватывал страх, что на последнем этапе произойдет сбой. Кто-то прочтет липовый номер и поймет, что это подделка. Или газета потеряется. Или ее выбросят в мусор.

Беспокойство удивительным образом не относилось к ее личной безопасности. Женя переживала, что провал операции приведет к краху карьеры. Что не выполнит обещания, данного Леснику. Что умрет от стыда и обиды. Но ее не посещала мысль, что эта акция – самое настоящее нарушение закона. И если аферу раскроют, то проблемы окажутся посерьезнее, чем ссора с деканом.

К счастью, удача не изменила ей. Во вторник, сидя в кафе напротив СИЗО, Женя дождалась, пока Анзурат Акобировна вышла из арки. Обе знакомым маршрутом направились в скверик. В «передачке» от Мирзоева обнаружилось грязные носки, смятые мужские сорочки, а вместе с пятничным – пара старых выпусков «Голоса Таджикистана». Все клетки в кроссвордах были заполнены буквами, написанными неровным почерком.

Женя, еще не зная перевода, откинулась на спинку жесткой скамейки и закрыла лицо руками. Раздались судорожные всхлипывания, и Анзурат Акобировна окинула ее тревожным взглядом, не понимая, что вызвало расстройство. А когда та отняла ладони от пылающих щек, мать Мирзоева увидела слезы радости и измученную улыбку человека, который боролся не на жизнь, а на смерть. И победил.

* * *

Когда Женя закончила рассказ, Петушков напоминал человека, которому научно доказали, что люди могут проходить сквозь стены. И понимал, что скорее уволит троих, чем упустит эту девицу. Помимо незаурядного мышления, она обладала бесстрашием, граничащим с безрассудством. Ей бы в военные корреспонденты. Удивительно, что человека с таким характером привлекала экономика. Далеко пойдет.

Он выразительно вздохнул.

– Евгения, хоть представляете, что натворили? Вы же теперь преступница. Это чистой воды мошенничество. И вот свидетельство тому, – он слегка потряс спецвыпуском «Голоса Таджикистана».

– Это не улика. Вся тарабарщина зашифрована. Код известен мне, клану Мирзоевых и некоторым чеченским боевикам. Переведя газету с таджикского, получите бессвязный набор слов. Про ответы в кроссвордах вообще молчу. Не спорю, странноватая газетка. Но за такое под суд не отдадут. Кроме того, нельзя доказать, что Султонбек держал в руках этот экземпляр.

– А почерк? Графологическая экспертиза...

– Он писал ногой.

– Это шутка?

– Нет.

– Ну тогда дактилоскопия...

– Снять отпечатки с газетной бумаги непросто. Для этого нужен спецраствор, который в России не используют. Это мне рассказали ребята, которые работают в уголовной хронике.

Они, кстати, в приятельских отношениях с криминалистами и дали парочку дельных советов... В общем, «пальчиков» Мирзоева тут нет. Газета сплошь покрыта моими отпечатками.

– Слушай, а как тогда докажешь, что эта душераздирающая история – не плод твоего воображения? Может, сама ногой все написала!

– Субботние новости видели? Мирзоев подал жалобу в прокуратуру. Позвоните, уточните. У вас же есть связи в органах?

Петушков урезонил ее взглядом – девочка явно почувствовала себя на коне и начинала дерзить.

– Значит, так. Проверю это хозяйство и жду тебя завтра в девять утра. Прыть и напор, слов нет, прекрасны. Но у меня дисциплина строже, чем в армии. Заруби на носу. А будешь хамить начальству, как только что нахамила – вообще уволю, – последнюю фразу он буркнул миролюбиво, и Женя просияла.

– Клянусь, никогда не опаздываю! Вот увидите, не пожалеете, что взяли меня!

– Да уж надеюсь, – хмыкнул Петушков.

Он даже предположить не мог, как сильно и скоро пожалеет об этом решении.

«Точка зрения» опубликовала откровения боевика Мирзоева, и потом события развивались стремительно и точно в том русле, которое предсказывал Лесник. В газету наведывались представители различных ведомств, однако обвинение не предъявили за отсутствием улик. По сути, издатель напечатал присланный по почте материал. Конверт со штемпелем, но, увы, без обратного адреса продемонстрировали компетентным лицам вместе с выдержками из «личного дневника». Мирзоев в камере рвал и метал, взывая к правосудию. Власти чувствовали, что их надули, но оказались связанными по рукам и ногам. Выходило, что заключенный публично признался: напечатанное – его слова, но при этом он стал «жертвой кражи и политической компрометации». Как на грех, нашлись свидетели среди заключенных и надзирателей, которые подтвердили: задолго до выхода записей в свет, он свирепствовал, проклинал воров и разве что не плакал.

Для Мирзоева дело кончилось ничем. В Таджикистан не отправили, но и не помиловали. Жизнь его матери тоже не изменилась. Пресса помусолила скандальную ситуацию и переключилась на другие темы. Следственные структуры, изучив каждую запятую в инциденте, с неохотой закрыли дело. Тиражи «Точки зрения» подскочили до небес, обогнав позеленевшего от зависти «Дельца». А Евгению Мельникову приняли в штат к удивлению сотрудников, которые недоумевали, с чего Петушков взял под крылышко неоперившегося птенца, едва защитившего диплом. Что касается Жени, то она была на седьмом небе от счастья. И, паря в облаках, думать забыла о пророчестве Анзурат Акобировны.

Петушков знал, что Женя буквально бредит экономическими расследованиями. Об этом она сама сразу рассказала, едва пришла в себя от счастья, что принята в штат. Но у него наметился стратегический план, согласно которому новую сотрудницу сперва следовало «обстругать», научить осмотрительности и привить мысль, что права на ошибку в их деле – как и у врачей – нет.

Кроме того, определив в отдел экономики, он отдал бы девочку во власть Мазуркевич. Та учует блестящий, хотя пока не ограненный талант, и сделает все возможное, чтобы крепко насолить. Хитрая лиса, понимающая, что ее время на исходе, совет клубок интриг, в котором концов не сыщешь, и повесит все на новенькую. И ту придется уволить, иначе старая ведьма поднимет вой, на который сбегутся учредители. А уж это совсем лишнее. Выкуривать Мазуркевич надо незаметно, параллельно натаскивая Мельникову как профессионала.

Поэтому Петушков закрепил Женю за политредакцией. И через Семена Колесникова – молодого смекалистого заведомом – контролировал ситуацию. У того был дар понимать

истинное положение вещей и держать язык за зубами. Сообразив, что Петушков строит далеко идущие планы на Женю, он принял как данность, что ее нахождение под его началом – проформа. Спустя пару месяцев его догадки подтвердилась: Женя упростила Николая Максимо-вича «посадить поближе к ребятам из экономики». И босс, под видом нехватки помещений, переселил в кабинет на восьмом этаже. «Возможно, оно к лучшему, – рассуждал Петушков. – Пусть держит руку на пульсе. А когда придет время попрощаться с Полиной, быстро войдет в курс дела. Да и с сотрудниками контакт будет налажен».

Разумеется, никто из них понятия не имел о замыслах Петушкова. Мазуркевич и Женя втихую ненавидели друг друга, хотя работали в разных отделах и поводов для разногласий как будто не было. Женя с детства находила общий язык со всеми, поэтому недоумевала, с чего старая карга взъелась на нее. Мегера не могла прознать о мечтах занять ее должность – вслух заветные фантазии Женя не озвучивала. В конце концов, она прекратила ломать над этим голову и поняла, что правильная тактика – пропускать мимо ушей извержение желчи перекрашенного, слащаво надушенного мешка с костями. Ей не приходило на ум, насколько отградно Петушкову было видеть, как быстро и успешно идет процесс «закалки стали». На его глазах одаренное, но пылкое создание превращалось в хищника, умеющего терпеливо выжидать, контролировать эмоции и отражать провокации. О том, как скоро этот хищник покажет зубы, он не думал. А стоило бы подумать.

* * *

В эту пятницу Петушкова не волновали тонкости кадровой политики. И хотя голово-мойку отдельным персоналиям он планировал устроить, распри Мельниковой и Мазуркевич не стояли на повестке дня.

Когда конференц-зал заполнился, Петушков с ловкостью, неожиданной для крупной комплекции, поднялся с кресла и прошелся туда-сюда. Затем вытащил из развалов бумаг сверстаный субботний номер «Дельца» и бросил на стол. Тот, словно неуклюжий фигурист, скользнул по полированной поверхности.

– Пятнадцать минут назад я получил вот это. Мечтаю понять: что сие значит, господа?

«Господа» устремили взгляды на лист формата А2 – черновик завтрашнего выпуска вражеского издания. Это была первая полоса. Под завитушками «шапки» белозубой улыбкой сверкала фотография Санчеса Идальго – президента Международного валютного фонда. Ниже шел заголовок: «МВФ выделит России десять миллиардов долларов».

По кабинету прошелестел вздох облегчения – стало ясно, кому несдобровать. Коллеги украдкой поглядывали на побледневшего начальника отдела международных новостей Василия Игнатова. Тот в ужасе уставился на фото, и его глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит. Петушков, оперев в стол кулаки, обратился к нему:

– Можете объяснить, почему эксклюзив, который должен выйти в «Точке зрения» в понедельник, опубликуют завтра наши конкуренты?

Игнатов не мог объяснить этого. Его взгляд приклеился к передовице «Дельца», а мозг отказывался переварить увиденное.

– Вы лично интервьюировали Идальго. Следовательно, вряд ли утечка информации произошла от вас, – в голосе Петушкова звенел металл. Без сомнений: он считал виноватым как раз исключительно Игнатова. – Не верю в телепортацию. Поэтому хочу знать, как интервью – идентичное, слово в слово – оказалось в «Дельце»?

Обычно нарушением авторских прав никого не удивишь. Давно стало нормой, что материалы «Точки зрения» перепечатывались изданиями помельче. К этому привыкли, на автомате отсылали в юридический отдел выявленные факты, и все. Но сейчас разговор шел об эксклю-

живе, украденном до публикации. Случившееся – не ляп или оплошность. От ситуации дурно пахло двурушничеством.

Бог знает, как Петушков заполучил сканы «Дельца». Впрочем, на то он главный редактор, чтобы предвосхищать неприятности. Теперь все вверх дном перевернет, но найдет, откуда растут ноги у этого предательства. Хотя сложно представить, что перебежчик в стан врага – простоватый добряк Игнатов. Тот вжался в кресло, растерянно моргал и выглядел крайне жалко. «Нет, вряд ли он, – подумала Женя, – но головы ему не сносить: прокол серьезный».

Петушков, меж тем, продолжал допрос.

– Полагаю, догадываетесь, как бы я огорчился, обнаружив, что «Точка зрения» продублировала тираж «Дельца». Признаться, не ожидал, что вы, господин Игнатов, проявите такую... м-м-м... халатность.

Взгляд Петушкова впился в бедолагу. Тот не знал, куда деваться и что говорить. Все было ужасно. Мало того, что позор наблюдают коллеги, но еще хуже, что начальство ставит его под подозрение.

– Максимыч... Не представляю, как это произошло...

– После совещания – жду в кабинете. Душу из тебя выну, – мрачно пообещал Петушков и отвернулся.

Присутствующие снова замерли, прикидывая, что дальше. Босс опустил в кресло и сцепил руки в замок. Глядя на пальцы, будто интереснее предмета не существовало, он сказал:

– К понедельнику нужен материал, который заменит интервью с Идальго. Есть идеи, коллеги?

Все, кроме пристыженного Игнатова, оживились. Крах одного часто оборачивается выигрышем для другого. Попасть на главную страницу – никто не откажется от такой улыбки фортуны! Кабинет загудел как улей. Каждый вспоминал, что есть в заголовке и какой вариант можно предложить.

У Жени аж под ложечкой засосало от желания блеснуть. Но во-первых, блистать нечем. Парочка сырых заготовок о рутине в Госдуме – не пройдут, и думать нечего. А «Темная сторона белых зарплат» не тянет на гвоздь программы. Знать бы заранее, сделала из коррупционного скандала настоящую бомбу. Хотя, конечно, при всем желании не получилось бы раздуть этот материал до масштабов трагедии, достойной первой полосы.

Она кусала губы и злилась на свою недалёковидность. После интервью с Мирзоевым громоподобными статьями похвастаться не могла. Петушкова это, похоже, не расстраивало, но вот она переживала и жаждала новых подвигов.

Ее размышления и общие дискуссии прервал Семен Колесников.

– Максимыч, давай заварушку с вице-президентом передвинем. По объему – подходит. А злободневности добавим за выходные.

– Нет, Сеня. Вице-президент плотно и хорошо стоит там, где ему положено – на втором месте.

– Может, заменим ритейлом с шестой? – раздался голос справа.

– Или «нефтянкой»? – подхватили с торца стола. – Материал-то ядерный!

Лицо Петушкова просветлело, будто озаренное находкой. Но вместо того, чтобы обернуться к автору предложения про «нефтянку», он с надеждой уставился на Полину Мазуркевич. Та, беззвучно шевеля сухими ярко-малиновыми губами, как раз соображала, какой бы текст предложить. Застигнутая врасплох внезапным вниманием, она вопросительно подняла тонкие, прореченные косметическим карандашом брови.

– У нас готова публикация по «нефтяному соглашению»? – Петушков даже повеселел.

При этих словах Женя обратилась в слух, а ее сердце учащенно забилось. Эта тема волновала ее больше всего на свете. Но на Мазуркевич вопрос произвел другое впечатление. Нарисованные брови-ниточки сердито упали вниз, а морщинистое лицо стало сдержанно-чопорным.

– Коля, не хуже меня знаешь, без интервью с Гречишниковым статья ломаного гроша не стоит.

– Да, но она в каком состоянии?

– Слушай, обещала материал через две недели. Наш бесценный министр не общается с прессой. И так задействовала все связи. Рассчитываю на встречу с ним в среду. К понедельнику – исключено. Я не бог, в конце концов!

Петушков и правда знал: глава Минэнерго Павел Гречишников чурается корреспондентов. Достать из первых уст комментарии по «нефтяному соглашению» – заветная мечта. То, что Полина должна побеседовать с ним – равносильно чуду. Но после провала с Идальго чудо требуется не через две недели, а немедленно. Нервы и так на пределе, пар из ушей валит, а мадам Мазуркевич позволяет себе раздражительный тон и передергивание плечами. В общем, Петушков опять расвирепел.

– Да, видимо, бог здесь – я! – крепкая ладонь грохнула по столу. – Поэтому «Точка зрения» еще не превратилась в убожество, несмотря на ваши старания! – его взгляд метнулся к фотографии улыбающегося президента МВФ, а Игнатов снова стал пунцовым. – Мне нужен материал, который переплюнет засранцев из «Дельца». Или откуда они там? – еще один взгляд намертво пригвоздил Игнатова к креслу.

Мазуркевич прижала к плоской груди сухонькие лапки и испугано заморгала. Сотрудники притихли и молились, чтобы их не зацепила вспышка ярости. Босс слыл строгим, но справедливым. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: он не на шутку осерчал.

Женя покорно слушала вместе со всеми, как раздухарившийся Петушков завел пластинку о профессионализме, долге, бездарности и высоких целях. Понятно, лекция читалась, чтобы отвести душу. Она сочувствовала шефу, и ей хотелось придушить тупоголовую Мазуркевич, которая не понимала, когда и какой тон уместен.

Выговорившись, Петушков в расстройстве замолчал. Наступила тишина, нарушаемая лишь чириканьем воробьев за окнами да приглушенным гулом машин на улицах вечерней Москвы.

– Ладно, – мрачно подытожил он и уставился на свои холеные пальцы, – давайте к текучке. Что по финансовым рубрикам? И да, Сеня, заскочи ко мне после летучки. Покумекаем над твоим вице-президентом. Не было важных планов?

– Ничего срочного. Разумеется, зайду.

Женя отметила, что голос Семена Колесникова был ровным и спокойным. Будто не обрадовался, что его материал пойдет на первую полосу! И словно не переживает из-за сорвавшегося свидания (лично слышала, как ворковал по мобильному о встрече в восемь вечера). Впрочем, известно: когда начальство спрашивает, нет ли у тебя планов – это риторический вопрос. Если хочешь, чтобы твои публикации выходили в «Точке зрения», да к тому же – были гвоздем номера, по умолчанию нет иных планов, кроме этого.

Женя числилась в издании простым корреспондентом, и ее фамилия была не Колесников, а Мельникова. Поэтому она могла позволить себе планы и каждую пятницу виделась с лучшими подругами – Машей и Леной – в кофейне в центре города.

С работы до места встречи на Кузнецком мосту было две остановки метро. В хорошую погоду Женя любила прогуливаться пешком, но сегодня разбор полетов затянулся, и она опаздывала. На мобильном обнаружили пропущенные вызовы от Маши. Перезвонив, она услышала бодрое приветствие:

– Где шляешься, мать? Какого дьявола игнорируешь звонки?

– Пардон муа, Мусик. Летучку задержали. Но в следующий раз, конечно, прерву ор Петушка, чтобы побеседовать с тобой.

– Что, наконец-то уволили?

- Прекращай глумиться, а то приеду и съем твои пирожные!
- Если будешь залипать в редакции, то не успеешь. Я сегодня ненадолго.
- Что так? За полярным кругом обнаружили эдельвейсы и твой НИИ перебрасывают защищать процесс фотосинтеза?
- Откуда узнала?
- Профессионалы не выдают источники информации.
- Ладно, переживу. Через сколько прилетишь, мой маленький Вжик?
- Десять минут – и я у ваших ног.
- Отлично. Лелька сохнет от тоски по тебе. Так что поторопись!

Женя, Маша и Лена были ровесницами и познакомились благодаря факультетской тусовке. Со временем они стали не разлей вода, а их настоящие имена вытеснили ласковые прозвища. Женя получила при дружеском крещении имя Вжик – за энергичность и неутомимость. К Маше приклеилось незатейливое Мусик. А Лену еще в школе прозвали Лелькой, и теперь реальным именем называли разве что родители и начальство.

Мария Полежаева была среднего роста, миловидной, но склонной к полноте и недовольству этим обстоятельством. Вздернутый нос и пухлые губы на румянном лице делали ее похожей на пышущую здоровьем крестьянку. Это порядком бесило девушку. Особенное расстройство начиналось по весне, когда на молочно-белой коже высыпали веселые веснушки. Маша в гробу видала рецепт «полюби себя такой, какая есть» и вела ожесточенную борьбу с «деревенщиной в своем зеркале».

Елена Лейбниц считалась экспертом в вопросах красоты и стиля, и под ее чутким руководством рвение подруги было направлено в грамотное русло. Ряд экспериментов сделал из умненькой, но простоватой Маши нечто волнующе-летящее. Поколдовав над грубоватыми замашками, за пару-тройку месяцев Лена превратила их в бойкую, заводную манеру поведения. А когда вокруг обновленной Маши стали виться поклонники, ее признательность к подруге выросла до планетарных масштабов. Сама же Маша, не переносившая «расфуфыренных дур», признавала, что утонченная и холеная Лена – исключение из правил. «Взять – и из жирного хряка сварганить принцессу! Это ж какой талантище и благородство души! – восхищалась она. – Имей я внешность фотомодели и врожденное чувство вкуса, в жизни не стала бы возвращать себе конкуренцию!»

Лена в ответ смеялась и говорила, что ее призвание – делать мир лучше. Ее самую эффектную брюнетку с короткой модной стрижкой, всегда стильно одетую, мужчины провожали восторженными взглядами. Пост редактора раздела светской хроники в развлекательном журнале «Звездная пыль» накладывал отпечаток – как минимум, по долгу службы она выглядела сногшибательно. Встречи со звездами шоу-бизнеса, гламурные тусовки, открытия клубов и ресторанов обязывали блистать и очаровывать, чтобы добывать интервью. Оставалось загадкой, как ей удавалось совмещать ночной образ жизни с дневными задачами куратора глянцевого издания, а также с материнством, которое, как известно, круглосуточная работа без выходных.

После скоропалительного брака и развода у Лены на память о бывшем муже остался маленький Лешка. Маша любила приговаривать, что ребенок – единственная причина, почему та прощена в великолепии и до сих пор жива. Лена в ответ заявляла, что Мусик – экологически чистая балда, и что непозволительно сотруднику НИИ засорять мозг столь грязными мыслями.

Маша действительно работала в научно-исследовательском институте охраны природы и экологии в должности пресс-секретаря. В пиар-отделе ее ценили за организаторские способности, ответственность и неунывающий характер. Именно там она произвела фурор, явившись в образе очаровательной дамы и околдовав ведущего научного сотрудника. Спустя время

флегматичный худошавый Константин предложил ей переехать к нему. Уже год молодые люди жили под одной крышей, и Маша не сомневалась, что Костя «скоро потащит в загс».

Подруги знали, что свить семейное гнездо – ее главная миссия. Даже горячо любимые уссурийские тигры и биосфера в целом не могли претендовать на первое место в списке жизненных ценностей Маши. Она объясняла это тем, что выступает за размножение любых живых существ: и тигров, и людей. Лена, не жаловавшая институт брака после неудачного опыта, скептически качала головой. А Маша предъявляла аргумент в виде ее малыша и загоняла в тупик вопросом: «Ты что, жалеешь о нем?» Лена боготворила сына, потому признавала поражение, и дебаты заканчивались.

Женя слушала эти разговоры с улыбкой: для нее создание семьи и рождение ребенка представлялось чем-то вроде переселения на Луну. Теоретически – любопытно. Но практическая потребность в путешествии отсутствовала. Кроме того, о замужестве не думалось в принципе: вся энергия и силы брошены на карьеру.

Да, конечно, мужчины важны. Однако ее романы не заходили так далеко, как у Маши. Впрочем, за нее радовалась и считала, что «шанс выживаемости этих отношений высок». Та же недовольно ворчала насчет Жениного неуместного аналитического подхода к любви, но, по сравнению со скепсисом Лены, эта лояльность утешала будущую невесту.

Хотя их жизненные приоритеты различались, молодые женщины крепко дружили. Часто общались по телефону, виделись пару-тройку раз в неделю, а уж пятничные посиделки давно стали традицией.

Запахавшись, Женя вбежала в кафе. Лена и Маша расположились за столиком возле окна – уголок на веки вечные был закреплен за ними. Полюбившаяся кофейня на Кузнецком мосту отличалась от сетевых забегаловок и сохраняла самобытность. Владелец вложил душу в дело: это чувствовалось во всем, начиная с дизайна и заканчивая обслуживанием и меню.

Обстановка в приглушенно-коричневой гамме создавала мягкое настроение, а стилизация под старину выглядела естественной. Дореволюционная печатная машинка английской работы. Набор для письма с гусиными перьями. Антикварные книги, которые можно было полистать за чашкой ароматного чая. Уют старинной библиотеки переносил в начало XX века, а звон дверного колокольчика словно предвосхищал появление дамы из высшего общества под руку с почтенным джентльменом.

Женя, влетев на всех парах, всколыхнула журчащую, неспешную атмосферу заведения. Приветливо махнув официанту, она на ходу сообщила: «Мне – как обычно», и села за столик к подругам.

– Ты не Вжик, а отощавший Карлсон со сломанным пропеллером, – буркнула Маша. – Опоздала на полчаса.

– Петушок зверствовал. То, что меня ждут две замечательные женщины, не сошло бы за уважительную причину бегства.

– Что-то серьезное?

– Один пудель профукал интервью с главой МВФ, которое теперь опубликует «Делец». Ну а у вас какие новости? Что за история с эдельвейсами, Мусик?

– Ох, не напоминай! Я только успокоилась.

Вопрошающий взгляд обратился к Лене.

– Ничего выдающегося. Нашей Мусик подкинули внеурочную работу, а у нее, видите ли, были планы на выходные.

– Ни фиги себе, Лелька! Знаешь, сколько несправедливых поступков совершил Костя, чтобы добыть эти билеты?!

Официант принес дымящийся кофе, слоеные пирожки, и Женя принялась уплетать вкусности, со снисходительной улыбкой слушая жалобы Маши.

– Вся суббота – насмарку. Так еще полночи башку ломать, куда всех физиков-химиков-лириков рассадить. Свалились на голову в последний момент! Как в аудиторию на пятьдесят человек запихнуть двести? У меня только профессоров семьдесят две штуки. И это же не люди! Они, прости господи, светила науки! Им для нимбов отдельное койко-место нужно. Как хочешь – так и крутись.

– А что за сборище? – поинтересовалась Женя.

– Да один юноша волоокий запатентовал свежеизобретенный агрегат нефтеочистки. Шуму поднял, мама дорогая. Из американцев грант выбил на пару миллионов «зелени». Вот приезжают посмотреть, как это чудо техники работает.

– Ну и чего переживаешь? Приедут три с половиной заграничных ученых, поглядят на это хозяйство и уедут. Все в твоём кабинете поместятся. Чай, не космический корабль ваш Кулибин изобрел. Неужели две сотни соберутся поглазеть?

– Как бы ни так. Нас почтит присутствием крендель из Минэнерго. Едва в программу внесли доклад этого Гречишникова, как профессора со всей Москвы сбежались. Даже из института косметологии прискакали – а уж им-то чего взбрело? Можно подумать, наш агрегат штампует румяна и помаду. Видели бы, что сегодня на кафедре творилось! Ни дать ни взять – осада Ла-Рошели. А мы с лаборантами оборонялись как д'Артаньян и три мушкетера. Так что завтра мне хана. Придется студентов выгонять из лектория, – подытожила Маша и покосилась на изменившуюся в лице Женю. – Вжик, у тебя макияж поплыл.

От Лены тоже не ускользнуло, как переменялась подруга.

– Ох, узнаю этот взгляд, Мусик. Спорим, ей что-то от тебя надо?

– Ты сказала – Гречишников? – выдохнула Женя. – Павел Алексеевич? Глава Минэнерго?

– Ну да. А тебе-то он на кой сдался?

Зачем Гречишников – ей?! Да это подарок судьбы! Несколько секунд она не могла вымолвить ни слова, лишь восторженно булькала. Лена и Маша удивленно переглянулись. А взволнованная Женя чуть не перевернула кофе и затараторила:

– Да вы что? Он же лакомый кусок! Не дает интервью и не выступает на публике. А сейчас, когда «нефтяное соглашение», считай, подписано, за его комментариями пол-Москвы гоняется. Он же все здоровье отдал, чтобы избежать принятия этого законопроекта. Я обязана попасть на профессорский слет и встретиться с ним. Мусик, дорогая, сможешь приготовить двести первое койко-место для меня?

– Мне-то что, приходи. Если уж психов из косметологии приткнула, еще одну сумасшедшую тоже пристрою. Но как ты намерена пообщаться, если он избегает прессы?

Об этом Женя подумать еще не успела. Пальцы отбивали дробь по столу, а брови сосредоточенно сошлись на переносице. Наконец, лицо озарила хитрая улыбка.

– Лелька, нужна твоя помощь.

– О как! – хохотнула Маша. – Вон чего Вжик вытворяет! Молодец, хвалю, не зашкаливающий борзомер ты наш! А ты, Лелька, наивная душа, полагала, она станет клянчить что-то у меня!

– Смотрите, – сверкнула глазами Женя. – Гречишников шарахается от прессы, не подпускает корреспондентов деловых СМИ. Что есть – то есть. Но если зайти с другой стороны? Скажем, «Звездная пыль» просит у него интервью. Не о политике, а про личную жизнь: семья, хобби, домашние животные – ну о чем обычно спрашивают. Я представлюсь журналистом «глянца» и вытащу информацию, которая мне интересна.

– Восхитительный бред, Вжик. Ты прям в ударе.

– Ничего не бред, Мусик. Главное, усыпить его бдительность. В качестве внештатника «Звездной пыли» это нетрудно, – она посмотрела на хмурившуюся Лену, которой затея пришлась не по нраву. – Ну что, нарисуеть «корочки»?

– Слушай, во-первых, подделка документов преследуется по закону. Мне головная боль ни к чему. Во-вторых, что будет, когда правда вскроется, и статью опубликуют в «Точке зрения», а не у нас? Не знаю, как Петушков, а я проблем не оберусь.

– О подделке речь не идет. Должно быть настоящее удостоверение. Ты же пачками их выписываешь. Народ бегает, собирает материал и приносит в клювике, так? Ну вот на сутки стану твоей подчиненной. И сделаю интервью о частной жизни именитого политика. «Встреча без галстука» с главным энергетиком наверняка им понравится. Неужели вашим читателям интересны только актеры и певцы?

– Хм, под таким соусом подать можно. Даже свежо. Но как добьешься от Гречишникова нужной информации? Он, поди, заметит разницу между вопросами о цвете домашних тапочек и «нефтяном соглашении»?

– Что-нибудь придумаю.

Маша, слушавшая диалог, спросила:

– Вжик, голубушка, ваша редакция застрахована на случай взрыва или, там, пожара?

– В смысле?

– Да твой Гречишников озверевает, когда обнаружит, что помимо «Звездной пыли» его имя мощно зазвездило в «Точке зрения». Ты же, так понимаю, намерена сохранять инкогнито?

– Нет, зачем. Назовусь своим именем. Просто про «Точку зрения» умолчу. Вряд ли ему придет в голову узнавать, работаю ли где-то еще, когда покажу документы «Звездной пыли». А уж что наболтает молоденькой корреспондентке – извините, полностью на его совести. Журналист имеет право распоряжаться полученными сведениями по своему усмотрению, не так ли? Искажать ничего не собираюсь. Ему же сообщу – чуть позже – что выйдет два материала. Один в «Звездной пыли». А второй, слепленный из обрезков того, что не подошло по стилистике, возьмет «Точка зрения». Для которой такие обрезки – в самый раз.

– Ты рехнулась, мать. Он тебя саму на лоскуты порежет за такое.

– Мусик, это – худшая версия развития событий. Уверена, проверну все без сучка, без задоринки. Обаяю и выпрошу разрешение публиковать сказанное везде, где захочу. Он, конечно, подумает про конкурентов журнала. А когда статья выйдет в деловой газете, окажется связан своим обещанием. Мне бы только добраться до него. В крайнем случае, выложу правду и стану умолять о коротеньком интервью, – Женя обернулась к Лене. – Ну что, сделаешь удостоверение?

– Хорошо, – неуверенно ответила та, – но Мусик права. Ты больна на всю голову. И кстати, никогда не нравилась твоя привычка говорить правду «в крайнем случае».

– Не драматизируйте. Просто издержки профессии. Это вам не диссертацию про морских коньков писать и не глазки строить на светском показе, – подмигнула Женя и вызвала шквал напоминаний про борзомер.

В это время у Маши зазвонил мобильный, и она проворковала в трубку:

– Милый, мы в кофейне. Через сколько заедешь за мной?

Лена и Женя понизили голос, чтобы не мешать беседе, и договорились после встречи заскочить в редакцию «Звездной пыли». Благо, это недалеко, а Лена на машине. Удостоверение нужно с утра, а та не желала нестись ни свет ни заря на другой конец города.

Пока Маша болтала с Костей, а Лена удалилась в дамскую комнату, Женя позвонила в приемную Петушкова. Было начало десятого, но, очевидно, тот вряд ли освободится раньше полуночи. Послушав длинные гудки, а затем включившийся факс, она упрекнула себя в несообразительности. Конечно, секретарь давно ушла из офиса. А у начальника не было привычки прерывать «мозговой штурм» пробежками в приемную ради трезвонящих аппаратов.

Она прикинула, насколько тот расвирепееет, если позвонить на сотовый. Сотрудников, которых допускали к пятничным собраниям, снабжали его личным номером. Этаким своеобразный знак приближенности к императору. Однако все знали, что босс не в восторге,

если работники беспокоили по мобильному. Негласное право на звонок давала лишь срочная нестандартная ситуация. Женя решила, что сейчас – именно такая. Когда в трубке прозвучало отрывистое «Да?», стало ясно – Петушков по-прежнему был в дурном настроении. Светская беседа не имела смысла, и Женя махом выпалила:

– Николай Максимович, это Мельникова. Завтра встречаюсь с Гречишниковым. Рассчитываю на интервью.

Послышался скрип отодвигаемого кресла: похоже, Петушков покинул лишних слушателей и вышел в другую комнату.

– Как, бесценная моя, хочешь это сделать? Учти, если собираешься захватить его в заложники, я – против.

– Он будет с официальным визитом в НИИ экологии. Закрытое мероприятие. Только что узнала и договорилась об аккредитации.

– Информация о его присутствии достоверна?

– Получена от организаторов. Он в списке докладчиков.

– Мельникова, ты первая, кто порадовал сегодня. Если принесешь интервью, поставим в понедельник на первую полосу, – голос Петушкова заметно потеплел, – и, похоже, поговорим насчет твоего будущего.

– Надеюсь, после обеда текст будет у вас.

– Женя, пожалуйста, не забывай, Гречишников – не Мирзоев. Последствия обмана могут быть серьезнее. Мне дорога твоя буйная головушка. Да и своя тоже. Давай-ка без политического экстремизма.

Она замаялась: похоже, придется задействовать «крайний» метод и беседовать с Гречишниковым начистоту, что повышало вероятность провала. Но выбора ей не оставили. Она грустно вздохнула и дала слово действовать в дозволенных рамках.

Черт возьми, теперь руки связаны дурацким обещанием. Но почти сразу Женя заулыбалась, представив, как прояснилось хмурое лицо Петушкова, разгребавшего аврал по вине растяпы Игнатова. И с наслаждением подумала, как в понедельник вытянется жеманная физиономия Мазуркевич. Да старуху удар хватит! И тогда можно естественно и органично претендовать на место заведомо. От сладких мечтаний замирало сердце, и Женя понимала, что уж теперь-то не выпустит удачу из рук.

Подруги потягивали напитки в ожидании Кости. За это время прошлись по насущным вопросам. Обсудили методы лечения приболевшего сынишки Лены. Дружно раскритиковали Машиного благоверного, который возмутительно позволял себе хранить в холодильнике червей для рыбалки. Пришли к выводу, что летняя джинсовая коллекция этого сезона безнадежно уступает прошлогодней. Женя как раз заканчивала философствовать на тему кризиса в индустрии моды, когда Лена восторженно охнула:

– Девочки, я же грандиозную новость не рассказала! Завтра у меня интервью с Джейсоном Беркли!

Маша вытаращила глаза и в знак восхищения подавилась пирожным. А Женя, приоткрыв рот, попыталась вспомнить, кто это. Имя было на слуху и казалось знакомым. На помощь пришла Маша, расправившаяся с десертом и присвистнувшая:

– Ну даешь! Шикарно! У «Чаки» же завтра концерт в «Лужниках»?

– Да, но сначала лапочка Джей полтора часа проведет со мной.

– Чума! Полтора часа наедине с Беркли!

– Ну... не тет-а-тет. Его пресс-агент будет и наш фотограф. Но все равно, я очень рада.

– Рада? Я бы умерла от перевозбуждения! Ох, Лелька, зверская женщина! Офигеть! Джейсон Беркли! Сам Беркли! – застонала Маша и принялась биться головой об столешницу. –

Пообещай автограф! Нет, два! Нет, пять! Иначе племянницы не простят. И фото! Обязательно, поняла?

Лена смеялась, а Женя, наблюдая приступ идолопоклонничества, вспомнила, о ком идет речь.

Джейсон Беркли – тридцатилетний жгучий брюнет с потрясающей улыбкой и полыхающим пламенем взглядом был лидером и бас-гитаристом всемирно известной группы «Чаки». Музыканты играли тяжеловатый альтернативный рок, но среди фанатов хватало представительниц прекрасного пола.

Женя подозревала, что дело тут отнюдь не в творческой составляющей. Маша, например, была их поклонницей, хотя об андеграунде имела такие же глубокие представления, как младенец о логарифме. Но это не мешало ей разглагольствовать на тему «рок-н-ролл и мы». И с пеной у рта доказывать, что восторг вызван текстами и музыкой, а вовсе не тем, как откровенно басист держит на бедрах свой инструмент, призывно, с хрипотцой выдавая в микрофон что-то вроде «предложи больше, чем моя фантазия в ванной».

«Чаки» образовалась десять лет назад, и названием была обязана кровожадному герою ужасиков – одноименной кукле-убийце. Коллектив часто менялся, пока не сложился к середине 90-х в органичную команду с вокалистом Беркли во главе. В таком составе парни покорили мир и уже пять лет держались в топе самых популярных и высокооплачиваемых рок-исполнителей.

Женя ничего не смыслила в подобной музыке. Она была обычным потребителем хитов и не расстраивалась из-за безграмотности в этих вопросах. В конце концов, ее призвание – буквы, а не ноты. Тем не менее, с женской точки зрения она соглашалась с Машей насчет Джейсона Беркли. Яркий, харизматичный, обаятельный – из него изливалась сексуальная энергия. И, конечно, разделяла радость Лены, которой посчастливилось добиться интервью с «самым сексуальным басистом современности».

– Круто, Лелька, – сказала Женя, когда восторги Маши поутихли. – Как удалось? К нему же, наверное, очередь из корреспондентов – человек пятьсот?

– Да, самой не верится. Пресс-агент у Беркли – настоящий мерзавец. О встрече договорились три месяца назад. И вот вчера этот мистер Льюис звонит и сообщает, что в Москве его клиент пробудет недолго. Дескать, да, миссис Лейбниц, я обещал, но не получится, возникли неотложные дела. Я аж под потолок взвилась и перечислила все английские ругательства, которые вспомнила. И – что бы вы думали? Сразу нашлось «окно».

В это время раздался перезвон колокольчика над дверью, и в кофейню вошел Костя.

– Привет, сплетницы, всем косточки перемыли?

– Дорогой, у Лельки завтра интервью с Джейсоном Беркли!

– Здорово. «Чаки» – крутые. Последний альбом хорош, – одобрил Костя и спросил Машу. – Ну, ты готова? Надо еще в автосервис заскочить.

– Мусик, не забудь: помимо интервью с Беркли, должно состояться мое свидание с Грецишниковым.

– Ой, Вжик, сама не проспи: чтобы в половине девятого – как штык!

– Так точно, товарищ генерал, – отрапортовала та, приложив руку к голове на военный манер.

Когда официант рассчитал их, Женя и Лена тоже покинули кофейню. Пробок почти не было, и путь до редакции «Звездной пыли» занял пять минут. Женя ждала в машине, пока подруга выписывала удостоверение внештатного корреспондента. Когда пропуск со свежей печатью перекочевал в ее карман, Лена вдруг спросила:

– Ты ни разу не обмолвилась про Юру. Как у вас с ним?

– Попахивает вялотекущей шизофренией в скрытой форме. В общем, все по-прежнему, – Женя поморщилась, давая понять, что ничего примечательного в личной жизни не случилось.

Разговор про Юру был исчерпан. Остаток пути прошел в обсуждении завтрашнего дня. Лена подбросила ее домой и поехала к маме, которая подменяла деловую дочь и возилась, как она думала, с гриппующим Лешкой. Но это был не грипп. И болезнь сына уже на следующий день обернулась страшными последствиями.

* * *

Лифт поднял Женю на шестой этаж, к дверям квартиры, доставшейся в наследство от родителей. Они погибли в аварии, едва ей исполнилось девять. Воспоминания о них были смутными, но теплыми. На память остались фотографии из семейного архива, однокомнатная жилплощадь и рассказы деда, взявшегося за воспитание осиротевшей внучки. Образованный, интеллигентный до мозга костей и души не чаявший в девочке, он заменил ей утраченную семью. Дедушка тихо скончался четыре года назад после долгой болезни.

По его словам, в Новосибирске жили дальние родственники, но Женя, в глаза их никогда не видевшая, не искала знакомства и теперь. Ей вполне хватало близких людей в лице Лены и Маши. Кроме того, благодаря тому, что была легка на подъем и общительна, обзавелась несметным количеством друзей-приятелей. Постоянно был кто-то, готовый смотаться на шашлыки, по магазинам, в отпуск, потусить в клубе или сходить в театр.

Несколько лет назад именно так произошло знакомство со Славой. На вечеринке она повстречала студента юрфака, который имел неплохое чувство юмора, привлекательную внешность и папу-олигарха. Их роман грозил перерасти в совместное проживание, когда Женя узнала, какое значение люди придают социальному статусу. Сначала она просто удивилась презрительному отношению к ней родителей Славы. Позже изумление сменилось шоком, когда поняла, что сыну поставили ультиматум – «эта голытьба или светлое будущее». И тот выбрал второе.

После расставания она пыталась пристроить новый горький опыт в свою систему координат. Но распрощавшись с частью иллюзий об отношениях мужчины и женщины, тем не менее осталась в глубине души идеалисткой. От пылких рассказов деда о маме и папе веяло лирикой Шекспира и прочих классиков. Поэтому Женя представляла любовь не иначе как трогательную романтику до гробовой доски, окутанную нежной заботой друг о друге.

Она искала утешения в надежде, что со Славой случилась осечка, но принцы непременно должны существовать. И со свойственной ей решительностью бросилась на их поиски. Однако оказалось, что с этим в стране беда. Да что там, во всем мире принцев было буквально напечет. Кроме королевской династии Британии и монарших отпрысков в Африке и Азии, благородных мужей совсем не наблюдалось.

Через непродолжительных романов, следовавших за разрывом со Славой, внесла коррективы в представления о жизни и мужчинах. После парочки скоропалительных связей, о которых предпочла бы вовсе забыть, в ней проснулись дремавшие разборчивость и осмотрительность. Она стала изучать мужскую природу, и ей пришлось по вкусу эта «аналитическая работа». Хотя порой Женя просто забавлялась и валяла дурака. Могла, например, молчать в сторонке и как будто не замечать хищные, плотоядные мужской взгляды. Но стоило ей открыть рот и начать рассуждать об угрозе эмбарго между Китаем и США, как мужчины становились похожими на сконфуженных гончих. Вроде взяли правильный след, но теперь растерянно понимали, что зверь опаснее, чем показалось. Они подолгу кружили, присматривались и предпринимали атаки. Но если в ее планы не входило сближение, то одной прохладной улыбкой Женя неизменно возвращала их на исходные позиции.

Поиски принца прекратились, а розовые очки сменил трезвый взгляд на вещи. Теперь она получала удовольствие от общества живых мужчин, а не от бесплотных мечтаний о героях. Примерно тогда на горизонте и появился Юра.

Это случилось прошлым летом. Они познакомились в Третьяковке, куда Женю за компанию взяла Лена, чтобы не умереть от тоски на презентации работ модного художника. Она успешно выполнила редакционное задание и взяла интервью у творца, чьи полотна произвели фурор среди посетителей и прессы, окрестивших выставку «событием месяца», а маэстро – «новым Энди Уорхолом».

Жене авангардизм был до лампочки. Она обошла экспозицию, удивляясь, как можно увидеть смысл в этой фантазмагории. И слиняла в другой зал – бродить между картинами Айвазовского.

Скучавшей возле очередного холста великого мариниста ее и застала Лена. Интервью с Юрием Бессольским было в кармане, так что можно уносить отсюда ноги. Женя с облегчением вздохнула, а Лена предложила перед запланированным шопингом утолить физический голод, разыгравшийся за два часа вкушения духовной пищи. Но перед выходом нужно было еще на минутку подскочить к художнику – забрать фотоматериалы. Женя направилась с ней на поиски мэтра, опасаясь, что, если оставит ее одну, ту снова поглотит постмодернизм.

Как ни странно, Юрий Бессольский оказался не хиппи с ласковым взором неопасного помещанного и не эпатажным лысеющим геем в экстравагантных одеждах: его безумные картины внушали уверенность, что именно так должен выглядеть автор. Но вместо этого симпатичный парень с шевелюрой пшеничного цвета приветливо улыбнулся и пожал руку Жене, когда Лена представила их друг другу. Женя, ожидавшая обнаружить существо, упивающееся своей гениальностью и разряженное в пух и прах, подозрительно оглядывала молодого статного мужчину в джинсах и голубой рубашке с закатанными до локтя рукавами. Высокий рост, атлетическое телосложение и искрящиеся синие глаза намекали, что у художника отбоя не было от поклонниц его талантов.

Лена, не обращая внимания на обомлевшую подругу, что-то плела мастеру, благодаря за фотографии. Тот, улучив паузу в ее монологе, обратился к притихшей Жене:

– Похоже, увиденное здесь произвело на вас впечатление?

– Да, удивлена, что еще встречаются живые, неоднозначные образы.

– Приятно слышать. Одна из моих задач – вызывать изумление, чувство противоречия. Заставлять смотреть с иного ракурса.

– У вас отлично получается.

– Вижу это по вашему лицу.

– Я и не скрываю эмоций, – прямо посмотрела Женя. – Если нахожу что-то интересным и привлекательным, то говорю открыто.

Лена исподлобья наблюдала за неприкрытым флиртом. Женское чутье подсказывало: про шопинг можно забыть.

Она оказалась права. Как только Бессольский предложил провести личную экскурсию, Женя согласилась и бросила умоляющий взгляд на подругу. Та натянуто улыбнулась, давая понять, что разделяет восторг от идеи в сотый раз прогуляться по вернисажу. Когда Юрий прошел вперед – открывать дверь в мир авангардизма, Лена прошептала:

– Вжик, я тебя убью. Пятнадцать минут – и сваливаем. Уже мутит от количества прекрасного на единицу времени.

Четверть часа она слонялась по залам галереи, плетясь в хвосте парочки, которая вдохновенно рассуждала об экспрессионистах, кубистах и дадаистах. Но всему есть предел. Смекнув, что эти двое могут часами ходить вокруг да около (живописи, разумеется), Лена сослалась на срочные дела и удалилась, шепнув на прощанье подруге, что благословляет на глубокое познание мира искусства.

В тот же вечер у Юры и Жени состоялось свидание. А на следующий день она оказалась у него дома. В постели он был на высоте, Женя нашла его восхитительным любовником, а вкуче с прочими достоинствами Юра все больше походил на того, в кого пристало влюбляться барышням. Красив, умен, талантлив и обходителен. Внимателен в уходе и снисходителен к маленьким капризам. К тому же, хорошо зарабатывал. Однако кое-что удерживало от того, чтобы нырнуть в омут чувств. У него имелись две страсти: картины и женщины. Что характерно, и то и другое – во множественном числе. И если соперничать с первыми Женя не собиралась, то присутствие вторых обескураживало и задевало.

Уже через месяц красивого романа возникла ситуация, поставившая в тупик. Юра назначил свидание, и Женя, как договаривались, заехала к нему в мастерскую, чтобы вместе отправиться в ресторан. Она появилась в студии в самый разгар творческого процесса: ее избранник гладил обнаженное тело позировавшей нимфетки. Лишь стук упавшей челюсти Жени прервал это действо, а Юра раздраженно воскликнул:

– Ты почему так рано? Сделай милость, посиди тихо!

От изумления и неожиданности, но особенно – от реакции Юры, который не видел ничего зазорного в том, чтобы в ее присутствии ласкать другую женщину, Женя словно язык проглотила. Она просеменила к дивану и присела, отодвинув нижнее белье натурщицы.

Пока ухажер заканчивал работу, она наблюдала его пробежки от мольберта к голой девице. Тот трогал ее за грудь, бедра и возмущался:

– Нужна дрожь! Тебе же холодно! Я хочу видеть вздыбившиеся волосы на коже!

Все выглядело крайне неприятно. Оцепенение, сковавшее ревностью в первый момент, отступило. В метаниях Юры между холстом и полногрудой моделью эротики было – кот наплакал. Происходящее выглядело буднично и обыденно. Но от того – не менее противно и пошло.

Спустя полчаса он устало бросил: «На сегодня – достаточно». И у Жени созрело такое же решение. С нее довольно. И на сегодня, и вообще. Она брезгливым взглядом проводила натурщицу, которая без смущения оделась и упорхнула из студии, чмокнув мастера на прощание в губы.

Едва за ней закрылась дверь, Юра заключил Женю в объятия и уткнулся носом в волосы, как ни в чем ни бывало.

– Паршивый день. Эта бестолочь меня доконает... Ладно. Ополоснусь, и поедем.

Он направился в ванную комнату, на ходу снимая заляпанную краской футболку.

– Я заказал столик в испанском ресторане на Чистых Прудах. Недавно открылся. Говорят, там потрясающая паэлья... – последние слова утонули в шуме воды.

Пока он приводил себя в порядок, Жене показалось, что она заново родилась. Стыд, непонимание, обида пронеслись вихрем и сменились отрешенным анализом. За десять минут, которые Юра принимал водные процедуры, ее картина мира дополнилась мрачноватыми оттенками. Он же, выйдя из душа и вытираясь махровым полотенцем, не заметил прорисовавшихся нюансов – не так давно знал Женю, чтобы догадаться, насколько болезненной для нее стала увиденная сцена.

Она очаровала его с первого взгляда внешностью, а потом – смелостью, здравостью суждений и непосредственностью. Он искал именно такую женщину, однако в его постели постоянно оказывались либо пустоголовые прелестницы, либо дамы, годившиеся в матери. Он бредил ровесницей, которая бы сочетала свежесть молодости с практичным, холодным умом. Хотел найти ту, которая обладала бы красивым юным телом и спокойствием взрослого человека. И которая не засоряла бы мозги ересью про верность до гроба. Встречу с Женей словно небеса послали ему в награду за тщетные поиски.

На протяжении месяца знакомства он искренне не видел в задумчивых карих глазах осторожного, исследующего огонька. Не замечал взгляда женщины, которая когда-то обожглась и теперь мучительно размышляет, можно ли ему довериться. Юра не поверил бы, что дол-

гими ночами, проведенными в постели без него, она анализирует их отношения и пытается понять, насколько сильно тот влюблен. Если бы кто-то сообщил ему, что гордая темпераментная любовница бережно хранит идеалы моногамии, пересыпанные нафталином и отложенные до лучших времен, то поразился бы неприятному открытию.

Однако никто не мог открыть ему эту тайну. В том числе сама Женя, которая только-только закопала поглубже мечты о принцах. И даже себе не признавалась, что девичьи грезы, взращенные дедушкиными преданиями и взлелеянные богатой фантазией, осадком легли на дно души, но не выветрились насовсем.

Ситуация в мастерской вбила еще один гвоздь в крышку гроба, в котором она хоронила свои соображения о романтических отношениях. Легко представилось, как Юра изменяет. Причем не считает это изменой. Для него физическая близость – эпизод, не касающийся духовной составляющей. Инстинкты, биология, подтверждение полноценности – не более. Прикинула, что могло бы произойти (и, возможно, происходило), не приди она чуть раньше. Воображение нарисовало красочные картинки, но, как ни странно, сердце острых эмоций не испытало.

Юра в ее глазах оставался талантливым, многогранным мужчиной. Но слетел ореол рыцарства, окутывавший его образ романтическим флером. Стало понятно: он таков, каков есть. В хорошем и плохом. Вопрос в том, стоит ли быть с человеком, который не любит ее, и в которого – теперь точно – не влюбится она. Видимо, всю душевную тонкость, богатство сердца Юра отдавал искусству. На живых людей его не хватало. Женя вдруг ясно осознала это. Увлеченность, страсть, уход с головой в работу – как все знакомо! Некоторые ее методы добиваться результатов в карьере тоже не отличались привлекательностью. И сегодня ей просто довелось увидеть изнаночную сторону Юриной профессии.

Эти умозаключения раскладывались по полочкам, пока он принимал душ. Женя представила его тело, вспомнила руки и поцелуи, дразнящий запах дорогой туалетной воды. Ей было хорошо с ним. И в постели, и вне ее. По каким же причинам надо отказываться от паэли, шуток, ласк и захватывающих разговоров про литературу, кинематограф, философию?

Когда Юра, обернув полотенце вокруг бедер, вышел из ванной, потряхивая головой и разбрызгивая воду, у Жени на душе уже было спокойно и легко от принятого решения. Он же, увидев улыбку, слегка удивился. Уходя в душ, успел заметить колючее недовольство и ждал неприятной беседы. Но как ни странно, его встретила сияющая Женя, которая уточнила, в какой ресторан они пойдут, и подают ли там ее любимый мохито.

Юра неплохо разбирался в женщинах и недоверчиво отнесся к быстрой перемене в ее поведении. Еще некоторое время он исподволь наблюдал, ожидая истерики или вспышки ревности. Зарисовка с натурщицей, положив руку на сердце, оказалась остросюжетной: он не собирався так сразу открывать свое видение взаимоотношений мужчины и женщины. Но в итоге остался даже рад, что это случилось на заре романа. У нее не будет иллюзий. Либо примет как данность, либо уйдет из его жизни, пока он не успел привязаться. Отсутствие резких, агрессивных реакций показывало, что Женя все понимала правильно. И он окончательно уверился, что умная, страстная, веселая подруга – подарок в чистом виде.

Они часто встречались, и в отношениях, несмотря на негласную дистанцию, присутствовала близость. Женя понимала, что занимает особенное место в его жизни. Но догадывалась, что «не особенные» также не пустовали. Прямых доказательств измен не находила, но косвенных улик имелось достаточно. Чей-то шифоновый шарфик, разумеется, принадлежал знакомой, заскочившей на чашку чая. Расческу и несколько белокурых волос забыла очередная натурщица. Открытку с сердечками и жарким содержанием подарила поклонница. Но больше всего раздражал смрад от тяжелых, густых духов, который порой ощущался в его квартире. Этот аромат – каждый раз один и тот же – отчего-то напоминал о Полине Мазуркевич.

После пары едких замечаний и прямой просьбы Жени тактичнее обходиться с ее чувствами, ненавистные шарфики и открытки исчезли. Больше не приходилось – пусть и незримо

– пересекаться с другими женщинами. Но в том, что они оставались в постели Юры, сомнений не было. Между тем, он думал, что единственный в ее жизни. Эта тема всплыла недавно. Буквально месяц назад он ни с того ни с сего спросил:

– У тебя еще кто-то есть?

Женя изучающее посмотрела:

– А у тебя?

– Нет, – легко соврал он.

– Вот и у меня – тоже нет.

Это было правдой. Но акцент на «тоже» его раздосадовал. Юра поджал губы и больше не заводил разговоров на тему верности.

За год многое претерпело изменения. Свежесть конфетно-букетной стадии ушла, и появились горьковатые нотки, предвосхищавшие расставание. Пожалуй, лишь секс сохранялся на достойном уровне. Юра много ей дал, научив получать наслаждение и дарить его в ответ. Однако в интимную сферу тоже приходило однообразие. Это все больше напоминало принцип теории Павлова, построенный по схеме «стимул – реакция». Удовольствие присутствовало, но достигалось механически, привычными телодвижениями. Долгие беседы в постели стали редкостью. Секс приносил физическую разрядку, не более. Недавно полшутя-полусерьезно Юра обронил, что Женя приезжает к нему только за оргазмами. Вслух она возмутилась, но про себя поняла – он прав.

Однажды Маша притащила на пятничное собрание в кофейне психологическую брошюру, в которой рассказывалось, что люди находятся вместе, пока не задаются вопросом: «Зачем мне это надо?» Они с Леной тогда подняли на смех обиженную Машу, которая разделяла мнение автора. Теперь же предположение, высказанное в статье, не казалось смешным. В сотый раз Женя спрашивала себя: что держит ее с Юрой вместе? И нехотя признавала, что чуть ли ни единственной причиной был неплохой регулярный секс.

* * *

Поглощая мясное рагу в компании бесшумно работающего телевизора, Женя вяло обдумывала ситуацию на личном фронте. Шел выпуск новостей, один за другим сменялись видеосюжеты. Появившаяся знакомая физиономия привлекла внимание и заставила прибавить громкость. Закадровый голос диктора сообщал:

– Таким образом, судебные инстанции дали согласие на пересмотр дела Султонбека Мирзоева. По словам адвокатов, с террориста снимут все обвинения. Смелый прогноз обусловлен открывшимися новыми фактами. Напомним, боевик обвиняется в покушении на президента в 1999 году. Он заминировал автомобиль, на котором глава государства...

Женя не стала слушать дальше – предыстория известна. Однако! Ничего себе – Мирзоева могут освободить! Она вспомнила свою эпопею годовой давности и пожала плечами. Сомнительно, чтобы власти отпустили его на свободу. Скорее всего очередная уловка защитников.

Она выкинула из головы новость, равно как и тягостные думы про Юру. В конце концов завтра интервью с Гречишниковым. К нему нужно подготовиться, а на часах – почти полночь. Вставать же – ни свет ни заря, поэтому не стоит терять время. Что за зверь «нефтяное соглашение» – известно, но информацию надо освежить. Интернет выдал достаточно сведений, и Женя взялась за их изучение.

«Нефтяное соглашение» представляло собой стратегию развития энергетической отрасли на двадцать лет вперед. За амбициозным, пафосным текстом, по сути, скрывалось намерение «все взять и поделить». Лирика про альтернативную энергию выглядела смехотворно, и между строк читалось желание нажиться на главном достоянии страны – нефти.

Пресса заприметила подвох и окрестила документ «нефтяным соглашением», подразумевая под этим согласие российских чиновников позволить импортерам наложить лапу на богатство отечества.

Проект о пятистах листах изобиловал формулировками, которые можно было толковать двояко, а то и трояко. На каждой странице пытливая оппозиция и вездесущие корреспонденты находили моменты, несовместимые со светлым энергетическим будущим. Проблема сводилась к тому, что после подписания закона США и ряд других стран смогут безлимитно выкачивать из недр России черное золото. Этот самый «ряд» публику не беспокоил: у Казахстана, Азербайджана и прочих стран СНГ своей нефти хоть залейся. Но наглая попытка дать Вашингтону доступ к русским природным ресурсам была бесконечно возмутительной. Политически активные граждане поднимали на ноги общественность, созывали митинги и писали петиции. Правящие круги снисходительно наблюдали за их потугами. Дебаты по радио и ТВ напоминали дешевую комедию, сюжет которой был написан бездарным сценаристом, а потом отснят безмозглым режиссером.

Невзирая на шумиху и крики «левых», действующая власть все-таки протолкнула законопроект, который должны были принять со дня на день. Оппозиция рвала на себе волосы и протягивала руки к последнему оплоту надежд – министру энергетики Павлу Гречишникову. Его фамилия, к удивлению многих, не значилась в списке прихлебателей, составлявших текст закона. Злые языки поговаривали, что именно поэтому он занял резко-отрицательную позицию. Однако людей, веривших в чистоту его помыслов и преданность государственным интересам, оказалось несоизмеримо больше.

Женя покатывалась со смеху над такой наивностью. Ясное дело, у того имелись свои причины, чтобы выступать против. Впрочем, его мотивы, да и судьба «нефтяного соглашения» волновали ее постольку, поскольку давали возможность выкинуть из кресла заведомо Полину Мазуркевич.

Нужно разбиться в лепешку, но добраться до неприступного Гречишникова, который пару месяцев назад отказался общаться со СМИ. Такой демарш с обетом молчания многих озадачивал. Жене казалось, что она отлично представляет, какие перспективы ее ждут, если удастся разговорить господина Гречишникова. Но ей в самом страшном сне не могло прийтись, чем обернется это интервью.

* * *

На следующее утро, пока Мельникова собиралась на конференцию в НИИ экологии, в аэропорту Эр-Рияда, столицы Саудовской Аравии, приземлился частный самолет. Единственный пассажир – Ларс Свенссон – сошел с трапа и сел в лимузин, прикативший на взлетную полосу. Это был автомобиль одного из богатейших людей планеты – арабского шейха Али бен Аббаса. Машина направилась в его резиденцию, где, помимо самого шейха, Свенссона ждали еще четверо мужчин.

Трое из них, так же, как бен Аббас, были в традиционных длинных белоснежных одеждах. В чертах лиц угадывалось благородное происхождение и принадлежность к верхушке правящих кругов Ближнего Востока. Четвертым был европеец, одетый в летний костюм песочного цвета. Каждому из присутствующих было около шестидесяти лет. Сорокалетний Свенссон, появившийся на пороге дорогих, со вкусом обставленных апартаментов, оказался самым молодым среди собравшихся.

Окружавшая роскошь оставляла его равнодушным так же, как звания, регалии и статусы сидевших за столом. Бесшумно ступая по персидскому ковру, он подошел к столу и коротко кивнул в знак приветствия:

– План «Провокация» утвержден, но с некоторыми изменениями. Сначала решим вопрос о реализации оружия, затем все, что связано с фармакологией. Члены Клуба соберутся для обсуждения деталей в Лос-Анджелесе, в июле. Есть возражения?

Присутствующие покачали головами.

– Финансирование берут на себя США, Канада, Австралия и Евросоюз. Человеческие ресурсы должны быть предоставлены странами Ближнего Востока. В какие сроки возможна переброска людей в Америку?

– Как только Правление утвердит план, мы готовы приступить, – подал голос один из арабов. – Процесс внедрения займет две-три недели.

– Хорошо. Вопросы?

– Важно понимать, кто стоит во главе пирамиды исполнителей. Если наш человек, то подготовку надо начинать незамедлительно, уже сейчас.

– Нет. Правление поставит у руля своего человека. Приняты меры, чтобы организовать все должным образом.

– Кто он?

Настала очередь Свенссона покачать головой:

– Имя не подлежит разглашению до собрания Клуба.

Арабы переглянулись. Такой расклад их не обрадовал, однако никто не высказался против. Европейец уточнил:

– Когда предполагается переход к фармацевтической кампании?

– Старт программы – середина декабря. Второй этап – февраль следующего года. Каждый последующий – через шесть-восемь месяцев, в зависимости от результатов.

Слово перешло к бен Аббасу.

– Как руководитель ОПЕК я хотел бы знать, что Правление решило по энергопроекту России?

– Полагаю, вам это известно. «Нефтяное соглашение» будет подписано, – пожал плечами Свенссон. – К чему риторические вопросы, господин Аббас?

– Меня интересует, как сообщить об этом странам картеля. Все... хм, переживают, что закон отразится на поставках нашей нефти в США. Если Штаты получают доступ к российским скважинам, то спрос на ближневосточные углеводороды упадет. Придется прибегать к искусственным методам подстегивания цен на рынке. А мне хотелось бы избежать радикальных мер.

– Принятие законопроекта не скажется на ваших доходах. Даю гарантию Правления, что его интересы лежат в другой плоскости.

– Тогда не понимаю, в чем смысл...

– Полагаете, Правление жаждет контроля над нефтяным бизнесом? – Свенссон произнес эти слова с презрением, словно речь шла о мензурке с бензином, а не о всемирном господстве Ближнего Востока в снабжении человеческой расы черным золотом.

– Я не ставлю под сомнение, что преследуются иные цели. Просто не вижу логики в этих действиях.

Свенссон одарил его снисходительной ухмылкой, в которой читалось безразличие к тому, видит ли кто-то логику в чем бы то ни было или нет. Бен Аббас сжал кулаки, но сдержался и промолчал. Как ни крути, а хамоватый швед – лишь связующее звено между Правлением и ими, членами Клуба. Засранец был мальчишкой на побегушках, и это утешало самолюбие шейха. Да и многих других, кому приходилось терпеть манеры Свенссона.

Тот обвел присутствующих безжизненным, рыбьим взглядом, словно уточняя, не желает ли кто-то еще попасть под ледяной душ. Ответом были колючие взгляды пяти пар глаз. Уже в дверях, не оборачиваясь, он бросил:

– Дату собрания Клуба в Лос-Анджелесе сообщу через неделю.

* * *

Июньским субботним утром Москва пребывала в полудреме. Ночью прошел ливень, и зелень деревьев благоухала свежестью. Точно в назначенный час Женя вошла в здание института экологии – нелепое серое строение советских времен. Изнутри оно выглядело приветливее: начальство разорилось на кое-какой ремонт, и от интерьера не так сильно веяло «совком».

Возле кабинета Маши царило столпотворение. Седовласые мужи заполнили коридор: пробиться к дверям было невозможно. Но не для Жени. Захлопнув за собой дверь, она увидела подругу, которая как сторукое индийское божество разговаривала по нескольким телефонам, заполняла бумаги и отдавала распоряжения. Обстановка в пресс-центре НИИ походила на кремлевскую приемную.

Закончив отчитывать невидимого телефонного собеседника, Маша выругалась:

– К чертям собачьим! В понедельник увольняюсь из этого дурдома!

– Ага, массовый психоз. Едва выжила в борьбе с цветом нации, осаждающим твой кабинет. Их коллективное бессознательное запросто может убить.

– Суммарный ай-кью собравшихся под миллион, так что не удивлюсь, если сама свихнусь.

– Мусик, говори, где мое место в этом бедламе, и твои проблемы уменьшатся на сто двадцать баллов ай-кью.

– Внесла тебя в список как лаборанта-стажера кафедры микробиологии. Так что, надевай белый халат и чеши в лекторий.

– Ты лучший в мире пресс-секретарь!

– А ты – льстивая журналистская морда.

– Обожаю тебя!

– Давай, дуй. Собирице на пятом этаже.

Лекторий сторожили два мордovorота из службы безопасности Минэнерго. «Лаборант-стажер» подождала, пока нашли ее фамилию и провели досмотр. Обнаружив диктофон, секьюрити уточнил:

– Это зачем?

– Для научной работы. Пищу кандидатскую по системам нефтеочистки, – соврала она.

Огромная аудитория была заполнена наполовину. Львиную долю составляли все те же великовозрастные и убеленные сединой ученые. Кое-где виднелись и молодые лица, но такие находились в меньшинстве. Стоял возбужденный гул, вызванный то ли видом здорового несуразного агрегата, то ли ожиданием Гречишникова. Окинув взглядом помещение, Женя села поближе к выходу. Согласно замыслу, министра нужно брать тепленьким. Она предполагала выскочить вслед за ним из зала, едва тот закончит выступление. И задать вопросы, как говорится, не отходя от кассы. План был прост, как все гениальное.

Лекторий трещал по швам, когда по рядам прошелестело известие, что Гречишников прибыл. Едва он перешагнул порог, аудитория взорвалась овациями. Он направился к кафедре для выступлений, а двое вооруженных телохранителей встали у дверей, заслонив широчеными спинами проход. Можно подумать, Гречишников прибыл не в НИИ, а напрямиком в стан врага.

Женя часто видела этого политического деятеля по телевизору и три-четыре раза лично, на пресс-конференциях. Однако всегда – с большого расстояния. Теперь же, сидя в первом ряду, всего в нескольких метрах, с интересом разглядывала его.

Ему было около семидесяти, и внешне он соответствовал возрасту. Невысокий, с пухлыми ручками и ножками, из-за своей полноты он казался сущим коротышкой. Блестевшую в свете институтских софитов лысину обрамляли седые волосы. Щеки свисали бульдожьими

складками на воротник дорогой рубашки. Серые глаза под кустистыми бровями смотрели исподлобья: создавалось впечатление, что Гречишников всех и вся в чем-то подозревает. Тем не менее, это был взгляд человека, который привык не только подозревать, но и решительно действовать. Вообще, в живых, резковатых манерах чувствовалась привычка идти до конца и достигать целей любыми средствами.

Он начал с пышного вступления. Рассказал, как счастлив встретиться с оплотом российской науки и какие большие надежды возлагает на технический прогресс. Лирическую пятиминутку посвятил важности работы НИИ и неопценимости вклада института в общее дело. Слушая эту демагогию, Женя так и не поняла, с какого перепуга он притащился повидать профессорскую элиту.

Тех, напротив, это вовсе не волновало. Каждый хотел ответов на другие вопросы, в частности, связанные с финансированием их епархий. Его засыпали жалобами и просьбами включить в бюджет те или иные расходы. Гречишников обещал всесторонне изучить, принять адекватное решение и сделать все возможное. Пару раз прозвучала тематика «нефтяного соглашения». Тот напрягался, буравил интересующихся недобрым взглядом и жестко отрезал: «Без комментариев».

Женю утомила традиционная тягомотина. Она краем уха слушала призывы ученых обратить внимание на их проблемы и обдумывала, как бы вклиниться между Гречишниковым и его телохранителями до того, как ей скрутят руки и гавкнут: «Лицом в пол!» Вид шкафообразных монстров предполагал исключительно такой стиль общения. Кроме того, подозревала: едва министр сойдет с подмостков, братия, радеющая за перспективы науки, поспешит к нему, наплевав на регламент, и запросто оттеснит такую худосочную пигалицу, как она.

Опасения оправдались. Едва Гречишников, раздав кучу сладких обещаний «рассмотреть» и «принять меры», сделал пару шагов к мордоротам, добрая треть аудитории поднялась и колышущейся волной хлынула вниз с амфитеатра. Из-за дверей возникли секьюрити и взяли правительственный объект в живое кольцо. Профессора, игнорируя призывы ведущего к здравому смыслу, стали осаждать Гречишникова с такой же отвагой, как ранее брали штурмом кабинет Маши Полежаевой. Высокопоставленный коротышка, окруженный охраной, начал бочком продвигаться к выходу.

Ведущий надрывал глотку и выкрикивал: «Господа, будьте разумны!» Следующий докладчик расстраивался из-за отсутствия интереса к его персоне. Оставшиеся чинно сидеть за партами ученые мужи наблюдали за бушующими коллегами, берущими на бордаж чиновника. На шум прибежало подкрепление в виде охранников НИИ и наряда милиции. Неуклюжий аппарат нефтеочистки гордо и отрешенно взирал на происходящий хаос.

Женя осознала: прорваться через два кольца окружения, состоящих из профессоров и охраны, невозможно. Охранники института оттесняли безумное море старцев вглубь лектория, а сотрудники МВД расчищали дорогу к свободе. Секьюрити свирепо рычали и заслоняли главного энергетика, на лице которого застыло зашкаливающее напряжение. До спасительного выхода оставалось метров пять-шесть, когда несколько прытких товарищей проскочили вперед и помчались к лифтам, рассчитывая подкараулить армию врага на пути к отступлению. Женя перехватила взгляды секьюрити, которые заметили тактический ход неприятеля. В их глазах мелькнуло замешательство. Но тут же отрывистый кивок одного, который оказался замеченным лишь ею, дал понять, что будет задействован другой вариант. И шестым чувством догадалась, какой маневр они задумали.

Альтернативный план созрел моментально. Она выскочила в коридор прежде, чем ее успели остановить. Но в отличие от вырвавшихся раньше нее зомби, побежала в другом направлении.

Из западни на пятом этаже можно было выбраться двумя способами: на лифте или через запасной выход. Женя более-менее знала планировку, так как иногда навевывалась к Маше.

Охрана, смекнувшая об отрезанном главном пути бегства, наверняка поведет министерскую особу этими тайными тропами.

Что есть духу она припустила туда, на ходу стягивая халат, добежала до таблички «Посторонним вход воспрещен» и толкнула незапертую дверь: площадки на черной лестнице испокон веков служили курилкой.

Спустившись на два пролета, Женя перевела дыхание и одернула стильный деловой костюм. Собираясь утром и понимая, что нужно соответствовать «глянцу», она выбрала узкую темно-синюю юбку до колен и приталенный пиджак того же оттенка, из кармашка которого кокетливо выглядывал белый платочек с синей оторочкой. Дамская сумка и туфли на высоком каблуке завершали образ.

Наверху хлопнула дверь, и по лестнице разнесся поспешный нестройный топот. Женя уставилась в мобильный с задумчивым видом человека, набирающего *смс*. Сердце гулко стучало, а в голове билась мысль: «Господи, сделай так, чтобы без милиции и охранников! Чтобы только с телохранителями!» Когда небольшая группа замерла на ступеньках пролета, внизу которого ковырялась в телефоне Женя, у нее внутри все радостно подпрыгнуло: рядом с Гречишниковым находились лишь его амбалы.

– Что вы тут делаете? – зарычал один из них, видимо, выступавший за главного. – Прочь с дороги!

– Да я вроде не загораживаю путь.

Возникло замешательство: дамочка выглядела не как посетитель научной конференции. Это сбивало с толку службу безопасности, которая плотнее сгрудилась вокруг Гречишникова. Казалось, они ждут, что Женя вытащит из кармана пулемет. Весь их вид выражал готовность стрелять на поражение, если будет сделано хоть одно резкое движение. Маленький боевой отряд стал спускаться.

– Стойте, не двигайтесь! – гаркнул «главный», заметив, что эффектная мадам потянулась к сумке, чтобы убрать сотовый.

Ее рука замерла на полдороге, а глаза изумленно уставились на хама.

Облик девицы в дорогом костюме не вязался с обстановкой: ободранными стенами, мутными, невымытыми окнами, обшарпанными банками из-под кофе, выполняющими роль пепельниц. Что-то тут было не так.

– Вы – сотрудница института?

В ответ раздался низкий обескураживающий смех.

– Разве я похожа на мымру в белом халате?

После этих слов Женя глазом моргнуть не успела, как отряд перегруппировался. «Главный», в мгновение ока перемахнув восемь ступенек, оказался рядом. В лоб глядел пистолет. Сердце, кажется, остановилось.

– Кто вы? – Гречишников вышел из-за спин бульдогов.

Телохранитель тем временем обыскал ее и нашел диктофон, паспорт и удостоверение «Звездной пыли». Выяснив, что оружия у странной барышни нет, он опустил пистолет. Гречишников мельком взглянул на документы.

– Какого беса «глянцевой» кукле понадобилось здесь... Уходим.

Секьюрити швырнул ей сумочку, и Женя поймала ее на лету. Все произошло в один миг. Она сообразить толком ничего не успела – душа в пятки ушла. Гречишников засеменял короткими ножками по ступенькам вниз. И Женя очнулась, осознав: еще секунда, и шанс будет упущен. Ее голос разнесся эхом по лестничному пролету:

– Павел Алексеевич, я тут не случайно. Мне нужны вы.

Сказанное произвело сильный эффект. Двое громил вновь оказались подле нее, а Гречишников обернулся и вцепился жутким взглядом.

– Кто вы, черт подери?

– Евгения Мельникова, корреспондент журнала «Звездная пыль».

– Да что вы говорите? И наверное, жадете получить интервью? Поэтому здесь торчите?

– Верно, – Женя сглотнула комок, застрявший в горле, не понимая, чем вызвана реакция, явно выходящая за рамки обычной нелюбви к прессе.

– Прекрасно, – неожиданно согласился Гречишников и приторно-сладко добавил, – в таком случае, мне тоже нужны именно вы. Не откажете в любезности прокатиться в правительственной машине?

Она растерянно посмотрела в мечущие молнии глаза. Все выглядело более чем странно. Но на размышления времени не было.

– Конечно. Если ваши бультерьеры не пристрелят ненароком.

– В их работе случайностей не бывает.

Женя оказалась в черном «БМВ» с тонированными стеклами и «мигалкой». Автомобиль в сопровождении двух «Волг» помчался по улицам Москвы. Гречишников снова отрывисто бросил телохранителю: «Проверь ее». Женя подумала, что опять предстоит досмотр, но вместо этого секьюрити достал какой-то аппарат и просканировал ее вещи.

– Чисто, «жучков» нет.

Гречишников стал поспокойнее, хотя глядел по-прежнему злобно и угрюмо. Когда заговорил, доброжелательности в голосе тоже не звучало.

– Ну что надо? Кто вас послал?

– Вы же видели удостоверение. Знаю, близко не подпускаете прессу, и пробиться к вам невозможно. Но в моих планах – поговорить не о работе, а о личной жизни: семья, внуки, домашние питомцы. К сожалению, не нашла другого выхода, кроме как проникнуть на эту конференцию.

– Издеваетесь? Какие домашние питомцы?

– У вас вроде доberman? Зюзя, кажется?

Он посмотрел на нее как на душевнобольную.

– М-да... Я должен поверить в этот бред?

– Почему бред? Кто я тогда, по-вашему?

– Это и хотелось бы узнать, – маленькие глазки напряженно изучали ее лицо. – Ну раз так, э-э-э, как по имени? Евгения? Валяйте, спрашивайте про Зюзя.

Жене происходящее очень не нравилось. Гречишников явно принимал ее за кого-то другого и не поверил в байку про «Звездную пыль». Но ничего не оставалось, как играть свою роль.

Он вслушивался в расспросы «про Зюзя» с таким пристрастием, словно в них спрятана кодовая шифровка, которая раскроет истинную личину Жени. Взгляд выражал готовность – чуть что не так – расправиться с ней на месте. Поэтому спустя семь минут на руках была полноценная статья для Лены, но ни единого вопроса про законопроект она так и не рискнула задать.

Положение становилось отчаянным. Инстинкт самосохранения уговаривал убраться подальше из черной «БМВ». Но знала, что не простит себе упущенную возможность вытянуть пару слов насчет треклятого закона. Общение, меж тем, подходило к концу. Женя представила покрасневшее от гнева лицо Петушкова, когда она сообщит о провале операции. Это придало решимости выдавить из Гречишникова хоть одно предложение, в котором будет слово «политика». Собравшись с духом и вложив в интонации беспечность, она спросила:

– Павел Алексеевич, как родные относятся к вашей работе? Поддерживают ли? Разделяют мнение о реформах в энергетике?

Крошечные глазки впелись в нее, а голос резанул слух.

– С каких пор это интересует домохозяйек?

– Нас читают не только женщины, но и мужчины. И они, конечно, интересуются политикой. Если расскажете о своей позиции по «нефтяному соглашению»...

Закончить она не успела. Гречишников, резко перегнувшись, схватил за запястье и прошипел:

– Так и думал. Был уверен, что проколешься. На кого работаешь, черт возьми?

Женя вжалась в кожаное сидение. Тучный человечек заполнил яростью весь салон. Тяжело дыша, он навис над ней, и на сей раз ей стало откровенно жутко. Даже страшнее, чем в сцене с пистолетом.

Она ойкнуть не успела, как паспорт перекочевал к секьюрити. Тот продиктовал данные в мобильный и ждал, держа трубку возле уха. «Вот и допрыгалась, – проскочило в голове, – через минуту узнают, кто я, и – привет». Единственный вариант спасения – пойти на «крайнюю меру» и самой сказать правду, опередив развитие событий. Возможно, чистосердечное признание облегчит участь. Дрожа от страха, обещая богу впредь никогда не врать, она выпалила:

– Я из «Точки зрения». Уберите руки. Не кусаюсь, в отличие от ваших псов.

В это же время телохранитель с сотовым обернулся и подтвердил ее слова. Гречишников озадаченно взглянул и ослабил хватку. Она выдернула онемевшую кисть из цепких пальцев и поморщилась от боли.

– Пробей по базе, – бросил Гречишников охраннику и рявкнул на Женю. – Ты какого дьявола вытворяешь? Что, жизнь не дорога? Понимаешь, во что ввязалась? Двумя пальцами в порошок сотру. Ты либо дура, либо под маскараром «Точки зрения» скрывается кто-то еще – так же, как за фасадом «Звездной пыли». Не правда ли, дамочка?

– Не правда ли, – Женя хмуро уставилась в обивку кресла. – Мне нужно два интервью: для «глянца» и для газеты. Ответьте на вопросы по «нефтяному соглашению», и я исчезну. К огромному обоюдному удовольствию.

Гречишников пропустил сказанное мимо ушей – девка либо чокнутая, либо обладает специально натренированной выдержкой. Он, безусловно, склонен считать вторую версию более вероятной. Поэтому вертел ее паспорт, ожидая, когда приспешник закончит шерстить базу в поисках компромата. В конце концов, тот покачал головой, показывая, что ничего выдающегося не нашел. Гречишников внимательно поглядел на Женю и устроил допрос с пристрастием.

– Как зовут главного редактора газеты?

– Николай Петушков.

– Номер кабинета, где сидишь?

– Восемьсот пятнадцатый.

– Имена коллег, кто работает с тобой?

Пока она перечисляла, громила протянул Гречишникову телефон. Тот послушал и озадаченно посмотрел на Женю. Некоторое время он размышлял, а она не решалась прервать паузу, гадая, что дальше. От этого психа можно ожидать всего. Но точно – ничего хорошего.

– А что? Если ты та, за кого себя выдаешь – это может оказаться интересно, – Гречишников нацепил официальную улыбку. – Задавайте, Евгения, вопросы по «нефтяному соглашению». Будем считать, сегодня счастливый день. Подфартило взять у неприступного министра аж два интервью. Вас же интересует только это, правда?

У Жени на душе кошки заскребли от его внезапной сговорчивости и деланного добродушия. Тем не менее, кивнула. После елейного «ну, начинайте» она принялась задавать вопросы. В конце концов, министерская параноя – не ее головная боль. То, что у Гречишникова крыша едет, и она стала свидетельницей этого, компенсировалось желанным интервью. Теперь не только Лелька, но и Петушок будет счастлив. Легко представить, как он изумится, услышав эту историю! Особенно, что «политический экстремизм» спровоцировала не подопечная, а сам чиновник-шизофреник.

Женя почти заканчивала, когда тот грубо спросил:

- Ну, сколько у тебя еще вопросов?
- Последний. Как считаете, когда примут законопроект?
- Видимо, в конце июля. Все? Отлично, – он скомандовал водителю, – останови на светофоре.
- Могу прислать текст на согласование. Обычно так не делается, но в данном случае, полагаю...
- В данном случае, полагаю, – передразнил Гречишников, – если мне не понравится – тебе головы не сносить. Поэтому, уверен, сделаешь все как надо.

Тонированный «БМВ» остановился на тихой улочке в центре столицы. Женя без особой благодарности проводила взглядом правительственный кортеж. Взвинченное состояние постепенно отпускало. Цель достигнута – оба интервью в кармане. Значит, злключения того стоили.

Бредя в сторону метро, она окончательно пришла в себя, позвонила Петушкову и вкратце сообщила об успехе.

- Поверить не могу! – дался диву тот.
- Еще больше не поверите, когда расскажу, как выцарапала это интервью.
- Обошлось без жертв, надеюсь?
- Не волнуйтесь. Он лично разрешил публикацию.
- Фантастика. Мельникова, молодец, хвалю! До вечера расшифруешь текст?
- Да, уже на полпути в редакцию.
- Отлично. Как закончишь – дай знать. Подъеду, поглядим, что получилось.

Так, теперь надо позвонить Лельке и поблагодарить за пропуск. Ее мобильный ответил короткими гудками. Женя еще раз набрала номер – то же самое. А когда, наконец, дозвонилась, то услышала в трубке всхлипывания:

- Вжик... – голос Лены дрожал и лишь усилием воли не срывался.
- Лелька, что случилось? Ты где?
- В «скорой помощи». Лешка почти без сознания, – последние слова поглотили рыдания.
- Что с ним? Возьми себя в руки. Что говорят врачи?
- Точно неизвестно. Вчера, помнишь, была обычная простуда. А под утро стал метаться в горячке. Температура за сорок и ничем не сбивается. Час назад вызвала «неотложку». Ему что-то вкололи, но жар держится. Доктор говорит, воспалились гланды. Видимо, придется оперировать.

Голос Лены опять предательски дрогнул, и Женя, не дожидаясь ее слез, ободряюще перебила:

- Так, во-первых, успокойся. У всех бывает высокая температура и хоть раз в жизни воспалялись гланды. В какую больницу едете? Сейчас буду.

«Петушок подождет. Лелька нуждается в поддержке», – рассудила она. Но та шмыгнула носом.

- Нет, не надо. Рядом мама. Я в порядке. Вот только...
- Не валяй дурака. Уже отстрелялась с Гречишниковым и еду к тебе. Говори, какая больница.
- Вжик, бог мой, как хорошо, что позвонила! Вылетело из головы, что ты встречалась с ним!
- Говорю же – закончила. Лелька, какая больница, скажешь, наконец?
- Забудь про больницу. Удостоверение «Звездной пыли» с собой? Нужно взять интервью у Беркли. С ног сбилась, ища себе замену. В редакции никого, кто владел бы нормальным английским и мог быть у него через полчаса.
- А где он сейчас?

– В отеле. Назначено на два, но наш фотограф придет к половине второго. Надо быть к этому времени. Сможешь?

Женя прикинула расстояние. Пожалуй, успеет.

– Не переживай. Оформим твоего Беркли в лучшем виде.

– Ты меня спасаешь. Позвоню его пресс-агенту, предупрежу. Вопросы типичные, в нашем формате. И, прошу, без заумностей, ладно?

– Да-да, знаю. Не бери в голову. Думай о сыне.

– Спасибо. Что бы я без тебя делала!

– Перестань, Лелька. Подарила свидание с самым желанным мужчиной планеты. Это я должна благодарить. Выпей валерьянки и держись. С Лешкой все будет в порядке, вот увидишь.

До гостиницы она добралась даже раньше, чем фотограф. Купленный в переходе метро номер «Звездной пыли» освежил в памяти, что обычно интересуется читателей. Накидав в блокноте вопросы, Женя сидела в холле, поджидая фотокора.

Она пыталась настроиться на общение с Джейсоном Беркли, но мешало беспокойство за Лешку. Маленький непоседа давно стал ей как родной племянник. Оставалось надеяться, что обойдется без операции. Женя отличалась отменным здоровьем и больниц побаивалась: они напоминали о последних месяцах жизни деда.

Кроме того, сосредоточиться на беседе с Беркли не давал осадок от истории с Гречишниковым. С чего переменил решение? Почему осчастливил ответами? Скорей бы разделаться с этим интервью и забыть про лысого злыдня. Так и поступит: отдаст текст Петушкову, сообщит, чего стоило добыть материал, и пусть сам разбирается с политиканом, если тот объявится с претензиями... В ушах противным эхом звенели чиновничьи обещания снести голову, если что-то будет «не так». Однако «не так» не могло пойти: из аудиозаписи понятно, что Гречишников говорил, а чего – нет. И уж она проследит, чтобы в публикации все было слово в слово, будьте спокойны.

В это время в проеме стеклянных дверей появился рыжеватый парень с кучей бородкой и бакенбардами, нагруженный фототехникой. Женя поздоровалась, и они направились к стойке ресепшн. Администратор улыбнулся им.

– Мистер Льюис – пресс-агент мистера Беркли – ждет вас. Последний этаж, пожалуйста.

Пентхаус был обставлен как положено апартаментам такого уровня. Посреди королевского великолепия их встречал пресс-агент группы «Чаки». Жене хватило одного взгляда на длинного рафинированного мистера Льюиса, чтобы тоскливо отметить про себя: до чего же сегодня везет на неприятных людей. Лена верно охарактеризовала его. Худой как жердь, растягивающий тонкие губы в искусственной улыбке, он производил впечатление манерного павлина. «Дулом не размахивает, и на том спасибо», – подумала Женя, пока тот рассматривал ее удостоверение с не меньшим пристрастием, чем громилы Гречишникова. Убедившись, что документы в порядке, он церемонно указал на мягкие кресла.

– Прошу присаживаться. Мистер Беркли скоро появится, – он картавил, а голос был высоким, режущим слух.

Мистер Льюис прошествовал в угол комнаты и водрузился за письменный стол. Женя и фотограф многозначительно переглянулись. Тип был настолько противным, что оставалось гадать, за какие заслуги занимал свою должность.

Пока фотокор настраивал аппаратуру и свет, она еще раз пробежалась по вопросам. Предполагалось часть съемки провести в процессе интервью, а затем сделать несколько кадров с других ракурсов. Когда часы показывали двадцать минут третьего, фотограф сказал:

– Полная боевая готовность.

Женя по-английски обратилась к мистеру Льюису, тоном давая понять, что не хочется терять время:

– Мы готовы начинать.

– Мистер Беркли сейчас присоединится к нам, – невозмутимо ответил напыщенный павлин, будто не говорил то же самое полчаса назад.

Женя торопилась в редакцию – сдать материал по «нефтяному соглашению» Петушкову. Бестолковое ожидание артиста – пусть самого распрекрасного – порядком выводило из себя. Черт, даже Гречишников меньше ломался, чем эта звезда рок-н-ролла. Где его носит?

Она нетерпеливо постукивала шариковой ручкой по блокноту, когда Джейсон Беркли появился на пороге спальни. Вид он имел весьма помятый. Судя по всему, только встал и, дай бог, если умылся и почистил зубы. Волосы торчали как придется – кажется, расчески они сегодня еще не видели. Небритое хмурое существо в махровом халате и тапочках почесывало щетину и походило на секс-символ не больше, чем инструкция по пожарной безопасности на портрет Мэрилин Монро.

О съемке не могло быть и речи. Похмельного красавца часа три нужно приводить в чувство, прежде чем ставить перед объективом. Фотограф озадаченно посмотрел на Женю, позеленевшую от злости. Джейсон тем временем прошаркал к бару, достал минералку и сделал пару жадных глотков. Не расставаясь с бутылкой, он проковылял к дивану и плюхнулся, едва потрудившись запахнуть халат. Мистер Льюис мельком взглянул на него и снова углубился в дела.

Немая сцена затягивалась. Женя почувствовала – еще немного, и она взорвется. Подобное было выше ее понимания. И вдруг фотокор, не сводивший с Джейсона изучающих глаз, сердобольно порекомендовал:

– Тебе бы рассольчику и поесть. Похмелье как рукой снимет.

– Чего он сказал? – поморщился тот.

– Предложил вам перед съемкой позавтракать, – ледяным тоном перевела Женя.

На мистера Льюиса ее интонации произвели эффект: он оторвался от переключивания бумажек и настороженно замер. Джейсон же будто впервые заметил нервную девушку и исподлобья посмотрел на нее. Фотокор, расплывшись в понимающей улыбке, с жутким акцентом уточнил:

– Рашн водка?

– Томатный сок, мой друг. Томатный сок.

И тут Женя рассмеялась. Не столько над нелепым ответом, призванным сойти то ли за шутку, то ли за чистую монету, сколько над идиотизмом ситуации. Второй раз за день интервью напоминало гротеск, достойный полотен Юры Бессольского. Сначала маниакальный психоз Гречишникова, теперь – похмельная суперзвезда.

Несчастный Беркли, помыслы которого направлены только в сторону аспирина. Вытягивающий шею Льюис, все меньше похожий на павлина и все больше – на перепуганного индюка. Фотограф, хрюкающий в клочкообразную жидкую бородку и не очень-то прячущий ухмылочку. И посреди всего этого она. Злая, голодная, не выспавшаяся, на нервах. В президентском люксе, в окружении кучи штативов, софитов и трех придурков, которых видит в первый и последний раз.

Если бы она знала, что с двумя из них ей придется встретиться снова и при довольно щекотливых обстоятельствах, то наверняка вела бы себя иначе. Но такое ей и в голову не приходило.

Ее внезапный хохот вызвал такую же реакцию у коллеги по цеху и усилил беспокойство мистера Льюиса, который, казалось, вот-вот закудахнет. Джейсона же ничто не могло вывести из мучительного равновесия. Стыд и неловкость напрочь заглушались потребностями организма. Он наблюдал за Женей через полуприкрытые веки, и когда веселье стихло, сообщил:

– А когда смеешься – ты привлекательнее, чем когда психуешь. Пожалуй, пообедаю с тобой. Льюис, давай-ка, сообрази нам поесть. И ради всего святого, пусть сварят нормальный кофе, а не то пойло, как в прошлый раз.

Мистер Льюис потянулся к телефону, но Джейсон скомандовал:

– Нет уж. Проследи лично. Я хочу омлет с ветчиной, огромный сочный кусок жареного мяса и много, очень много кофе. Без кофе и мяса не возвращайся, уволю, – миролюбиво пообещал он и посмотрел на Женю. – А ты что будешь?

– Мистер Беркли, сделаем так, – вежливо, но твердо начала она. Но закончить не успела – существо на диване недовольно скривилось.

– К чертам собачьим «мистера Беркли». Женщины, которые видели меня в халате, могут обращаться по имени. И никаких «сделаем так». Мы сделаем так, как скажу я. И вот увидишь, получится неплохо. У меня два вопроса: как тебя зовут и хочешь ли есть? Подумай и отвечай честно.

– Это мисс Мельникова, корреспондент журнала «Звездная пыль», – пояснил Льюис.

Джейсон непонимающе поморгал:

– Ты почему еще здесь?

– Не разумнее ли заказать обед по телефону? – тот склонил голову на манер пингвина. Похоже, он вобрал повадки всех пернатых.

– Мать божья, Льюис! Признайся, смерти моей хочешь? Или чтобы побыстрее разделался с этим интервью? Давай, дуй вниз. И рыжего прихвати, – он ткнул пальцем в фотографа. – Меня пока снимать нельзя – весь тираж такой рожей запорем. Пусть пощелкает обед – тот аппетитнее выглядит. А уж когда поем, поработает со мной, о'кей?

– Чего он говорит? – тихо переспросил фотокор у Жени. Она автоматически перевела, пытаясь понять, чем закончится цирк. Льюис переминался с ноги на ногу. Фотограф глядел на Женю, ожидая распоряжений. Джейсон чертыхался в диванных подушках, морщился от головной боли и недоумевал, почему его не слушались. Женя решила, что с нее хватит, и взяла командование парадом в свои руки.

– Мы подождем в холле, а вы пока приведите себя в порядок, – сухо отрезала она и схватила фотокора за рукав. – Пойдем.

– Мисс Мельникова, минутку, – остановил ее Льюис и устало потер переносицу. – Джейсон, хватит. Не спорю, получилось гениально, но теперь надо работать. Дел – по горло. Саундчек через три часа. Утром звонили с «Эй-Рекордс», а Лилиан оборвала телефон. Срочно перезвони ей – всплыли вопросы по твоим рекламным контрактам. Всю прессу отправил в «Лужники», но с ребятами из «Звездной пыли» нужно разобраться здесь. И побыстрее. Заканчивай валять дурака. И так битый час потеряли.

Женя и фотокор, разинув рты, наблюдали, как изменилось лицо Джейсона. Когда мистер Льюис начал говорить, оно сконфузилось, как у ребенка, которому запретили восьмой раз прокатиться на карусели. И теперь дите недовольно, но понимает – капризничать бесполезно, взрослые не уступят. Джейсон вздохнул, дескать, «эх, ничего не попишешь», легко поднялся с дивана и ровной, пружинящей походкой подошел к Жене и фотографу. В движениях и мимике не было и намека на похмельный синдром. Он пожал им руки и виновато улыбнулся.

– Прошу прощения. Через неделю стартуют съемки у Фриденберга. Играю завязанного алкоголика. Первая роль в кино, поэтому постоянно репетирую.

– Так вы трезвы?

– Абсолютно. Извините, что ввел в заблуждение. Однако ваша реакция убедительно показала, что актерское мастерство мне не чуждо.

Женя, вскочившая с кресла, растерянно нахмурилась и опустила обратно. Фотограф окинул Джейсона веселым взглядом и одобрительным присвистнул: «Круто!» Тот, по волшебству излечившийся от похмелья, сообщил:

– Готов приступить к интервью – только переодену халат. Вряд ли читательницы оценят этот образ, – он повернулся к Льюису. – Закажи, пожалуйста, кофе, – и уточнил у Жени. – Какой любите?

– Что? – она не успевала за быстрой сменой декораций.
– Эспрессо, латте, американо?
– Я, э-э-э... двойной эспрессо.
– А вы? – спросил он у фотокоора.
– Черный, покрепче.
– О'кей. Через пару минут я к вашим услугам. Располагайтесь. Можете что-нибудь выпить, – он показал в сторону бара и ушел в спальню.

Когда вернулся, на нем были джинсы с модными «потертостями», ярко-зеленая футболка и черные кеды. Адекватная одежда сделала его нормальным человеком. Да и в целом он выглядел посвежевшим: даже двухдневная щетина из неопрятной поросли превратилась в стильную небритость. Сев напротив Жени, он провел рукой по влажным черным волосам, растрепав густую шевелюру. И сделал большой глоток кофе, который к этому времени принесли в номер, спросил у Льюиса:

– У Лилиан срочный разговор или подождет часок?
– Подождет, – тот выразительно скосил глаза, намекая, чтобы Джейсон не тянул кота за хвост.

– О'кей. Поехали.
– Мистер Беркли...
– Джейсон.
– Хорошо. Джейсон, меня зовут Евгения Мельникова, и я хотела бы...
– Евгения – это как Юджиния?
– Нет, Евгения – это как Евгения. Впрочем, ладно... Можно просто Дженни... На полноценную фотосессию времени не хватит. Поэтому, пока беседуем, фотограф сделает несколько снимков.

– Нет проблем. Только обойдемся без грима. Пусть ваши дизайнеры сами отретушируют степень глянца на моей физиономии.

– Разумеется, – Женья улыбнулась каламбуру.

Джейсон держался спокойно, просто и уверенно. Казалось, спектакль с похмельем вылетел у него из головы и остался в дремучем прошлом. Сейчас перед ней сидел симпатичный мальчик – без кривляний и паясничества.

– Джейсон, последний альбом разошелся многомиллионным тиражом. Как считаешь, коммерческий успех объясняется работой рекламщиков или запросами музыкального потребителя?

– Конечно, вклад парней из пиара не оценим. Но вряд ли наше творчество имело бы признание, если бы отдавало фуфлом и надувательством. Я верю в то, что делаю. И ребята из «Чаки» тоже выкладываются на все сто – и на сцене, и в студии.

– Расскажи, как проходят репетиции? Из чего состоят будни группы?

Интервью текло своим чередом, на удивление приятно. Льюис притих в углу. Фотограф мельтешил вокруг, щелкая камерой. В целом все шло хорошо. Однако Женю не покидало ощущение, что Беркли на происходящее глубоко плевать. За улыбкой скрывались скука и желание, чтобы пришельцы из «Звездной пыли» побыстрее свалили. Внешне он этого не показывал. Напротив, был вежлив и обаятелен, но ответы и шутки были такими же штампованными, как и Женины вопросы. Ситуация походила на школьный урок, когда смысленный ученик вызубрил ответ, заранее зная, что преподаватель – круглый дурак. И что ему даром не нужны настоящие мысли и рассуждения воспитанника. В роли такого близорукого учителя Женья чувствовала себя неуютно. Но требовалось соответствовать формату журнала. Да и потом, не об экономике же говорить с лидером рок-группы?

Она спросила про любимую марку автомобиля, но почти не слушала пространные рассуждения, положившись на запись диктофона. Маскируя улыбкой невнимание к ответам, пыта-

лась придумать ремарку, которая показала бы, что Евгения Мельникова – не глупая девочка в моденьком костюмчике, наштигованная гламурной начинкой. Понятно, эпизод яйца выеденного не стоит. Однако даже в такой ерундовой ситуации хотелось успокоить уязвленное самолюбие.

Джейсон вдруг замолчал на полуслове и спросил:

– Слушай, где ты работаешь на самом деле? Тебя же тошнит от этого, как и меня.

– Не поняла? – уставилась на него Женя. – Я корреспондент. Мистер Льюис видел удостоверение.

– Да хоть бы мистер Льюис видел сто удостоверений. Тебе вся эта чушь – по барабану. Таких, как ты, на милую к светской хронике подпускать нельзя. Про рок-музыку вообще молчу. Признайся, ни одной нашей песни не слышала?

– Почему же? – возразила она и тут же припомнила композицию, которую часто гоняли по радио. – Больше всего нравится «Эбаут ю».

– В России крутят только этот хит с последнего альбома. И называется он, кстати, «Э момент лайк виз».

Женя покраснела и пробормотала:

– Я люблю вашу музыку, но не очень в ней разбираюсь. Просто коллега попросила подменить ее.

– Ну конечно! Лучше скажи, какую цену запросил дьявол за твою душу, чтобы ты обскакала соперницу и выбила право встречи со мной?

– Вы не понимаете, – нахмурилась Женя. Подтрунивание произвело отрезвляющий эффект и вернуло самообладание. – У нее ребенок попал в больницу. Лично мне – дела до вас нет. Из-за алкофокусов по системе Станиславского собственная работа простаивает.

– Вот видишь, я прав. Так где ты работаешь?

– Предполагается, что все силы редакции брошены на это интервью, и у меня нет других заданий?

– Ты никогда не писала для «глянца». Если в чем-то, помимо музыки, разбираюсь, так в журналистах и в женщинах.

– Похоже, лишь в тех случаях, когда они по отдельности. Двойное сочетание – не по зубам, – осадила его Женя и во второй раз за день раскрыла инкогнито. – Я – политический обозреватель. И – да, пришлось стать внештатником «Звездной пыли». К сожалению, больше никто на интервью приехать не смог.

Она высказалась и перевела дух, почувствовав себя отомщенной за попытки уличить в подхалимстве. Ни колкая тирада, ни открывшийся статус Жени не произвели на Джейсона впечатления.

– Знаешь, для политического обозревателя у тебя пошаливает политкорректность. Да и чужие роли играть не умеешь.

– Просто в отличие от истинных талантов не ломаю комедию.

Очередная порция сарказма, отсылающего к недавней инсценировке, благополучно пролетела мимо его ушей.

– И кроме того, нахалка. Вывел же на чистую воду. Учись проигрывать. Ведь, вообще-то, могу выставить за дверь.

– Не утруждайтесь, мистер Беркли. Полагаю, мы закончили. Огромное спасибо за интервью.

Женя встала с дивана и направилась к выходу. Фотограф засуетился, складывая свой скарб. Повисшая пауза и сбор аппаратуры заполнили время ожидания лифта. Мистер Льюис даже не поднял головы. Джейсон потягивал остывший кофе и глазел на Женю, замершую перед спасительным лифтом.

– Оставь номер телефона, Дженни: поскольку ты не профи, материал наверняка придется согласовывать.

– Все контакты у мистера Льюиса, – не оборачиваясь, отчеканила она и зашла в лифт вслед за коллегой.

Когда серебристые двери закрылись за ними, Джейсон рассмеялся:

– Вот это эмоции! А, Льюис? Заметил, как искренне она психовала, когда я выполз в халате? А как покраснела, когда застукал за незнанием творчества «Чаки»? Забавно. Отличная девочка, ей-богу!

– Позвони Лилиан. Она рвет и мечет.

– Да, точно... Есть ее телефон?

– Конечно. Как и у тебя.

– Я про журналистку.

Мистер Льюис снисходительно покачал головой. Длинные пальцы покопались в бумагах и выудили визитку Елены Лейбниц с приколотым номером Жени.

– Набери Лил. Иначе она живьем с меня кожу сдерет. А это несправедливо: ей же твоя шкура нужна, – пробормотал он, погружаясь в дела.

* * *

Попрощавшись с фотографом, Женя отправилась на поиски ближайшего кафе. Время шло к вечеру, и желудок напоминал о себе глухим ворчанием. Раздосадованная и голодная – она могла убить любого, кто встал бы между ней и вкусным сытным обедом.

В двух шагах от гостиницы обнаружилось бистро. Грубые холщовые скатерти, массивная деревянная мебель, декорации в сельском стиле и расторопное обслуживание – заведение относилось к сетевым «клонам», разбросанным по столице. Но привередничать было некогда: впереди уйма дел. И так три часа вылетели в трубу из-за господина Беркли. Кстати, нужно позвонить Лене – успокоить насчет интервью и узнать про Лешку.

Женя на скорую руку определилась с заказом и набрала ее. Слава богу, малыш шел на поправку. По крайней мере, температура снизилась и необходимость в операции отпала. Она вкратце рассказала о randevу с Джейсоном Беркли, оставив за скобками подробности о его выходках. Во-первых, не хотелось тревожить Лену, которая и так натерпелась за сегодня. А во-вторых, не могла сформулировать, что именно возмутило в поведении Джейсона.

Расправившись с наваристым борщом, Женя принялась за свиную отбивную и гарнир. Когда же подошла очередь чая с лимоном, она и вовсе подобрела и больше не напоминала маленькую фурию. Помешивая сахар, прикинула дальнейший план. Первым делом, в редакцию, расшифровать интервью с Гречишниковым. Затем – встреча с Петушковым. В больницу к маленькому Лешке вряд ли успеет: посещение строго по расписанию, а ей не суждено освободиться раньше девяти–десяти вечера. Подумала, стоит ли переводить на бумагу беседу с Джейсоном или просто отдать Лене кассету? И представила, как та рассмеется над мизансценой с «певцом-пьяницей».

Да, тогда его чувство юмора показалось неуместным. Но теперь, после плотного обеда, экспромты не выглядели такими уж раздражающими. Вообще, он даже мил. Вел себя отнюдь не как чванливые, заносчивые звезды шоу-бизнеса, что, признаться, неожиданно. Не считая первого и последнего моментов знакомства, он производил хорошее впечатление. Черт, ведь даже пыталась понравиться ему! Она почувствовала укол сожаления, что общение прошло не так, как могло бы. Но что поделать? Случаются и промахи. «В конце концов, это просто случайное интервью для "глянца"», – успокоила себя Женя.

Но она ошибалась. Это было не случайное интервью для «Звездной пыли», а последнее интервью в ее карьере в «Точке зрения».

До редакции Женя добралась быстро. Подходя к бизнес-центру и ожидая на переходе зеленого сигнала светофора, она в уме подсчитывала, сколько времени займет расшифровка разговора с Гречишниковым. Работы часа на три-четыре, не меньше. В сумке зазвонил мобильный, и она нахмурилась, увидев незнакомый номер.

– Мисс Мельникова?

– Ах, это вы, мистер Беркли.

– Мистер Льюис забыл передать билеты на сегодняшний концерт. Сожалеет об оплошности. Я тоже, – голос Джейсона звучал официально, но в нем улавливались лукавые смешинки.

– Вот как. А это обычная практика – лично извиняться за своего пресс-агента?

– Он очень занят и скинул на меня этот звонок. Разумеется, я бы охотнее поболтал с фотографом или вашей коллегой, у которой заболел ребенок. Но боюсь, контактов первого нет, а миссис Лейбниц, так понимаю, в любом случае не до концертов. Поэтому на ВИП-входе будут ждать билеты на твое имя. О'кей?

Женя улыбнулась: понятно, билеты лишь предлог. Беркли не стал бы звонить лично из-за такой ерунды. Получается, она понравилась ему? Она кашлянула и попыталась придать голосу серьезность.

– Джейсон, право, мне льстит такое внимание. Спасибо за приглашение, я им всенепременно воспользуюсь и... О, черт! – велеречивые излияния прервала очевидная мысль: никакими приглашениями она не воспользуется, потому что весь вечер проведет наедине с диктофоном и Петушком. Женя отбросила игру в дипломатию и расстроено сказала. – У меня вагон работы, и совершенно точно – не успею к нужному времени. Знаю, в таких ситуациях не отказываются... Но я не могу пойти.

В трубке наступила тишина. Казалось, что Джейсон взвешивал искренность ее слов и того, что скрывается за ними. Флирт? Желание набить цену? Другая женская уловка? Когда он заговорил, его голос звучал мягко и осторожно.

– Дженни, тебе знакомо понятие «монтаж»?

– В каком смысле?

– В кинематографическом. Когда вырезают часть сюжета, потому что она очевидна. Не обязательно показывать то, что и так ясно, – он помолчал, но Женя тоже не проронила ни звука, предположив, куда он клонит. – Когда прошла вспышка гнева из-за «похмелья», ты осознала, что перед тобой нормальный парень, а не заносчивый, самовлюбленный тип. И тоже захотела мне понравиться. Чтобы я понял, ты – не пустоголовая смазливая куколка. Но не знала, как это сделать, не растеряв гордости. Вся энергия ушла на эти усилия, поэтому, когда я застал тебя врасплох и задел за живое, достойного ответа не нашлось, не так ли? Самолюбие взяло верх и заставило устроить демарш с лифтом. Хотя, готов поспорить, спустя пару минут уже сожалела. Но успокаивала себя, мол, да и шут с ним, с этим Беркли; подумаешь, и не таких видали. А теперь отказываешься от приглашения, желая отыграться за поражение. Разве не прав?

– Во всем прав, – ошарашено сказала Женя, – кроме последнего: есть срочная работа, которая займет часа четыре.

– О'кей. Просто хочу, чтобы стало ясно – не только ты видишь этот сюжет. Давай не будем тратить время на избитые штампы. Его и так мало – мой самолет улетает ночью. К чертям билеты на концерт и кокетство с отказами. Ты мне интересна. Поужинаем вместе?

– Хорошо.

– Отлично. Тогда заканчивай работу, а я пока разберусь со своей. Идет?

– Хорошо, – снова повторила она и почувствовала, как странно, легко и просто – вот так соглашаться с ним.

– Давай в половине двенадцатого в ресторане моей гостиницы. Скажи метрдотелю, что встречаешься с мистером Чинаски. Он проводит за столик.

– Скрываешься от фанатов под псевдонимом Генри Чинаски?

– А ты знакома с творчеством Чарльза Буковски? Оказывается, не все потеряно, мисс псевдо-Барби.

Она хотела возмутиться, но лишь покачала головой и улыбнулась.

– До встречи, мистер Чинаски.

– До встречи, Дженни.

Оставшийся путь до офиса она проделала в легком трансе. Охранники бизнес-центра, привыкшие, что в редакции «Точки зрения» трудовой процесс никогда не замирает, едва взглянули на ее пропуск. Лифт поднял на восьмой этаж, а ноги сами довели до кабинета.

Сварив крепкий кофе, Женя села за рабочий стол. В окно заглядывало рыжее спелое солнце. Мысли блуждали, натываясь друг на друга и отражаясь рассеянной улыбкой на ее лице.

Вечером свидание с Джейсоном Беркли. И дело не только в том, что он – знаменитость, а в том, как он разговаривал. Прямолинейно и откровенно, но без намеков на дешевый съем. А еще на руках уникальное интервью с Гречишниковым. Даже два. Количество необычного на единицу времени зашкаливало.

Она тряхнула головой. Так. Все. Надо сосредоточиться. Иначе до половины двенадцатого не разобраться с делами. А очень хотелось бы. Свидание с мистером Чинаски обещает стать не менее эксклюзивным событием в личной жизни, чем встреча с Гречишниковым – в карьере.

К восьми вечера она одолела половину диктофонной записи и собиралась набрать номер Петушкова, когда тот позвонил сам и, не дослушав ее «алло», перебил:

– Ты в редакции?

– Да, как раз хотела...

– Никуда не уходи. Буду через пятнадцать минут.

Таким сухим и резким его голос Женя слышала от силы пару раз. И насколько помнила, ничего хорошего тогда не происходило. В одном случае на газету крупно «наехали», и дело запахло керосином. Во втором инциденте лично на Петушкова пытались повесить уголовщину. Что случилось теперь? Или – показалось?

Однако стоило ему появиться в дверях, стало ясно – не показалось. Кустистые брови сходились на переносице, а в глазах застыла угрюмая сосредоточенность. Он был в джинсах и рубашке с короткими рукавами, что выбивало из колеи. Петушков демократично относился к тому, как наряжаются сотрудники, но сам слыл педантом в этом вопросе. Его не видели иначе, чем в строгом костюме и галстук. Глядя на взмыленного босса, присевшего на край стола и едва переводящего дух, Женя ощутила, как внутри все сжалось от дурного предчувствия. Вытерев пот со лба, он скомандовал:

– Выкладывай, как все было.

– Что именно, Николай Максимыч?

– Про Гречишникова. Обстоятельно и подробно.

Она рассказала о своих приключениях, а тот выслушал, уставившись, по обыкновению, на свои пальцы. Когда повествование закончилось, его мощный торс наклонился вперед, и стол жалобно скрипнул под его тяжестью. Петушков подвинул к себе пепельницу, достал сигареты и сделал несколько коротких затяжек. Затем посмотрел – остро и чересчур внимательно, будто впервые видел Женю. Разглядывание длилось с минуту, и она не выдержала.

– Скажете наконец, что случилось?!

– Общался с ФСБ. Интересуются тобой. А полчаса назад позвонил многоуважаемый Павел Алексеевич и тоже расспрашивал о тебе. Сказал, что согласен на публикацию, но нужно кое-что дополнить. Дескать, упустил некоторые факты. Поэтому хочет увидиться завтра. В

девять вечера. В Петербурге. Это его условия. Сложилось впечатление, если не поедешь в Питер, он нас пустит по миру. Ну, дорогая, есть что добавить к сказанному ранее?

– Ничего не понимаю.

– То-то и оно. Похоже, понимает лишь он.

– То есть отправляете меня в Петербург?

– Да, материал ведь требуется к понедельнику. Гречишников будет в Питере с рабочим визитом. Сказал, что встретится с тобой в баре гостиницы на Исаакиевской площади.

– А что нужно ФСБ?

– Досье на тебя. Кто, откуда, должность, семейное положение и так далее. Но честно говоря, меня сильнее волнует Гречишников.

– Мерзкий тип. Надеялась, что не пересечемся снова. Его псы страху нагнали. Ей-богу, загрызут любого по первому свистку.

– Ты раньше не переходила ему дорогу?

– Мы не были знакомы до сегодняшнего дня, – Женя нахмурилась, припоминая детали утреннего интервью. Параноидальных моментов в нем было достаточно, но не до такой степени, чтобы возник сыр-бор с ФСБ и требовалась вторая встреча.

Петушков затушил окурок и кивнул в сторону диктофона.

– Много там еще?

– На час-полтора работы.

– Значит, так. Приводи все в порядок. Не торопись, делай на совесть. Нужен толковый материал, который предъявишь Гречишникову. Побуду у себя, а ты заканчивай. Потом сделаю вычитку и прокатимся до железнодорожных касс. Поедешь на дневном поезде, чтобы к вечеру быть в Питере. Я пока бронирую билет по телефону.

Женя кивнула, и тяжеловесная фигура Петушкова удалилась из комнаты. Такой поворот в корне менял планы. К половине двенадцатого ей никак не успеть на встречу с Джейсоном. Не говоря уж о том, чтобы заскочить домой и привести себя в божеский вид. А выглядит как чучело: с утра на ногах, в немыслимой гонке весь день. От осознания, что свидание накрылось медным тазом, она скрипнула зубами. Черт бы побрал этого Гречишникова!

Номер, с которого звонил Джейсон, ответил эхом длинных гудков. Женя запоздало сообразила, что у него сейчас концерт. Воображение нарисовало картину выступления «Чаки»: рев толпы, беснующиеся фанаты, грохот музыки. Потом – портрет алкаша в халате в президентском люксе. И воспоминания о его телефонном звонке. Ужасно хотелось через два часа пить вино с мистером Чинаски. Но обязательства диктовали свои правила.

От интервью с Гречишниковым зависела, как минимум, карьера. А может, что-то еще – не каждый день ФСБ интересуется рядовыми сотрудниками. В другое время разгоревшиеся страсти-мордасти вокруг *ее* публикации захлестнули бы целиком. За год поднадоело кропать статейки про политические мелкокалиберные дрызги, отмалчиваться на летучках и сдерживаться от ехидных высказываний в адрес Мазуркевич. Текущий расклад с материалом по «нефтяному соглашению» – событие из ряда вон. Благодаря ему она получит дополнительные очки в глазах Петушкова и лихо умоет Полину. Но главное, будет гордиться собой.

В другой ситуации прыгнула бы очертя голову в первый поезд и помчалась не то, что в Питер – да хоть во Владивосток! Но случилось так, что в личной жизни тоже произошло яркое, нетипичное, интересное. Застой в отношениях с Юрой отдавал замшелой пресностью. Затхлость хотелось сменить свежими эмоциями. Именно их обещало подарить свидание с Джейсоном. И теперь на чашах весов лежали оба противоречивых желания.

Впрочем, выбор очевиден. При всей нетривиальности, знакомство с Беркли – лишь эпизод. Сложно отказаться от лакомства в виде ужина с ним, но это разумнее, чем наплевать на будущее в «Точке зрения». Она в расстройстве кусала губы, прикидывая, как бы успеть все

сразу. В итоге, проиграв в борьбе законам времени, написала смс с извинениями и отправила на телефон Джейсона.

В начале двенадцатого Женя сидела в кабинете Петушкова. От кофе побаливала голова, тело ныло от усталости, и общее состояние было не очень. Все, чего ей хотелось, – домой, в душ и спать. С трудом подавляя зевоту, она понимала, что желание сбудется нескоро – впереди покупка билетов.

Петушков делал последнюю правку, когда зазвонил ее мобильник. Она вышла в приемную, и начальник лишь краем уха услышал обрывок приветствия по-английски. Женя плотно прикрыла дверь и пустилась в путанные объяснения, в глубине души удивляясь, что Джейсон вообще перезвонил, а не отделался смайликом в смс. Он выслушал поток извинений и сказал:

– Мне тоже жаль... А знаешь, что самое забавное? Действительно хотел просто поужинать вместе.

– Может, позавтракаем? Правда, с утра на поезд – экстренно отправляют в командировку, но если встретимся пораньше...

– У меня самолет ночью. Помнишь, говорил.

– Ах, да. Забыла, – расстроено спохватилась Женя.

– Ладно. Может, еще когда-нибудь увидимся, – ответил Джейсон, и она поняла, что, собственно, все – их мимолетное знакомство подходит к концу. – Удачи, Дженни.

В трубке пошли гудки отбоя. Она грустно вздохнула. Обидно. Очень обидно.

* * *

Скорый поезд мчался в направлении Петербурга. Сквозь запотевшее окно проглядывало низкое молочно-белесое небо и растворенная в воздухе дождевая взвесь. Серо-зеленые ландшафты сменяли друг друга, пока их не размыл пейзаж из кирпично-красных домов, мостов и магистралей. Сбросив скорость, пассажирский экспресс прибыл на конечную станцию.

Женя прислонилась головой к креслу и наблюдала за пассажирами, которые толклись в проходе вагона бизнес-класса. Они нетерпеливо переминались, наступая на пятки друг другу. Куда спешить? Что решат сэкономленные пять минут после пяти часов, проведенных здесь?

Мужчины – хорошо одетые, с дорогими ноутбуками, мобильниками, часами, и женщины – ухоженные, статные, уверенные. Они олицетворяли собой людей, у которых замечательные семьи, умные детишки и добродушные родители-пенсионеры, не имеющие ничего общего со склочными бабками у грязных подъездов и бомжеватыми дедами. Это их поджидает вкусный ужин, уютный диван в гостиной, обсуждение «пятерок» отпрысков и планы, куда поехать в отпуск. Они – оживший рекламный образец. Их будто размножили, чтобы доказать – телевидение не врет, такое существует. Вот они, едут первым классом.

Но в рекламе не показывают обратную сторону медали. На многих лицах читалась усталая озабоченность. В деловитой сосредоточенности глаз мелькали списки как будничных, так и глобальных задач, которые предстояло решить – и чем скорее, тем лучше.

По всем признакам она была одного с ними поля ягода. Жила в столице, имела хороший достаток, жилплощадь, финансовую стабильность. Занималась любимым делом, была образованна, воспитанна и целеустремленна. Она, бесспорно, своя в этом поезде. Правда, глядя на окружающих, сама так не считала. Вернее, с одной стороны – да. Но с другой... Неужели и к ее лицу через пять-десять лет прилипнет выражение вечной озабоченности рутинной?

Она отвернулась к окну. По стеклу сползали капли, разбившиеся об него в дороге, однако асфальт на платформе оказался сухим – до Питера дождь еще не добрался.

Женя вышла из вагона последней. Северная столица встретила привокзальными запахами дизельного топлива, горячих пирожков и кисловатым духом подсобных помещений.

Она часто навещала город на Неве, но он не стал ей близким. Ей нравилась архитектура и то, что называют атмосферой Петербурга. Но жить тут, пожалуй, не смогла бы. Иногда ездила по делам, порой – на выходные, встретиться с приятелями. У Юры здесь проходили выставки, и Женя шапочно была знакома с местной богемой. Впрочем, тяги к этому миру испытывала не больше, чем к его московской тусовке.

Неспешно – вопреки окружавшей ее суете – она направилась к выходу в город. Времени до встречи с Гречишниковым достаточно. Из вещей лишь дамская сумка – обратный поезд уже ночью. Светлые брюки, трикотажная майка и предусмотрительно захваченная куртка соответствовали погоде, а закрытые сандалии располагали к прогулкам. Выйдя на Невский проспект, она неторопливо направилась в сторону Исаакиевской площади, продолжая думать о людях, для которых понятие «бизнес-класс» означало не просто высокую стоимость билета, а образ жизни.

В последнее время ей в голову лезли размышления на философские темы. Немало этому способствовал Юра, который подбрасывал хорошую умную литературу. Однажды, после очередной порции книг, откровений и экзистенциальных поисков смысла, она завела разговор с ним на эту тему. Сумбурно, но все-таки донесла идеи, суть которых сводилась к терзаниям любого человека, чьи проблемы не заканчиваются на задачах пищеварительного тракта. Юра выслушал ее рассуждения и с театральной важностью заявил:

– Дорогая, все об этом думают. Вопрос самореализации – один из вопиющих в социуме.

– Не валяй дурака. Я серьезно. Ты нашел ответ на этот вопрос?

– Это – мой мир, – Юра обвел рукой мастерскую. – И он мне нравится больше, чем остальные известные миры. Поэтому живу здесь, по его правилам. Знаю, кто я и на что могу рассчитывать.

– То есть ты все для себя решил? Как совмещать материальное и духовное? Как жить в гармонии с собой и Вселенной?

– Милая, когда найдешь ответы на эти вопросы – дай знать. Правда в том, что если не хочешь умереть от голода и холода, придется подстраиваться под реальность. Не тебе суждено ее изменить. Ты не всемогуща. На тебя распространяются законы физики, химии и прочих естественных наук. Да и гуманитарных тоже. Изменять себя и общество можно в определенных рамках. Чем быстрее это поймешь – тем лучше. И вообще, завязывай с Ницше и Достоевским. Перечитай Ильфа и Петрова. Тоже неглупая литература, но как-то пооптимистичнее.

Идеи каких бы то ни было рамок претили Жене. В словах Юры чудились слабость и хитрый самообман. Мудрости в них не звучало. Ей нравилось нарушать законы, переть напролом и опровергать очевидное. Ее неумный идеализм бунтовал против философии Бессольского, однако она сделала вид, будто приняла его позицию. Но стала пристальнее наблюдать за ним. Да и за остальными тоже.

Разговоры с подругами о высоких материях обескураживали меньше, но были такими же тупиковыми. Прагматичная Лена как-то обронила мысль, которая задела Женю за живое и запала в душу.

– Дело не в компромиссах, Вжик. Ты – именно ты! – сто раз прыгнешь выше головы, чтобы изменить мир. Но только если есть гарантия, что кто-то по достоинству оценит проделанную работу. Тщеславие – твоя главная движущая сила.

Впрочем, для карьеры это было в плюс. И, кстати, Юра отчасти прав – на нее действуют законы химии. По мере приближения к Исаакиевской площади внутри нарастали будоражающие эмоции. Без сомнения, второе свидание с Гречишниковым будет похоже на схватку не меньше, чем первое.

Она сообщила на ресепшн о забронированном столике, и ее проводили в бар, насквозь пропитанный изысканностью. После прогулки по влажному теплому панибратскому Питеру, с его разноголосьем туристов и гомоном подростков, она словно перенеслась в старую чопорную Англию. Собственно, британские лорды, премьер-министры и прочая знать здесь часто гостили, поэтому вполне допустимо, что кто-то из принцев Уэльских мог появиться в дверях.

Женя попросила официанта принести апельсиновый сок и эспрессо и стала перечитывать интервью. Петушков внес минимальную правку. Текстом остался доволен, хотя тоже удивился откровениям Гречишникова. Все неспроста, к бабке не ходи. Оставался вопрос: в чем подвох?

Ей мнилось, что босс сам с радостью поехал бы в Петербург. Правда, непонятно, чего больше было в этом желании: беспокойства за нее или стремления перехватить лакомый кусок. Впрочем, она отмела эти догадки. Петушков – мудрый начальник и заботится о том, чтобы интервью вышло в понедельник на первой полосе. Вот тогда они по полной программе «умоют» вороватых коллег из «Дельца», покусившихся на эксклюзив с главой МВФ.

Вместе с указанием позвонить после встречи, он выдал командировочные, чтобы безбедно скоротать вечер. Рассчитывать на министерское джентльменство не приходилось.

Гречишников опаздывал на четверть часа. Кофе и сок закончились, и Женя подумывала заказать ужин, когда тот наконец появился в баре в компании вчерашних церберов. Одет он был неофициально: темные брюки и мышинового цвета рубашка без галстука. Его громилы неуклюже пристроились за барной стойкой, а коротышка плюхнулся в кресло напротив Жени.

– Добрый вечер, Евгения. Извините за опоздание, – и скомандовал официанту. – Мне – минеральной воды, и побыстрее.

– С газом?

– С нефтью... Ну конечно, с газом.

В ожидании минералки он и Женя обменялась короткими, исследующими взглядами людей, которые не вполне понимают, как вести себя друг с другом. Гречишников вертелся, пытался устроиться поудобнее и отбивал пальцами дробь по столу. Его поведение выражало нервозность, но без бушующей ярости первой встречи. Выпив залпом воду, он принялся листать меню. Женя молча последовала примеру: раз вызвал сюда, пусть задает тон беседе.

– Здесь хорошо готовят томатный крем-суп. И у них превосходное бордо.

– Спасибо, – вежливо откликнулась она и решила положиться на министерский вкус: все равно не сильна в местной кухне, а Гречишникова этот жест может расположить к себе. Тот, похоже, пробовал наладить контакт и не собирался кидаться с ножами.

Сделав заказ, он пустился в рассуждения об истории вина и, в частности, о виноградниках провинции Бордо. Упомянул о племяннике, который имел винодельню во Франции. Однако за пышной лекцией не последовало дегустации. Видимо, пожелал сохранять трезвую голову и ограничился черным кофе с вишневым штруделем. Женя тоже сочла разумным обойтись без алкоголя, выбрав томатный крем-суп и фруктовый чай.

Пока несли заказ, Гречишников захотел взглянуть на текст и пролистал материал, не особо вчитываясь. Со стороны это выглядело как ритуал, который надо исполнить, прежде чем перейти к главному действию. Статья волновала его не больше, чем урожайность виноградников племянника. Он рассеянно задал пару вопросов, выданных из контекста, и отложил бумаги.

– Евгения, расскажите о себе. Кто вы, что вы... Как стали журналистом, какие планы на будущее.

Вот оно. Хоть и ждала, когда политическая лиса перейдет к делу, но все равно по телу пробежала легкая дрожь. Отставив тарелку с супом, она сцепила пальцы в замок и ответила в тональности, по которой любой враз бы сообразил, что ей понятны правила игры:

– Вам и так все известно. И мы оба это знаем.

– Точно. Но я получил эти сведения из своих источников. Хочу сравнить информацию с той, которую предоставите вы. Собственно, с этой целью и пригласил. Вы же понимаете, дело не в этом, – Гречишников небрежно указал на распечатку интервью.

Голос был ровным, без угроз и прочих неприятных нюансов, к которым Женя успела попривыкнуть. Его нервозность куда-то испарилась. Толстячок в серой рубашке попивал кофе и выглядел как человек, которому надоело блефовать, заранее зная, что все козыри на руках. В общем, ей тоже скрывать нечего.

– Что вас интересует, Павел Алексеевич?

– Краткое изложение биографии, Евгения Михайловна.

Женя прикусила губу. В подчеркнутом обращении по имени-отчеству чувствовалась демонстрация превосходства. Она в двух словах изложила вехи своей жизни. Прикинув, что вряд ли Гречишникову любопытны личные моменты, опустила подробности взаимоотношений с мужчинами. Рассказ сосредоточился вокруг учебы, работы и карьерных заслуг – получилось эдакое устное деловое резюме.

– Прекрасная история, Евгения. Теперь подробнее остановимся на том, как оказались в числе сотрудников «Точки зрения».

– Меня, как выдающуюся студентку, порекомендовал декан вуза Георгий Лесник. Протезирование – редкая вещь, но практикуется в отношении одаренных выпускников.

– Насколько знаю, в число одаренных вы не входили. И красным дипломом похвастаться не можете. Порой отметки не позволяли рассчитывать даже на нормальную стипендию, не так ли?

– Профессионализм измеряется не в учебных оценках, – возразила Женя, но чутье подсказывало: можно плести что угодно, очевидно одно – она влипла. Промелькнула догадка, куда клонит Гречишников. И если это подтвердится, то страшно представить, что дальше.

– Верно. Профессионализм измеряется в поступках, на которые идет человек, преданный делу. И вы год назад доказали профпригодность, прорвавшись в «Точку зрения». Может, все-таки расскажете? Или самому придется сделать это? – Гречишников склонил голову набок и выжидательно посмотрел.

Он походил на заплывшего жиром кота, который трогает лапой полузадушенную мышь и огорченно понимает: еще парочка конвульсий, и все закончится. Женя уже осознавала, что проиграла. Он как-то прознал про аферу с Мирзоевым. Однако свидетельства ее причастности не сохранились. Все улики уничтожены. Поэтому, стараясь, чтобы в голосе не проскользнула предательская дрожь, она ответила:

– Ряд статей, написанных на пятом курсе, был отмечен преподавателями. Много работала над дипломом, поэтому заслужила рекомендацию Лесника и должность политического обозревателя.

– Евгения, я похож на идиота?

Она покачала головой. Он был похож на ублюдка, с которым лучше бы никогда не встречаться. Но точно – не на идиота.

– Хорошо. Тоже так считаю. И хотя восхищен вашей стойкостью, вынужден припереть к стенке. Раз сознаваться не намерены, я озвучу события, связанные с Мирзоевым. Ведь благодаря им вы попали в штат моей газеты. Так что, возможно, я в курсе побольше вашего.

У Жени округлились глаза:

– Вы – что?.. Ваша газета?..

– Прежде чем продолжим увлекательную беседу, выключите диктофон.

– Он выключен.

– Ладно, как хотите. Просто напрасно потратите заряд аккумуляторов, – Гречишников похлопал по портфелю, стоящему рядом. Видимо, внутри кейса находился глушитель записи.

Если бы диктофон работал, на магнитной пленке все равно не осталось бы ни звука. – Евгения, ответьте – ради чистого любопытства – вы сейчас соврали?

Пухлая ладонь требовательно указала на сумку, и Женя вытащила бездействующее устройство.

– Хм, да, с поличным вас не поймать. А был уверен, что лжете.

Она убрала диктофон и потянулась к фруктовому чаю. Пальцы дрожали, что не укрылось от Гречишников. Да и черт с ним. Теперь это не самая большая проблема. Женя в упор посмотрела в маленькие свинячьи глазки, обладатель которых, казалось, вот-вот захрюкает, насмехаясь над ней. В блуждающей улыбке мелькали издевка и снисхождение. Приступ животного страха и подавляемая ярость не позволяли Жене увидеть, что за ухмылкой, помимо прочего, скрывались корыстные интересы и неподдельное удивление.

Она допила чай и сложила руки на груди. Все поведение указывало: от нее первой слова не дожидаться.

– Значит, так, – вздохнул Гречишников. – Вижу, вашей выдержке позавидовал бы Штирлиц, поэтому давайте-ка разложу ситуацию по полочкам. Сэкономим время и нервные клетки. У меня полное досье на вас. Начиная с детсадовских анализов крови и заканчивая копиями сканов «Голоса Таджикистана», изъятыми из типографии, где вы отпечатали памятный номер с кроссвордами. Дизайнер и менеджер, кстати, легко опознают вас, случись что.

У Жени на лице ни один мускул не дрогнул, хотя перед глазами все поплыло. Понимала: от выдержки сейчас зависит многое. Гречишников, тем временем, продолжал:

– Согласен, доказательства скудные, но зацепиться есть за что. Можно раскрутить на откровенность Мирзоева и мамашу, пообещав сокращение срока или, наоборот, припугнув экстрадицией. В крайнем случае, можно сфабриковать парочку улик. Не мне вам рассказывать про подделку фактов, правда? Вы в моих руках, милочка. И я предлагаю сотрудничество, потому что, честное слово, до вчерашнего дня не вспоминал, какая творческая личность работает в «Точке зрения». Глядишь, не прыгнула бы на меня с черной лестницы в НИИ, так никогда и не вспомнил бы. Но теперь благодарен судьбе за встречу. Хотя, не будучи знаком лично, еще год назад отдал должное вашей смекалке.

– Откуда узнали?

Тот отметил в ее голосе звенящий металл, но не испуг. А ведь барышня наверняка места от страха не находит. Он оглядел сидящую в кресле, вытянутую в струнку фигуру девочки-подростка и снова подумал, что Мельникова – не просто шанс, а идеальный выбор для задуманного. Глядя в ее потемневшие глаза, которые больше не скрывали бешенства и злобы, он пожал плечами.

– От Петушкова. От кого же еще?

Ее неверящий взгляд впился в него, а с губ произвольно слетело:

– Неправда!

– Правда-правда. С учетом специфики профессии, странно, что в вас, Евгения, столько идеализма. По-вашему, Николай Максимович – царь-батюшка или вроде того? Разумеется, о свистопляске с Мирзоевым доложил, куда надо. Не думаете же, что «Точка зрения» принадлежит господину Петушкову? Вы – взрослый умный человек и должны понимать бредовость лозунгов про то, что СМИ – четвертая власть.

– То есть изначально знали про Мирзоева? И стоите за плечами учредителей газеты? И решаете, что выйдет в печать, а что – нет?..

Будто со стороны Женя слышала свои слова, и, когда произносила, они показались верхом наивности. Она лично исписала сотни страниц на тему продажности прессы, подконтрольности властям и диктате цензуры. Но это касалось изданий помельче или вовсе иностранных СМИ. Ни разу не сталкивалась – хотя бы косвенно – с тем, что работала внутри подобной машины. Получается, все, что делала, регулировалось кем-то! Разоблачительные, правдоруб-

ные и, казалось, такие настоящие материалы – все «от и до» получали корректуру и одобрение сверху!

Она почувствовала себя дурой. Причем двукратной чемпионкой в соревнованиях по глупости. Во-первых, Петушков водил ее за нос и вдобавок предал. Черт возьми, лично ее! А во-вторых, «Точка зрения» и «Делец» – вольнодумцы среди печатных СМИ, им никто не указ. Это вдалбливали с первого курса. И она, как фанатик, ни разу не усомнилась в своей вере. Где же были разум и критическое мышление? Да, грызня между собой и война за первое место с неперемненными лазутчиками, контрразведкой и прочим – все было. Но это внутреннее дело. Факт, что война – понарошку, оказался убийственным.

Считалось, разносторонность газеты определялась политикой Петушкова, до которой учредителям дела нет. Теперь же подумалось: а такой ли разносторонней она была? В один миг все, чем болела душа последние семь лет, оказалось глобальным надувательством. И это было даже страшнее, чем угрозы Гречишникова раскрыть махинации с Мирзоевым.

В памяти всплыл образ Анзурат Акобировны, отблеск жаркого пламени в ее глазах и слова: «Мой сын оплатит вам той же монетой. Он не останется в долгу. Это интервью спасет вас». Пророчество престарелой «Кассандры» сбылось, но с точностью до наоборот. Интервью с Мирзоевым стало не билетом в новую жизнь, а «похоронкой».

Она затравлено посмотрела на Гречишникова.

– Так вы – единоличный хозяин «Точки зрения»?

– И «Дельца», – тот улыбнулся ей, как ребенку, которому только что объяснили, что Деда Мороза не существует.

Женя уставилась в накрахмаленную скатерть. А Гречишников чуть ли ни умилился такой реакцией и как бы сочувственно произнес:

– Для полноты картины остается вознегодовать: а как же свобода слова?!

Он прыснул со смеху, и Женя словно очнулась. Может, и была непростительной дурой, но ерничать не позволит. С поверженными идеалами разберется позже. Сейчас необходимо понять, что надо действительному владельцу издания и, получается, главному боссу. Ее голос и взгляд снова стали холодными и злыми.

– Какой смысл рассказывать это? К чему угрозы и чего хотите от меня?

– Вот такой вы мне больше нравитесь. Я не угрожаю, а говорю о реальном положении вещей. Хотя, конечно, в силах найти кнут, если не соблазнитесь пряником. Вам придется выполнить одно задание. Нужна уверенность в четком понимании ситуации с вашей стороны. Только поэтому пришлось пойти на крайние меры и свергнуть Петушкова с золоченого пьедестала. А также разрушить иллюзию, будто конгениальная и противозаконная выходка с Мирзоевым канула в Лету.

Женя с трудом соображала, о чем он говорил. В общий сюжет свалившиеся на ее голову новости не укладывались. Не сомневалась лишь в одном: она плотно сидит на крючке у чиновника-интригана, который приготовил «кнут», если она откажется выполнить какое-то политзадание.

Нестерпимо захотелось отмотать время назад. Чтобы никогда не слышать от Маши про конференцию в НИИ. Не встречаться с политическим пройдохой на лестничном пролете. Не садиться в правительственную «БМВ». Не узнать, что Петушков – продажная скотина, играющая роль главреда-демократа. Зачем вообще затеял возню с Гречишниковым, когда сам с ним на короткой ноге? Почему год назад интервью с Мирзоевым пропустили в печать, а ее не поймали на мошенничестве? Замешан ли здесь Лесник? Ведь он в курсе ситуации. Вопросов было несоизмеримо больше, чем ответов. И если она хочет узнать их, то нужно собрать максимум информации. Источник сидел напротив, потягивал кофе и забавлялся, наблюдая за ее растерянностью. Очевидно, ему происходящее доставляло массу удовольствия. Однако она не собиралась устраивать по заказу пляски на углях. Теперь, когда враг предстал перед ней лицом к

лицу, больше не надо тратить силы на хитрости и уловки, расплескивать себя в психологических играх. Когда Женя заговорила, голос звучал завораживающе спокойно:

– Предлагаю перестать играть в «кошки-мышки». Нам обоим понятно, какая роль отведена каждому в этой игре. Есть вопросы, которые нуждаются в пояснениях. Начнем с главных. В чем заключается задание?

С физиономии Гречишникова сползла самодовольная ухмылка.

– Пытаетесь командовать парадом, Евгения?

– Поддерживаю предложение сэкономить время и нервы.

– Н-да, правду Петушков про вас говорил. Подлец, хорошо разбирается в людях!

«Зато я, оказывается, плохо», – мрачно подумала Женя, а вслух повторила вопрос:

– О какой миссии идет речь?

– Я не могу рассказать о сути задания. Я бы с радостью. Но не знаю, в чем оно состоит.

Скорее всего, вам придется связаться с определенными людьми. Пообщаться или взять интервью. А может, вообще все будет иначе.

– Кто эти люди?

– Не знаю.

– Каков предмет разговора? Что нужно выяснить?

– Без понятия.

– Где надо встречаться с ними?

– Я не в курсе.

– Когда?

– Неизвестно.

– Вы издеваетесь? – Женя раздраженно передернула плечами. – Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что?

– К сожалению, именно так. Единственная поправка, как уже сказал: не факт, что будет личная встреча. Не исключено косвенное общение. Возможно, понадобится раздобыть бумаги, видео– или аудиозаписи, электронные файлы. Разберетесь по ходу дела.

– Но это же глупость какая-то. Должны же быть исходные данные?

– Рассчитываю скоро узнать «где» и «когда». Как выясню – сообщу. Но на остальные вопросы вам придется искать ответы самостоятельно. И что-то мне подсказывает – вы справитесь.

– А почему вообще я? В вашем распоряжении ФСБ, спецслужбы, армия. В конце концов, эти мордороты за барной стойкой. Зачем вам абсолютно зеленая, неопытная в таких делах журналистка? Или я наживка? Пушечное мясо?

– Упаси бог, нет, – замотал головой Гречишников, и его обвислые щеки убедительно затряслись. – Просто сейчас нет возможности задействовать ресурсы, о которых вы говорите. Поверьте, если бы кто-то мог заменить вас, то Евгения Мельникова счастливо жила бы дальше, ходила на модные выставки Юрия Бессольского и работала в «Точке зрения».

Женя пропустила мимо ушей замечание про Юру.

– То есть отныне там не работаю? Увольняете за чашкой кофе на правах самого главного начальника?

– Вы же сами больше этого не хотите? Или мне показалось? Выполните задание и получите на руки трудовую книжку с пристойной записью. А также сканы «Голоса Таджикистана». Мелким вредительством не занимаюсь, поэтому будьте уверены: никто не использует их копии против вас. Кроме того, обещаю достойное вознаграждение. Такую сумму в газете за пять лет не заработать.

– Это, видимо, сладкий пряник?

– Да, и надеюсь, обойдемся только им. Без кнута.

– Скажите честно, насколько высоки риски?

– Имеете в виду, какая вам угрожает опасность? Полагаю, изрядная. Хотя все зависит от вас. Кстати, учтите: теперь долго не увидимся. Поэтому обо всем, что интересует, спрашивайте сейчас.

Она поела его взглядом. Подмывало спросить: что чувствуешь, становясь сукиным сыном, отправляющим на верную смерть другого человека с помощью шантажа. Хотелось узнать, шевелится ли под складками жира хоть крошечный зародыш совести и стыда, когда ломаешь судьбу простого смертного? Интересно, что станет с ней после выполнения бредового задания. Если, конечно, выполнит и сохранит шкуру... Вопросов уйма. Но все из серии риторических. Причем они давали сто очков вперед философствованиям, снедавшим душу пару часов назад. Смысл бытия больше не волновал. Кажется, он был найден.

Так, нужно сосредоточиться на главном. Следующая встреча состоится нескоро. Что ж, хоть одна хорошая новость. Но это также означает, что информацию надо выкачивать сейчас.

Гречишников со скучающим видом изучал винную карту, пока Женя приходила в себя. Наконец, он захлопнул меню и сообщил тоном, не терпящим возражений:

– Есть полчаса. За это время, надеюсь, покончим с неприятностями и выпьем по бокалу бордо. Оно, правда, восхитительно.

Он подозвал официанта и начал расспрашивать о вине. А когда определился с выбором, и бокал наполнился рубиновым напитком, принялся смаковать и расхваливать букет. Жене сделалось дурно, зато вопрос «есть ли совесть и стыд у сукина сына» оказался закрыт. У бездушной скотины не было человеческих качеств. «К черту лирику. Пора спасать задницу», – оборвала она свои размышления и попробовала провести лобовую атаку.

– Уверены, что больше нет информации, которая может быть полезна для...э-э-э... нашего дела?

– Нужно раздобыть сведения. Как и от кого – не знаю, – раздосадовано взмахнул руками Гречишников и включил заезженную пластинку. – Полагаюсь на вашу изворотливость и нюх. Вы прирожденная ищейка. Если в океане растворить каплю крови, как акула, учуете и примчитесь в эпицентр.

– Вы просто радуете комплиментами... Когда сообщите о возникновении эпицентра?

– Полагаю, в ближайшие две-три недели внесу ясность в этот вопрос. Да, забыл: контактов со мной не ищите. Никаких встреч, звонков и писем. Ни тем более связи через третьих лиц. К сожалению, мне к вам дорога тоже заказана. Вы уже по уши в прослушке, а дом и рабочее место нашпигованы «жучками». Но за этот разговор будьте спокойны, – он снова похлопал ладонью по портфелю. Судя по всему, там находился не глушитель для диктофонов, а профессиональный набор радиоспециалиста.

– Каким образом узнаю о начале операции? Секретным агентом не служила: по-японски читать не умею и видеть тайные знаки не обучена.

– Поубавьте скепсис, Евгения, – осадил Гречишников и добавил более спокойно. – Доставку к месту событий я беру на себя. Все будет выглядеть естественно. Может, только вы и заметите необычное в происходящем. Уверяю, лично заинтересован, чтобы вы смогли выполнить задание и остаться живой-невредимой. Чем меньше внимания привлечет ваша миссия, чем меньше у кого-то возникнет параллелей между текущей встречей и последующими событиями – тем больше выгадаем мы оба. В глазах кого угодно наши свидания – просто интервью для «Звездной пыли». Тот бред, который спрашивали вчера, – слепите из него форматный материалчик и отдайте вашей Елене Лейбниц. Кому нужно, за милую душу скушают. Что до статьи, которая планировалась на первую полосу «Точки зрения» – увы. «Бомбы» с откровениями министра ни в понедельник, ни во вторник, ни когда-либо еще в газете не выйдет. Канитель с поездкой в Питер устроена ради беседы на тему вашего задания.

– И Николай Максимович заранее знал? – упавшим голосом спросила Женя, которая по-прежнему не могла поверить в предательство Петушкова.

– Ну... он знает лишь о некоторых аспектах. Не переживайте, много общаться с ним не придется. На летучки можете не приходите. А впрочем, как угодно. Пребывание в редакции – вопрос времени. Будем считать, это работа под прикрытием, – Гречишников лукаво подмигнул.

Его позабавила собственная шутка, но Женя не оценила юмор.

– Я обещала позвонить после встречи с вами.

– Прекрасно. Не вижу причин, почему не стоит этого делать?

– Что я ему скажу?! – она еле сдерживалась, чтобы не закричать.

– Скажете, все прошло хорошо. Тем более, так и есть, – делано-добродушно произнес Гречишников и неожиданно проскрежетал. – Ведь это так, Евгения?

Внезапная смена его настроения привела ее в чувство. Сжав зубы, она процедила: «Да...».

– Ну вот замечательно! Думаю, пора прощаться. Надеюсь, вам будет сопутствовать удача. Со своей стороны сделаю все возможное для этого.

Будто эхом донеслись те же слова, которые политикан раздавал направо и налево на встрече с учеными. Щедрые обещания не стоили ломаного гроша.

Он встал, щелкнул замками кейса и вытащил какую-то плоскую крохотную коробочку. Женя не поверила глазам. Перед ней был сверхсовременный диктофон. Вернее, больше, чем сверхсовременный – таких еще не выпускали. Про это волшебство техники читала в Сети. Там же видела картинки опытных образцов: ноу-хау находилось на стадии разработки. А теперь крошечное чудо лежало перед носом. Она изумленно посмотрела на Гречишникова. Тот торопливо бросил:

– Уберите-ка в сумку. Дома налюбуетесь. Имейте в виду, против него «глушилок» пока нет.

– Невозможно... Не то, что «глушилок» – таких диктофонов не делают. В интернете пишут, что производство запустят через пару лет.

– Как видите, в эксклюзивных случаях делают. Изготовлен из спецматериалов, электроникой его обнаружить нельзя. И об этом не пишут в интернете. Надеюсь, пригодится, – заключил Гречишников. – Заканчивайте ужин и ни в чем себе не отказывайте, пожелания включат в мой счет. Кстати, рекомендую клубничное суфле – весьма недурное. Всего хорошего, Евгения. Верю, следующая встреча будет намного приятнее. Как понимаете, это почти на сто процентов зависит от вас, – он смерил ее тяжелым взглядом и в компании телохранителей покинул бар.

Спрятав в сумку серебристый диктофон, напоминавший зажигалку, Женя замерла в прострации. За окном виднелся Исаакиевский собор и кусок жемчужно-серого неба, затянутого пуховыми сырыми облаками. Там, снаружи, гуляли люди и ездили автомобили. Все по-прежнему. Впрочем, как и здесь, внутри. В прохладе изысканного бара жизнь, по сравнению с улицей, текла иначе – размеренно и величаво, но и там, и тут шла привычным ходом. Только ее существование перевернулось с ног на голову.

Со стороны же казалось, что она просто задумалась о чем-то. Лицо не выражало ярких эмоций. Напротив, было отсутствующим, отрешенным. Могло бы даже сойти за мечтательное – стоило лишь добавить тень улыбки. То, что это мнимое спокойствие, выдавали только побелевшие пальцы, вцепившиеся в сумку. Маска равнодушия служила защитой от внешнего мира, безучастного к ее проблемам. Внутри же кипела работа. Прежде чем сделать шаг, надо было упорядочить информацию. Она решила: в буквальном смысле не двинется с места, пока не разложит ситуацию по полочкам.

Гречишников знает подноготную истории с «Голосом Таджикистана» и способен небольшую авантюру выставить как глобальный заговор. Улики роли не играют: он запросто обстря-

пает все так, что она предстанет чуть ли ни сообщницей Мирзоева. Тут справедливость искать бессмысленно.

Нет ее и в отношении Петушкова, из-за которого попала в переplet. Причем его подлость выходила за рамки вынужденной подножки. Было бы легче перенести это, если бы он подставил ее из-за шкурного интереса. Да, как нож в сердце, но по крайней мере убило бы одним ударом. Однако выяснилось столько фактов, и они были не единичными, а складывались в планомерное, систематическое предательство. Возникло ощущение, будто Петушков – неумелый маньяк-мясник, нанесший множество ранений и оставивший жертву умирать от потери крови. Помимо того, что отдал ее на растерзание Гречишникову, он лицемерил ежедневно. Говорил одно, делал – другое. Лил в уши мед о журналистском долге и чести, а за спиной согласовывал каждую запятую. В итоге «Точка зрения» была не просто газетой, а умело выкованным рупором, с помощью которого власть управляла общественным сознанием. И трубил в этот мегафон Гречишников. В «Дельце» все обстояло так же. Двое заклятых врагов на поверку были однояйцевыми близнецами.

Все, конечно, ужасно. Но развенчание мифов в целом и божка-Петушка в частности подождет. Главная проблема на повестке дня – задание Гречишникова. Что за люди, с которыми ей придется встретиться? Что надо узнать? Не исключено, что таким образом ее пытаются завербовать. Но господи боже, кто и куда?! У Жени были скудные представления о вербовке.

Очевидно одно: она стала винтиком в политической машине. И надо постараться, чтобы не расплющило между гигантскими жерновами. Даже если слова Гречишникова принять за чистую монету (чего делать не собиралась), все равно – ни черта не ясно, что ему надо. Он, видите ли, полагается на ее чутье. Она, дескать, акула. Хорош акулий нюх: семь лет биться в экстазе веры в честную журналистику и год ходить, водимой за нос Петушковым. О, да, та еще акула...

Вспомнилось обещание перезвонить ему. Превозмогая боль в занемевших пальцах, Женя размяла руки и достала из сумки мобильный, краем глаза заметив блеснувший чудодиктофон. Один его вид доказывал могущество Гречишникова. И убеждал: лучше с этим человеком не ссориться. У него есть то, чего не существует в природе. Если взглянуть на ситуацию с такого ракурса, то задание перестает казаться бредовым.

– Да, Женя, – голос Петушкова по телефону был совершенно обычным. – Как успехи? Как прошла встреча?

– Узнала много нового, – удержаться от ядовитого сарказма оказалось выше ее сил. – Вас новости вряд ли удивят, но меня сразили наповал.

– Вот как. Ну обсудим, когда вернешься. Отоспись с дороги. После жду в редакции.

Он повесил трубку, не попрощавшись и ни словом не обмолвившись об интервью – главной причине поездки в Питер. Все указывало на правдивость речей Гречишникова.

Она посмотрела на дисплей мобильного. Электронные цифры мигнули отметкой одиннадцать. Казалось, прошла целая эпоха с момента, как привычный уклад жизни полетел ко всем чертям. До поезда оставалось чуть больше двух часов. Провести их здесь, в баре, представлялось логичным и немислимим одновременно. В нынешнем состоянии даже подумать о том, чтобы выйти на улицу, было страшно. Всюду мерещилась тревожная угроза. И она осознавала, что не способна отделить мнимую опасность от реальной. Нервы ходили ходуном, и самоконтроля хватало лишь, чтобы не сойти с ума и сидеть спокойно на месте.

С другой стороны, чем дальше находилась тут, тем сильнее хотелось сбежать. Все вокруг давило на психику, сжимало в тисках гротеска. Аристократичная, степенная обстановка будто ослабилась в ухмылке, взирая на истерическое состояние ее внутреннего мира. Женя облокотилась на скатерть и уронила голову на руки. Волосы упали на лицо, спрятав от окружающих отчаянный, безумный взгляд. Зачем это? Почему – она? Что делать, куда бежать... И к кому?

Кто-то подошел к столику, но она слабым жестом показала официанту: ничего не нужно – ни меню, ни кофе, ни тем более бордо или суфле. Оставьте в покое на пять минут, дайте прийти в себя. И она уберется отсюда. Просто умчится. Лучше уж торчать в зале ожидания, чем здесь.

Но официант не уходил. Он деликатно кашлянул и обратился по-английски, со смутно знакомым акцентом:

– Хм, странно. Назначал свидание в другом ресторане и в другом городе. Хотя со временем не напутала – ровно половина двенадцатого. Правда, на сутки позже.

Женя вскинула голову и уставилась на Джейсона Беркли. «Приехали, галлюцинации», – всерьез испугалась она и поморгала, но образ не исчез. Призрак стоял на том же месте и для привидения он выглядел слишком правдоподобно: белая футболка с сине-голубой надписью «Я люблю "Зенит"», спортивные штаны и кеды. На шее болтался традиционный шарф болельщика питерской футбольной сборной. От фантома разило потом, смешанным с запахом дорогого одеколona. Женя попыталась вспомнить, возможно ли, чтобы галлюцинация была одновременно зрительной и обонятельной. Пока соображала, Джейсон наклонился и поводел рукой у нее перед носом, как бы проверяя, отражает ли она реальность.

– Эй, Дженни, узнаешь? Вчера виделись. Или за сутки через тебя проходит столько рок-звезд, что всех не упомянуть?

Он озадаченно смотрел на нее. Да, встреча стала сюрпризом. Но не до такой же степени, чтобы терять дар речи и глядеть с перекошенной от ужаса физиономией? Окликнув официанта, он попросил принести воды и дотронулся до ладони Жени.

– Все в порядке? На тебе лица нет.

Прикосновение оказалось более действенным, чем слова, и вывело из оцепенения. Она судорожно выдохнула, приложила ладони к раскрасневшимся щекам, пытаясь охладить их, и, запинаясь, произнесла:

– Я... извини. Не ожидала тебя увидеть.

– Можно подумать, что встретила зомби. Даже не предполагал, что форма болельщика настолько мне не идет.

– Нет-нет, просто... – она вымученно, но в некотором роде счастливо улыбнулась. – Рада тебе. Не представляешь насколько.

Она залпом осушила стакан воды. Джейсон, наблюдая за жадными глотками, понял – мменяемость вернулась, и спросил:

– Что ты здесь делаешь?

– Хороший вопрос... Сначала выполняла редакционное задание. А потом, похоже, сходила с ума.

– Хм, судя по тому, в каком виде я тебя застал, говоришь правду.

– А почему ты тут? Ведь должен был улететь?

– Я и улетел. В субботу – концерт в Москве, сегодня – в Петербурге.

– Да, не подумала об этом... А почему так одет? Больше подходит для стадиона.

– Там и был. Если, конечно, заведение под загадочным для иностранного уха названием «СКК» можно считать стадионом. А это, – Джейсон ткнул пальцем в надпись на груди, – сценический образ, пиар-ход и прогиб под местных фанатов. Имиджмейкеры подсчитали, что семьдесят процентов здешних поклонников «Чаки» болеют за «Зенит». Нам с парнями пришлось покориться воле народа. Вообще, Дженни, знаешь... Я только с выступления, зверски хочу в душ и поесть. Мы остановились здесь, наверху. В бар заскочил, чтобы по-быстрому заказать ужин. А то пока наш мистер Льюис раскачается, и эти англо-саксонские педанты сварганят что-нибудь съедобное – сдохну от голода. Если не спешишь, предлагаю все-таки составить мне компанию. Мы умудрились вместе не пообедать, не поужинать и не позавтракать – хотя, заметь, все эти предложения звучали в эфире. Так что, если и теперь не пропустим по стаканчику – это будет абсолютным рекордом. И мне, честно, не хочется его ставить. Тем более, кажется,

кое-кто тоже нуждается в нормальной еде и хорошей порции алкоголя. Заодно расскажешь, почему сходила с ума без меня.

Он ухмыльнулся, довольный последней двусмысленной фразой. А Женя глядела на него, удивляясь естественности и простоте ситуации. Десять минут назад встреча с Джейсоном показалась бы немыслимой. Но сейчас, пока он говорил, воображение вслед за его словами послушно рисовало картинку. Как они ужинают, общаются и смеются. Душевно и тепло. Словно ничего логичнее, чем провести вечер вместе, и быть не может.

Нервное перенапряжение, страх, непонимание, что делать и кому доверять – все отступило. Растворилось в доброй, мягкой атмосфере, которая возникла в баре вместе с парнем в футболке фаната «Зенита». Он сидел напротив и, приподняв бровь, ждал ответа.

Ей нестерпимо хотелось остаться. Но скоро поезд. А завтра – встреча с Петушковым. И дальше по плану – сумасшедший дом. Авгиевы конюшни, которые придется расчищать.

Терзания отражались мукой в глазах. И взгляд Джейсона, следивший за выражением ее лица, то наполнялся лукавыми смешинками, то настороженно замирал.

– Джейсон, мне очень хочется. Так хочется – не описать. Но нужно возвращаться в Москву. У меня билет на поезд...

– Слушай, не верю в фатализм. Но две случайные встречи за сутки – перебор. Билет – чушь собачья. Нас друг к другу тянет – знаю, ты тоже чувствуешь это. Если сейчас скажешь «нет», сожалеть будем оба.

Ее взгляд метался по его лицу. Противоречия обуревали. Здравый смысл напоминал, что пора на вокзал: у нее куча задач, вопросов, дел, требующих незамедлительного вмешательства. И обратный билет. Но кто-то другой, живущий внутри – кто-то, ответственный за психическое здоровье; за то, чтобы не сойти с ума; за то, чтобы дарить передышки от вечного бега наперегонки с самой собой – этот кто-то дернул стоп-кран и внятно заявил: «Никуда ты не едешь, а остаешься здесь, с ним. И все будет хорошо».

Ей даже не пришлось озвучивать решение. Приняв его, она враз обмякла. Тень улыбки, потеплевшие пальцы – Джейсон все понял без слов, подмигнул и предупредил:

– Только веди себя прилично. В номере, помимо Льюиса, трое потных голодных бандитов из «Чаки». Причем один из них – барабанщик, а это вообще ад. Они до судорог боятся прессу и поклонниц. Но если их накормить, становятся сносными ребятами. Пойдем, сама увидишь.

Они поднялись на лифте на последний этаж. Открыв дверь в номер, Джейсон пропустил Женю вперед, и первым, с кем она столкнулась нос к носу, стал мистер Льюис. Узнав вчерашнюю журналистку, тот по-птичьи вытянул шею и изумленно замер. В гостиной президентского люкса, обстановкой напоминавшего пентхаус в московском отеле, кроме него оказался лишь заявленный в программе ударник.

На вид ему было слегка за тридцать. Полноватый, крепко сбитый, он сидел, развалившись на диване в центре комнаты. Из одежды на нем болтались широкие шорты. Левая рука держала бутылку темного пива, а правая любовно поглаживала густо заросшую волосами грудь. Рассеянный взгляд бродил по экрану работающего телевизора. Остальных участников коллектива «Чаки» поблизости не наблюдалось.

– Проходи, Дженни, располагайся. С мистером Льюисом ты знакома. А это Стив Стоун – единственный чародей, у которого целых две волшебных палочки.

– Три, чувак, а не две. Просто третью видят лишь избранные, – хмыкнул крепыш в шортах и скользнул по незнакомке изучающим взглядом.

– Да, кстати: Стив – грандиозный пошляк, что считает своим достоинством. С этим придется смириться.

– Не выдумывай. Достоинством как раз считаю третью волшебную палочку, – возразил Стив и расплылся в добродушной улыбке, которая свела на нет сальность шуточек.

– Это – Дженни, моя знакомая. Она журналистка, но это неопасно.

– Умеешь порадовать, дружище. Скажи еще – из числа фанатов, и я совершенно успокоюсь.

– Нет, она – не из них. Но надеюсь, станет моей поклонницей.

Женя улыбнулась, слушая, как ее обсуждают в третьем лице. Подтрунивание носило смешливый, добрый характер. А по жестам, мимике и поведению она поняла, что Стив и Джейсон, похоже, не только играют вместе в группе, но и давно дружат. Минуту назад она вошла в номер, но уже стало понятно, что ее присутствие никого не смущает, более того, принимается как само собой разумеющееся. Лишь по лицу мистера Льюиса было видно, что тот пытался вычислить, каким ветром ее занесло и насколько это повредит имиджу кого-либо из «Чаки».

Джейсон сделал пару глотков пива из бутылки Стива и мельком взглянул в телевизор. Шла передача про животных.

– «Энимал Плэнэт»? Зачем? У тебя же есть зеркало.

– Чего там с ужином, остроумный ты мой?

– Обещали поторопиться. Ладно, я в душ, – Джейсон потянулся и провел пальцами по слипшимся от пота волосам. – Кстати, а куда парни умчали? Они же собирались отсыпаться?

– Передумали. Каждому, знаешь ли, своя пресс-конференция.

Женя вспыхнула и гневно посмотрела на Стива. Джейсон тоже напрягся, его брови недовольно сошлись на переносице, и он приготовился осадить приятеля, перегнувшего палку в иронии. Стив опередил его реакцию и принял неуклюже-виноватый вид.

– Ради бога, извини, Дженни. Не хотел обидеть. Мой язык мелет чушь прежде, чем мозг ее отфильтровывает. Хочешь выпить и посмотреть по телеку страусов, пока мистер Беркли совершает обряд омовения?

Она неуверенно поглядела на сконфуженного Стива. Потом на Джейсона, на лице которого читались досада и одновременно просьба не принимать близко к сердцу бестактность. И решила обратить ситуацию в шутку.

– Стив, мне нанесено серьезное оскорбление. Такое, знаешь ли, смывается только кровью или холодным пивом.

– Не вопрос! К твоим услугам и то, и другое. Достану любую жидкость, чтобы растворить осадок от моей тупости, – он повернулся к Джейсону. – А ты чего в соляной столп мутировал? Вали в душ, не мешай отбивать у тебя девушку.

Тот укоризненно покачал головой.

– У тебя десять минут, чтобы научиться галантному общению с женщинами. Потом вернись и отобью охоту отбивать у меня кого-либо.

Пока Джейсон был в ванной, принесли ужин. Вышколенный официант хотел сервировать стол, но Стив широким жестом освободил его от этой повинности. «Потому и заказали харчи в номер, чтобы хватать все руками, облизывать пальцы и не выковыривать из бороды остатки салата», – пояснил он.

Мистер Льюис притих в кресле у телевизора. Было видно, что он чувствует себя не в своей тарелке и не находит общество Жени приятным. Надо полагать, его снедало любопытство, как она оказалась здесь и что ей нужно от Джейсона. Относительно ближайших намерений, похоже, он разделял мнение Стива, брякнувшего пошлость про пресс-конференцию. Впрочем, нахохлившийся, подчеркнуто-вежливый мистер Льюис ни взглядом, ни жестом не дал этого понять. Он сидел поодаль, потягивал виски со льдом и смотрел в телеэкран. Лишь отчужденная поза в пол-оборота и полнейшее безмолвие показывали, что тот не в восторге от присутствия чужачки.

Женя тоже тяготилась его персоной и ждала, в какую сторону повернется вечер. Развязный, но открытый и компанейский Стив ей понравился. А вот чопорного, высокопарного Лью-

иса хотелось отправить в бар отеля, антураж которого больше подходил под его церемонный вид.

Ее молитвы оказались услышаны. Едва благоухающий свежестью Джейсон появился в гостиной, Льюис сослался на головную боль и удалился, отклонив предложение поужинать. Когда дверь за ним закрылась, парни выразительно переглянулись.

– Льюис – прекрасный человек. Уникум, каких поискать, – пояснил Джейсон. – Однако английское воспитание и отцовский инстинкт в отношении каждого из нас – отдельная песня.

– Кстати, надо бы подобрать к ней аккорды и подарить ему на день рождения. Seriously, наш «папочка» – замечательный. Если бы не он, репетировали бы в гараже и выступали на подмостках провинциальных клубов. У этого педанта дар держать в ежовых рукавицах раздолбаев вроде нас.

Джейсон кивнул и добавил:

– Все так. Но рад, что интуиция его не подвела, и теперь можно с чистой совестью заняться чревоугодием и прочими милыми сердцу грехами.

Некоторое время оголодавшая троица уплетала ужин под аккомпанемент звуков живой природы по ТВ. Наконец, сыто погладив живот, Стив предложил:

– Давайте сменим страусиное чириканье. Игги подогнал забойный диск. Черновая «демка» 70-х, когда он с Лу и Дэвидом мутит совместные проекты. Послушаем?

Джейсон пожал плечами, давая понять, что цыпленок в сливочном соусе волнует его больше. Женя, расправившаяся со своей порцией, потягивала пиво и была не против сменить пластинку. Из сказанного она не поняла ничего, но предположила, что речь идет об Игги Попе. Стив исчез, отправившись в соседний номер за диском.

Пока Джейсон подчищал остатки пиршества, она разглядывала обстановку: дорогую мебель, высокие потолки и изысканные безделушки. В просвет балкона просачивались сумерки белых ночей. В июне в Петербурге отсутствует такое понятие как темнота. Но шторы скрывали большую часть окон, и в гостиной горел свет, из-за чего комната была погружена в расслабляющий полумрак.

Джейсон откинулся на диванные подушки, потягивая вермут, и, видимо, уже некоторое время следил за бесцельно блуждающим взглядом Жени. Это почему-то вызвало у нее чувство неловкости.

– Прости, я... – она замолчала, не зная, за что извиняется, и рассмеялась своему смущению. – Очень хорошо сейчас. Здесь. С тобой и Стивом. Вы не похожи на звезд, которых показывают по «Эм-Ти-Ви». Странно. И необычно. Ну, понимаешь. Вообще дикий денек выдался. И это жуткое интервью. А потом – встреча с тобой. Вот думаю...

– Завязывай.

– Думать?

– Суетиться. Не все нуждается в объяснениях. По крайней мере, со мной можешь общаться так.

– Как? – она покраснела, запутавшись в предположениях, что имеется в виду.

Вместо ответа он посмотрел пристально и внимательно, но без тех эмоций, которых ожидала Женя. Она окончательно смутилась и наигранно рассмеялась. Достала телефон, повертела в руках и убрала обратно. Отбивая дробь по бокалу с пивом, она уставилась в мерцающий экран и всем существом ощущала, что Джейсон по-прежнему смотрит, переживая приступ ее внезапной паники. Чувствовалось, что попытки разрядить наэлектризовавшуюся атмосферу бессмысленны. Он не поддастся, не пойдет на поводу. Ей придется встретиться с внимательными, пугающими откровенностью глазами. И с этим не поддающимся описанию выражением лица.

Она надеялась, что вот-вот войдет Стив, и с его появлением дискомфорт рассеется. Что еще чуть-чуть – и Джейсону надоест невнятная, чуждая ей игра. Что он снова станет бесша-

башным, обаятельным малым, амплуа которого ему идет больше, чем теперешний непонятный образ. Однако ничего подобного не происходило.

– Дженни, ты боишься?

– Я... не понимаю, – хрипло ответила она, вздрогнув от собственной интонации.

По телевизору мелькали представители фауны африканской саванны. Она услышала, вернее, почувствовала, как скрипнул диван. Джейсон забрал бокал из ее нервных пальцев и поставил на стол. Опустив руки на колени, Женя пыталась представить, что же дальше. Неторопливо и негромко он обратился к ее рассудку:

– Как можно понять то, чего не видела?

Не спеша, будто не желая напугать еще больше, он накрыл ее руку своей ладонью. От этого жеста исходила надежность и уверенность, что ничего не стоит бояться. Эффект от теплого прикосновения снова, как недавно в баре, оказался сильнее, чем от слов. «Как можно понять то, чего не видела?»

Она медленно повернулась. Его глаза находились меньше чем в полуметре. Вблизи казались иссиня-черными, зрачки почти сливались с радужной оболочкой. В темноте сиял, согревая добротой, будто бы солнечный свет. Безбрежное спокойствие, ласковое тепло и мудрая, жизненная сила. Ни одной мелкой, суетливой, нечеткой эмоции. Только абсолютные, кристально ясные и самые важные человеческие чувства. От них пробирала дрожь. Создавалось ощущение, что погружаешься в бездонное, неизвестное, но безопасное море. Сливаешься в единое целое с обволакивающей бездной. И вместо того, чтобы пугаться, хватать ртом воздух, искать акваланг, вдруг обнаруживаешь, что можешь дышать под водой. Легко и играючи, будто есть жабры, и раньше ты просто не знала об этом. Впрочем, даже не жабры, что-то другое... Ныряешь, пытаешься достать до дна, не страшась кессонной болезни. Каждой клеткой тела ощущая, как проникает в организм насыщенный кислород. Как его свежий, терпкий, захлестывающий вкус чувствует кожа. Да, не может быть, такого не бывает, но это – именно так...

В этот момент хлопнула дверь. Голос Стива беспечно ворвался в гостиную, погруженную в необычную тишину.

– Беспредел, ребята! Перерыл все шмотки, еле нашел треклятую пластинку!

Женя поморгала, словно очнувшись ото сна. Джейсон ласково посмотрел на нее, и она застенчиво улыбнулась. Ответом ей была улыбка и едва различимый шепот: «Добро пожаловать на борт, Дженни». Пока Стив возился со стереосистемой, она еще раз – уже с грустным беспокойством – посмотрела и тихо спросила:

– Капитан, сколько у нас времени, чтобы совершить это путешествие?

– Все настоящее – наше.

Они обменялись многообещающими взглядами, прежде чем по комнате расплескалась громкая незнакомая музыка, а Стив с чувством выполненного долга плюхнулся в кресло. Взяв пиво, он оглядел парочку, держащуюся за руки, и напрямик спросил:

– Оставить вас вдвоем?

– Не надо, – улыбнулась Женя и обнаружила, что говорит совершенно искренне.

Действительно хотелось, чтобы Стив, вроде бы разрушивший чудесную ауру, остался. Рассказал еще парочку смешных историй, побалагурил. Хотелось состояния невесомой легкости и шуточных подколов. Разговоров втроем и домашней обстановки, как во время ужина. Новый, едва приоткрывшийся мир никуда не денется. Откуда-то она знала это. Его освоение подождет. Ее и так взяли на борт. Незачем спешить: настоящее уже происходит.

Спустя время, Стив, поднабравшийся пивом, решил, что пора на боковую. Он поднялся с кресла, похлопал по плечу Джейсона и замутневшим взглядом посмотрел на Женю.

– Слушай, бросай этого смазливового юнца и пойдем со мной, а? Такую пресс-конференцию закатым – о-го-го! Даже фоторепортаж сделаем, если захочешь.

– Мистер Стоун, я бы с радостью. Но боюсь, нужно предварительное согласование с мистером Льюисом.

Он расхохотался, сгреб ее в охапку и смачно чмокнул в щеку.

– Ну ты и зараза! Все, я спать. Хорошей вам ночи, ребята.

Стив, покачиваясь, вышел из номера, а Джейсон, с улыбкой наблюдавший за этой сценой, перевел взгляд на Женю. По комнате разливались плавные звуки «Пёфект дэй» Лу Рида. Фортепианные гармонии невидимыми нитями пронизывали атмосферу, которая стала неуловимо меняться, сгущаясь и концентрируясь вокруг оставшихся в гостинной.

Они будто продолжили общение с того момента, на котором их прервал Стив, войдя с записью Игги Попа. Слово время, проведенное втроем, было музыкальной паузой в основной программе, предназначенной для двоих. Ностальгический мотив окутывал пуховым одеялом, оставляя пространство лишь для событий внутреннего мира, где разворачиваются главные действия. Сколько длилось молчаливое погружение – Женя не знала. Но в какой-то миг поняла, что они оба находятся на одной волне. Два серфера-профессионала, над которыми не властно ни одно цунами. И опять в этом не было привычной сексуальности. Не было флирта, игры.

Она прикрыла веки, чувствуя, что кружится голова, перехватывает дыхание и не достает сил разума для постижения происходящего. Ничего не делая, не прикасаясь, Джейсон одним взглядом внушал невероятные ощущения. Единственное, в чем отдавала себе отчет: все ново.

– Признайся, ты фокусник-гипнотизер или вроде того? – тихо спросила она.

– Нет.

– Кто же ты?

– Космический пришелец, посланник инопланетных цивилизаций. Сеятель добра, борец со злом. Ну и все такое.

– Слава богу. А то подумала – гипнотизер.

– Разве гипнотизеры могут читать мысли? – Джейсон пожал плечами, мол, подобное по зубам лишь истинным сеятелям добра, а не всяким шарлатанам.

– То есть можешь прочесть мои мысли? Ну о чем я думаю?

– Сейчас? О разной ерунде. Но недавно думала, что с тобой впервые происходит подобное. Что ты на одной волне с кем-то, и при этом – не страшно. А еще поняла, как свободно может дышать твоя душа.

Широко распахнутые глаза в немом изумлении смотрели на него. Он внимательно вглядывался и ждал.

– Джейсон, разве я говорила вслух?

– Нет. Но очень громко думала.

– Как ты узнал?

– Важнее, как ты сама об этом узнала.

Она пыталась осознать глубину вопроса и подбирала правильный ответ. Мысли скакали и бросались врассыпную. Сердце подпрыгивало синхронно с ними. Полный сумбур. Но страха, как ни странно, не было.

Как узнала, что душа умеет дышать? Как?!... Да просто – глядя ему в глаза. Он же прекрасно знает, как. И объяснить словами такое невозможно!

– Некоторые вещи невозможно объяснить словами, – в темной синеве блистали добрые искорки.

Женя впиалась в него жадным взглядом, в котором слились недоверие, потрясение и восторг. Джейсон протянул руку и провел пальцами по ее щеке. Она не шелохнулась, выискивая ответ, мерцающий в глубине зрачков. Наконец, совладав с эмоциями, спросила:

– Ну правда, кто ты?

– А чем плоха версия с космическим сеятелем добра?

– Послушай... Можешь вести себя как... как не знаю кто. Можешь даже читать мысли, если приспичит. Но – раз взял на борт – неужели я проведу все время как буйный пассажир, запертый в машинном отделении?

– Резонная претензия. Так в каком качестве желаешь путешествовать?

– Я хочу постоять у штурвала.

– Странно, мне показалось, что тебе осточертела эта роль.

Такой ответ в очередной раз застиг врасплох. Женя с удивлением обнаружила, что Джейсон снова прав. Причем больше, чем хотелось бы.

Она привыкла быть ведущей и распорядительницей бала, главной движущей силой в любых отношениях. Но выстраивала все так, что была скорее серым кардиналом: ее доминирование, когда надо, искусно маскировалось подчинением. Со времен злосчастной влюбленности в Славика не бывало, чтобы ситуация выходила из-под ее чуткого, но тотального контроля. И какой бы сладкой ни рисовалась перспектива расслабиться и отпустить вожжи, осторожность не позволяла этого сделать и требовала во владение если не контрольный пакет акций, то хотя бы блокирующий.

– Я не могу – вот так, сразу... – она запнулась, но не стала пояснять, догадываясь, что он и так все понимает. – Хочется порулить. Мне нужно это.

– Порулить, – повторил Джейсон, словно пробуя на слово вкус. Он не сводил с нее серьезного взгляда, вычисляющего истинность желания. Спустя несколько секунд, похоже, правильный ответ был найден, поскольку он повеселел, а в манерах появилась мальчишеская беспечность. – Порулить – это запросто, Дженни. Если умеешь управлять мотоциклом.

– погоди, хочешь сказать...

– Я собираюсь погонять на мотобайке по городу с симпатичной девчонкой. Поехали?

– Но ты выпил.

– С ума сойти, это говорит журналист-«оборотень»! В Штатах столько вермута за алкоголь не считается.

– В России «гаишники» полагают иначе.

Джейсон изучающее поглядел:

– Пытаешься рулить? Даже не сев за руль? Тогда к чертям ночные прогулки. Давай-ка закопаемся в интернете, нароем кучу юридических актов, и я в два счета докажу, как ты нарушаешь общественный порядок по двадцать раз на дню. Уверен, есть много ситуаций, попав в которые, ты и не заподозришь, что преступаешь «закон», – последнее слово он выплюнул с презрением.

Женя удивилась, откуда столько желчи по отношению к этой теме. Впрочем, углубляться в нее не хотелось. Джейсон адекватен и на нетрезвого водителя похож в последнюю очередь. Угрозы в том, чтобы прокатиться на байке, точно не видела.

– Все, твоя взяла, – она подняла руки вверх. – Сдаюсь на милость победителя. Более того, не умею обращаться с мотоциклами, поэтому поведешь ты. А я буду штурманом.

– Ну вот. О чем и говорил.

– В смысле?

Он приблизился и сказал прямо в лицо:

– Ты идешь на любые ухищрения, лишь бы не потерять пяди того, что любо. Пока веришь во что-то, сражаешься до последнего. Сейчас, например, убеждена, что нуждаешься в контроле над ситуацией. И делаешь все, чтобы его добиться.

– Глубоко копаешь, – выдохнула Женя, не сводя с него горящих глаз.

– Да. Но что важнее – в верном направлении. Выжимаешь максимум, чтобы занять пост штурмана. А лучше бы и вовсе сместить капитана. А ведь тебя только взяли на борт... Эх, ладно, Дженни, назначаю тебя штурманом. Но это касается только поездки по Петербургу. Не более.

Через двадцать минут черный горделивый байк с двумя седоками летел по Дворцовой набережной, мимо Эрмитажа и Летнего сада в сторону площади Александра Невского. Лица обоих скрывали тонированные стекла защитных шлемов, и вряд ли кто-то опознал бы в человеке за рулем известного на весь мир Джейсона Беркли. Внимание прохожих привлекало лишь грозное рычание мотоцикла.

Теплый ветер, белая ночь, взбудораженный город, скорость и рев двигателя. Подпрыгивающее в восторге сердце – каждый раз, когда фырчащий монстр срывался после нетерпеливого ожидания разрешения светофора. На каждом повороте – словно впрыскивание инъекции адреналина. На каждой короткой остановке – пульсация жизни и бурлящее удовольствие.

Пока они гоняли по улицам, Жене в голову пришла идея.

– Хочешь увидеть город как на ладони? И все разведенные мосты сразу?

– Подаришь набор открыток?

– Нет, никаких штампов. Предлагаю насладиться оригиналом.

– Там не многолюдно? Не хочется гулять в толпе в мотоциклетном шлеме.

– Не переживайте, мистер Чинаски. Кроме нас – никого. Эксклюзивная экскурсия.

– Тогда поехали.

Свернув на набережную Мойки, Джейсон сбросил скорость, а вскоре, следуя подсказкам Жени, припарковался у старинного трехэтажного особняка. Отреставрированный фасад был затейливо украшен лепниной и органично вписывался в ансамбль уходящих в перспективу таких же «пряничных» домиков.

Они миновали арку, узорчатые чугунные ворота и оказались на территории чистого, опрятного дворика. Обогнув детскую площадку и ухоженные клумбы, остановились возле парадной в глубине двора. А когда поднялись по ступенькам на последний этаж, Джейсон вопросительно посмотрел на Женю, не понимая, зачем их сюда занесло. Она подмигнула и на цыпочках подошла к лестнице, ведущей на самый верх, под крышу.

На чердаке пахло затхлой сыростью и замшелыми деревянными перекрытиями. Осторожно ступая в темноте, они продвигались вперед, огибая дымоходы и стропила. Наконец показался просвет, и через минуту путешественники вышли на крышу.

– Наша цель – вон та площадка, в десяти метрах отсюда. И пожалуйста, будь осторожен, – Женя указала на крутые, резкие скаты, обшитые рифленным железом. – Иначе сыграешь в кино не алкоголика, а инвалида.

– Да уж, с тобой надо поосторожнее, это точно.

Очувтившись наконец на ровном месте, они отряхнули чердачную пыль и огляделись. Открывшееся зрелище, безусловно, стоило того, чтобы проделать такой путь.

Внизу, окутанный сырой предрассветной дымкой, распластался дремлющий город. Пестрые крыши домов укрывали его словно лоскутное одеяло. Нева и ее притоки казались причудливыми прорезями: будто кто-то хорошенько поработал ножницами. Храм Спаса-на-Крови, Ростральные колонны, шпили Адмиралтейства и Петропавловской крепости подпирали сумеречно-лиловое небо. В тумане растворялся Финский залив с верфями порта и пришвартованными лайнерами.

Эту крышу Жене когда-то показал Юра. Брошенная тогда вскользь ремарка дала понять, что место памятно ему романтической подоплекой. Однако она сознательно пропустила сказанное мимо ушей. Вид на старый город захватывал и восхищал. Совершенно неважно, откуда он узнал про эту крышу, и какие ассоциации она навевала ему.

Сейчас Женя и не вспоминала, что бывала здесь с другим мужчиной. На ее губах играла улыбка, а взгляд был устремлен на Джейсона. Тот, засунув руки в карманы, смотрел вдаль, воздавая должное великолепию панорамы Санкт-Петербурга.

– Ты права, здесь красиво. В Лос-Анджелесе есть похожее место, которое люблю. Будешь в Штатах – позвони, обязательно покажу.

– Никогда не гуляла по другим крышам, кроме питерских.

– Значит, первый раз будет со мной.

Он многозначительно посмотрел, и щекочущая двусмысленность – без сомнения, нарочитая – испарилась, нейтрализуемая этим взглядом. Тонкий сексуальный подтекст содер­жался лишь в словах, а глаза, глубокие, спокойные, не ставили целью подогреть тлеющий огонек. Женя чувствовала себя сбитой с толку диаметрально противоположными сигналами. Поступки, жесты, намеки – все говорило, что Джейсон неравнодушен. Но взгляд – слишком спокойный, слишком теплый – опровергал это.

– Ты смотришь на меня так... – ее фраза повисла в воздухе, оставшись неоконченной.

– Как?

– Не так, как надо.

– Точно знаешь, как тебе надо?

Она поехала. То ли от внезапно налетевшего ветерка, то ли от разговора. Игра «на грани», которую он предлагал весь вечер, ей не по нутру. Зачем эта двойственность? К чему все усложнять и закручивать лихие морские узлы?

Раздражало ощущение, что она где-то дает маху и не может постичь его мотивов и намерений. И еще раздражала досада. Вылетали в трубу все стандартные (и даже не стандартные!) приемы соблазнения – с их экспрессией, живостью и, вместе с тем, женственностью и непосредственностью. Если Джейсон и был очарован, то не подавал виду. Он стоял в трех шагах, но, казалось, его мысли витали далеко отсюда. «Черта с два, не нарушу молчание, – подумала она. – Ведь все чувствует и знает. Причем весь вечер уверяет, что чувствует и знает больше, чем я. Вот и карты в руки. Пусть действует, как считает нужным. В крайнем случае, всегда могу взять и уйти».

Джейсон, изучая тающий в дымке горизонт, проронил:

– Ну как? Анализ поведения Джейсона Беркли закончен? Каковы выводы?

Нервная усмешка вырвалась у Жени помимо воли, и вслед – покачивание головой, означающее: невозможно, умываю руки. Она откинула со лба прядь волос и произнесла:

– Опять читаешь чужие мысли?

– Не чужие. Твои. Можно читать лишь тех, кто хочет быть прочтенным. А если человек желает, чтобы другой его читал, значит, они уже не чужие. Такая вот логика. Ну так что там с выводами?

Она тяжело вздохнула и переступила с ноги на ногу. Жестяное покрытие отозвалось гулким эхом.

– Джейсон, зачем тебе все это? – ее рука очертила полукруг, в поле которого попали сиреневое небо, Нева и вся романтика дремлющего города. Ладонь замерла, указывая на центр невидимой нити, натянутой между ними. – Я не умею читать мысли. Но хорошо читаю между строк, поэтому вижу, что происходит что-то... не то. Почему так смотришь на меня? Я чувствую твоё тепло, но... Это не то тепло, которое должно быть. Толком даже не понимаю, нравлюсь ли тебе? Хочешь ли поцеловать? И если – да, почему не делаешь этого? Чего ты доби­ваешься?

Джейсон слушал, глядя тем самым странным внимательным взглядом, о котором говорила Женя. Но когда она закончила, выражение его глаз изменилось. Их подернула пелена грустной улыбки человека, привыкшего к разочарованиям, и в очередной раз ощутившего этот горьковатый привкус.

Он чуть ли ни по-отечески положил руки ей на плечи, и у Жени шевельнулось предчувствие, что ей больше не суждено увидеть того Джейсона, которым он был весь вечер. Он нежно, но иначе, чем раньше, взял ее ладони и произнес:

– Дженни, ты права. Я понимаю, что ты чувствуешь. Вижу твое смятение и недовольство моим балаганом.

Она сделала попытку перебить, не дать закончить начатое, но он приложил палец к ее губам.

– Понравилась ли мне? Да. Хотел ли поцеловать? Да, Дженни. И не только поцеловать. Говоришь, не понимаешь, чего добиваюсь... Вот это, действительно, очень жаль. Потому что хотел, и мне показалось, что ты тоже хотела стать моим штурманом. Но похоже, ошибся. Просто не сможешь им быть: у тебя слишком мощный, точный, дьявольский автопилот. И признаю – да, правда, снимаю шляпу, – ты лихо с ним управляешься. Наверное, отчасти это меня и привлекло. Но мой корабль полностью на ручном управлении. Здесь бесполезно заранее прокладывать маршрут, настраивать компас, изучать карты. Нужно идти, и путь будет рождаться под ногами. А у тебя – автопилот. И ты доверяешь ему больше, чем себе. И уж тем более, чем мне.

– Нет, Джейсон, нет. Много не понимаю, но, честно, пытаюсь. Зря я все наговорила. Наверное, хочу быть твоим штурманом... Нет, не наверное. Точно хочу.

Ее голос изменился, и вряд ли она могла бы объяснить, откуда взялся этот жар в нем. Пять минут назад охватывало негодование, намерение высказать все и уйти. А теперь хотелось развеяться от обиды – на себя, в первую очередь. И во вторую – на печального, но непреклонного в теперешнем решении Джейсона. Почему сеятели добра жестоки к раскаявшимся?! Это нечестно, черт побери, просто нечестно! Почему ей не дано право на ошибку? И вообще, *что* за ошибка? Этот чтец мыслей не знает ее жизни, страхов и демонов. По существу, даже не ответил на вопрос, зачем устроил «балаган».

Но зато ясно дал понять, что утомлен ее непониманием. Чуть ли ни сообщил, что в ней есть ограниченность, неспособность осознать и воспринимать какую-то там метафизику души... Это она-то – не способна?! Она, шелкающая как орешки людей любого сорта и психологического склада! Она, которая видит насквозь человеческие пороки, комплексы и изъяны! Ее упрекают в нечуткости и неумении читать мысли?! Да какого черта! Что он возомнил!

Самолюбие поддакивало и говорило про плебоя-музыканта, который просто хотел развлечься с симпатичной журналисткой. Оно настоятельно рекомендовало послать подальше всех сеятелей добра – и без них забот хватает.

Женя сжала кулаки, отвела взгляд и тихо произнесла:

– Нам пора возвращаться.

В гостиничном номере все оставалось по-прежнему. На столе стояли полупустые бокалы, бутылка вермута и растаявший лед в ведерке. Часы показывали половину седьмого. Сквозь портьеры пробивался румяный рассвет.

Джейсон открыл шторы и, глядя на розовеющее небо, спросил:

– Голодна? Можно заказать завтрак.

– Нет, спасибо, – секунду подумав, Женя добавила, – выпила бы кофе.

Он позвонил на ресепшн, заказал два эспрессо, билет до Москвы и такси в аэропорт. В ожидании кофе они сидели, не встречаясь взглядами, но, впрочем, и не избегая этого специально. Комната была погружена в атмосферу предрасветной дремоты. Как ни странно, в наступившей тишине не ощущалось тягостной неловкости и потребности разрушить ее светской, принужденной беседой. Женя поймала себя на мысли: даже теперь все нелогично.

Неизвестно, что происходило раньше: откуда взялась удивительная интимность, возникшая несколько часов назад. Неясно, из-за чего она разрушилась там, на крыше. Но совсем странно стало сейчас. В таких ситуациях – точно помнила – неизбежными спутниками недопонимания были скребущие на душе кошки и желание побыстрее расстаться, освободив друг друга от необходимости нести чушь.

С Джейсоном все было не так. В его отрешенности не было скрытого раздражения. Отсутствовала досада, что финал ночи получился совсем не таким, как можно было ожидать. Женя прислушивалась, но не слышала звуков возводимых психологических барьеров, которые моментально выстраиваются в подобных случаях.

Однако прежней близости тоже не осталось. Сохранялась та удобная степень комфорта, которая возникает между людьми, застрявшими на вокзале в захолустье. Простое чувство объединения общей ситуацией. Когда за долгие часы, проведенные в зале ожидания, успеваешь познакомиться, поговорить о том о сем. По очереди бегаешь в буфет или присматриваешь за вещами, когда один выходит покурить и узнать, когда же подадут состав.

Принесли кофе. Джейсон поставил перед Женей чашку.

– Такси приедет через двадцать минут. Наш душка-администратор заказал билет в бизнес-класс. Самолет в одиннадцать, так что к обеду будешь в Москве.

– Спасибо. Но время уже не принципиально. Могла поехать и поездом.

– Ты могла бы и пешком дойти.

По ее лицу пробежала тень рассеянной улыбки. Скажи эту фразу кто угодно другой, она прозвучала бы комплиментом. Но в его исполнении была неприятной. Не желая оставлять без ремарки иронию, Женя спросила:

– Ну признайся, считаешь меня эмансипированной феминисткой? Этакой самонадеянной «железной леди», страдающей тщеславием и избытком интеллекта? – ее голос звучал так пылко, что не оставалось сомнения: эти качества она считает своими достоинствами.

Джейсон смотрел на нее – спокойно, долго, пристально, – пока не угас ее приступ запальчивости.

Опять она где-то промахнулась. И он снова глядит как на несмышленища, на которого бесполезно сердиться. И опять, как на крыше, зародилось смешанное желание расплакаться, разозлиться и довериться тому, что таится в иссиня-черной глубине его глаз.

Отставив кофе, Джейсон сказал:

– Нет, Дженни. Я считаю, ты – махровая идеалистка, которая настолько боится признаться в этом, что не поленилась выстроить материалистическую концепцию всего и вся. Ты живешь в контролируемом внутреннем мире, где на любой вопрос есть прагматичный ответ. Ты – романтик, завернутый в пятьдесят оберток логики, суждений и рассудка. И страшишься, что хоть одна живая душа – даже твоя – об этом догадается. Впрочем, никто не догадывается, полагаю.

У Жени задрожали губы.

– Почему не сказал раньше?.. Ведь именно это хотела услышать, и ты знал. Я бы выключила «автопилот», и тогда...

– Нет, Дженни. Штурман должен спинным мозгом чувствовать, что имеет в виду капитан. Даже если они в разных концах корабля, и нет физической возможности для связи. А если ждать инструкций и разъяснений, все попросту разобьются. На этом пути много нештатных ситуаций. Времени на разговоры подчас нет.

– Но... откуда же могла знать? Должна была понять и поверить в тебя с первого взгляда?

– Ну... строго говоря, да. Я же сразу все понял про тебя.

– Какое-то безумие, – пробормотала она. – Все слишком... Слишком. Ты говоришь вещи, которые не укладываются в голове.

– Не укладывай их туда. На будущее. Ради себя.

Джейсон замолчал и прикрыл веки. Под его глазами залегли тени – ночь бодрствования после того, как он на сто процентов выложился на концерте, оставила отпечаток. Женя подумала, что она вряд ли выглядит лучше. Впрочем, это не важно. Надо уезжать. Поскорее и подальше от проклятой гостиницы. Где чертово такси?

Тут судьба словно решила хоть в чем-то пойти ей навстречу. Зазвонил телефон, и администратор доложил, что машина подана. Джейсон поднялся.

– Пойдем, провожу.

– Не стоит. Найду дорогу.

– Не сомневаюсь. Просто мне нравится смотреть, как ты психуешь именно на фоне лифтов. Ты прямо профи по этой части.

Она вяло улыбнулась его шутке. И не подозревала, что в самом ближайшем будущем ее жизнь будет зависеть от умения «психовать на фоне лифтов».

Июль, 2001 г.

После возвращения из Санкт-Петербурга прошло три недели. Внешне, как и обещал Гречишников, жизнь осталась прежней.

В первый день по приезду Женя чувствовала себя настолько разбитой, что позвонила в офис и отпросилась у Семена Колесникова на пару дней. Отославшись, она более-менее пришла в норму и еще сутки просидела дома, обдумывая последние события.

В стенах родной квартиры, среди знакомых вещей вернулось чувство стабильности и защищенности. Насколько могла, проверила жилище на предмет «жучков», но ничего не обнаружила. После двух часов ползания по углам и пристрастного разглядывания каждой половицы, она в сердцах шарахнула кулаком по стене и злобно бросила в воздух, обращаясь к невидимым врагам: «Ну хоть вы-то мысли читать не умеете?!»

Меряя шагами квадратные метры, она припоминала нюансы обеих встреч с Гречишниковым. И чем дольше размышляла, тем больше приходила к выводу, что переоценила роль Петушкова. Занимаемая им должность не давала реальных рычагов управления. Газета – ширма, а главред – марионетка, пляшущая на ниточках, которые держали власть имущие, в частности, Гречишников и, видимо, банда сотоварищей по политическому блоку. Впрочем, это не оправдывало предательства босса в глазах Жени по отношению к ней лично и к свободе слова в целом.

О последнем пока старалась не думать. Едва вспоминала разглагольствования Гречишникова о том, кто владелец «Точки зрения» и «Дельца», как рождался вопрос: а кому принадлежат остальные? Кто «акционер» СМИ в конечном итоге? Напрашивалось предположение, что независимая пресса в стране в принципе отсутствует. Принять это как данность, как реальный факт не хватало мужества. Невозможно вот так, сходу, взять и признать, что она обманывалась всю жизнь. И четвертая власть на поверку оказалась такой же продажной и лживой, как любая другая.

Выйдя на работу, она первым делом собиралась побеседовать с Петушковым. Без сомнения, тот должен обладать сведениями, способными пролить свет на ситуацию. Однако выяснилось, что он тоже заболел и отсутствовал больше недели. А потом улетел в командировку на Дальний Восток. Пятничные летучки проводились в обычном режиме, и Женя исправно посещала их. Полина Мазуркевич сияла торжеством и наслаждалась ролью исполняющей обязанности руководителя. Но Женю прежние распри с ней больше не волновали. Ненависть к старушенции произрастала из карьерных амбиций, от которых после поездки в Питер остался пшик. Теперь, слушая вполуха привычное жужжание в конференц-зале, она оставалась безучастной. Тревожила только собственная судьба.

Каждую секунду она находилась начеку, стараясь уловить «сигнал к действию», о котором говорил Гречишников. Но ничего не происходило. Контакт с ней никто не искал. Никаких тайных знаков и паролей. Все оставалось как раньше. Не считая, конечно, неуловимого Петушкова, которого в редакции не видели больше двух недель.

Отчасти Женя психовала из-за этого. Она надеялась, что, приперев его к стенке, поймет, чего ждать от будущего. Да, могла бы позвонить на мобильный, договориться о встрече, настоять на ней, в конце концов. Что-то подсказывало: ему не достанет духу отказать. Но не делала этого, находя множество причин, по которым звонок считала невозможным. Во-первых, прослушка. Толком ничего не скажешь по сотовому – по телефону бесполезно заикаться о главном. Во-вторых, Петушков сам ни разу не позвонил. Что в сочетании с отсутствием на рабочем месте делало его недостижимым еще подозрительнее.

Все это напоминало политику страуса, и умом она понимала безотлагательность разговора, но отчаянно не хотела встречаться лицом к лицу с мерзавцем. Нетрудно догадаться, что за выражение будет в его глазах, и какие истинные качества Петушка обнажатся. Чувство гадливости занозой ныло при мысли, что самый уважаемый и почитаемый ею человек предстанет первостатейным засранцем. Женя ходила с тяжелыми сомнениями «позвонить – не позвонить?» и постоянно откладывала трудный поступок, придумывая отговорки, за которые сама же на себя злилась.

Зато она разузнала все, что смогла, о Гречишникове. Досконально изучила сплетни и факты о сферах жизни, до которых доходили его руки. Таких оказалось много. Помимо энергетика он умудрился влезть чуть ли ни во все социальные отрасли. Куда ни плюнь, опосредованно, косвенно – через министерство или принадлежащие компании – кому-то покровительствовал, куда-то инвестировал, чего-то строил и с кем-то водил знакомство. Да, народ его любил, особенно в последнее время, из-за истории с «нефтяным соглашением». Однако в бизнес-среде хватало людей, которые, должно быть, ненавидели и жаждали его крови.

С какими подпольными делишками ей придется столкнуться? Когда ее бросят грудью на амбразуры? И у кого просить помощи, если ее подставят или решат устранить по указке Гречишникова или его врагов (что, впрочем, для нее едино)?

Близкими людьми, которым она доверяла, были Лена и Маша. Но посвятив их в случившееся, она неминуемо навлечет на них неприятности. В то время как на реальную помощь подруг в этой ситуации рассчитывать сложно. Да, у них есть кое-какие связи, и они подняли бы на уши Армию спасения, если бы могли. Но их контакты в высших кругах близко не стояли с птицей такого полета как Гречишников. Серебристый диктофон, похороненный дома в глубине письменного стола, убеждал в этой печальной истине.

Отчасти она цеплялась за сам факт «презента» как за доказательство: в намерения Гречишникова не входит убийство. Ведь зачем делать такой подарок, если не собираешься получить обратно то, что записано на нем? И старалась не думать, что диктофон сам по себе носитель информации, а ее задача – работать почтовым голубем.

Так или иначе, но подругам Женя рассказала лишь официальную версию: вторая встреча с Гречишниковым потребовалась, чтобы согласовать материал для «Звездной пыли». С унылой миной сообщила, что затея выгадать нужную информацию, увы, провалилась. Что удалось выбить только интервью для Лены, которая вольна делать с ним, что угодно. Ложь стоила усилий, и казалось, подруги почувствуют неладное – слишком хорошо знали ее. Но Маша витала далеко от журналистских будней и, как обычно, не вникала в детали, куда и зачем Вжик моталась во имя согласований, конференций и так далее. Для нее Гречишников был очередным редакционным заданием Жени, не более. Что до Лены, ту волновало здоровье сына, который с трудом шел на поправку. Краткую заметку о добермане Зюзе втиснули в номер только потому, что под статью зарезервировали место на задворках журнала. Кроме того, у Лены среди первоочередных значились более важные задачи. Интервью с Джейсоном Беркли было одной из них: оно претендовало на главную тему июльского номера.

Женя рассказала подругам про свидание с ним в Питере, но неохотно и сдержанно, что породило подозрение: она явно чего-то не договаривает. И если относительно Гречишникова

ей удалось обвести Машу и Лену вокруг пальца, то в этой истории их бдительность была на высоте.

Они вытягивали подробности, поэтому пришлось удовлетворить пристрастное женское любопытство, рассказав основные факты. Как он перезвонил после интервью и пригласил поужинать. И как не состоялась встреча по воле Петушкова, подкинувшего внеурочную работу (умолчав о действительной причине, она покраснела, но подруги объяснили смущение иначе). Как Джейсон наткнулся на нее в баре отеля на Исаакиевской площади и уговорил остаться на ночь. Как смеялись втроем со Стивом и гоняли по ночному городу на байке. Лазали по крышам и смотрели на красоты Питера. А потом вернулись в гостиницу, и он заказал ей билет на самолет.

Когда рассказ закончился, Маша возмутилась:

– Ты что, не спала с ним?! Да как можно умудриться в таких условиях не переспать с Беркли? Высший пилотаж глупости! Если хочешь, это просто... просто оскорбительно, да!

– Факт, что не было секса, похож на необоснованную ложь лучшим подругам, – поддержала Лена. – Давай-ка, колись, что случилось на самом деле.

– Клянусь, ничего.

– Вжик, мы знаем тебя как облупленную. На лице написано: о чем-то умалчиваешь.

Она пожала плечами. Что рассказать? Как Джейсон читал ее мысли? Про поглотившее наваждение и глубину глаз сеятелей добра? Про меткость замечаний о ее душе и отказ брать в штурманы? Про растерянность, обиду, непонимание? И вместе с тем радость, что кто-то видит ее без прикрас... Расскажи она обо всем, вердикт относительно «глупости» не изменится. Пожалуй, подруги лишь утвердятся во мнении, что Вжик повредила умом, раз упустила такую возможность.

Джейсон затронул что-то, о чем она смутно догадывалась, но раньше не сталкивалась. Он прикоснулся к той части души – не сердца, не ума и уж, конечно, не тела, а именно души – которая всегда была окутана чем-то плотным и непроницаемым.

До памятной ночи в Питере само понятие «душа» казалось ей абстрактно-философской категорией. То есть да, она многое читала на эту тему, и представление по этому поводу сформировалось давно. Например, выражение «душа болит» означало тревогу. «Душа в пятки ушла» – страх. Под «душевными терзаниями» подразумевались психологические страдания. А под «душевностью» – теплота и близость. После встречи с Джейсоном ее внутренний филолог потрясенно молчал, переваривая новое буквальное значение этого слова.

Тогда, на диване в гостиной она *физически* чувствовала, что у нее есть душа. И потом, на крыше, когда душа по неизвестным причинам уходила в пятки, – это был не страх, а *физическая боль* потери. Душа перестала быть синонимом, которым можно удачно заменить тавтологию в статье.

Сформулировать открытия, происходившие внутри, Женя пока не могла. Но знала, что их первопричиной стал Джейсон. Объяснить это было так же сложно, как слетать на Марс и обратно. Маша и Лена не поймут. Она бы на их месте точно не поняла. И делиться тем, в чем сама толком не разобралась, не хотелось.

Поэтому лишь отметила детали, которые красноречиво указывали, что Джейсон Беркли внимательный и галантный джентльмен. А в конце охладила пыл подруг замечанием, что вообще-то у нее есть Юра. Да, не все гладко и радужно, но сбрасывать его со счетов неправильно. Те обменялись скептическими ухмылками, из которых следовало, что ни одна, ни другая не поверили, будто этот вялотекущий роман остановил бы своенравную Вжик.

Тем временем, в отношениях с Юрой действительно наступил критический момент. После ее возвращения из Питера они общались дважды, и оба раза – по мобильному. Отсутствие встреч говорило само за себя. По телефону Юра намекал, что происходящее между ними

все меньше похоже на что-то вразумительное. Но Женя отвечала невнятно или вовсе перескакивала на другую тему. Вносить ясность в формат общения с ним не было ни сил, ни желания.

Наконец, Петушков вернулся с Дальнего Востока, и больше не было поводов откладывать выяснение отношений. Однако секретарша в приемной сообщила, что его вызвали на заседание в министерство по делам печати, и сегодня он в офисе не появится.

Женя сидела на рабочем месте и сверлила взглядом сотовый, набираясь решимости сделать неприятный звонок. В этот момент телефон, будто загипнотизированный ее взглядом, зазвонил сам.

– Здравствуй, дорогая! – в бодром голосе Лены звучали нотки гордости и удивления. – Угадай, почему звоню.

– Потому что сегодня – пятница, и мы встречаемся в нашем кафе.

– Черта с два! Есть новость, от которой со стула упадешь!

– Пересела на пол. Продолжай.

– Вжик, статья про Беркли выиграла премию «Блестящий слог»! – взвизгнула от восторга Лена. – Первое место в номинации «Интервью со звездой»! Мы никогда не удостоивались этой награды! Впервые за десять лет существования журнала, понимаешь?! А знаешь, какой главный приз? Десять тысяч баксов и поездка через неделю в Лос-Анджелес, на «Парад кинопремьер»! Хоть представляешь, что это значит?!

У Жени потемнело в глазах. Как и предупреждала Лена, колени предательски затряслись и пришлось опереться на стол.

Она прекрасно поняла, что это значит. Но отнюдь не то, что имела в виду счастливая Лена. Лос-Анджелес! Через неделю! Тот самый «тайный знак» от Гречишникова. Он отправляет ее в Голливуд, на кинофестиваль. И как все подстроил – комар носу не подточит! «Никто, кроме вас, Евгения, не заметит ничего необычного». Да уж, сфабриковать результаты конкурса и делегировать ее под видом журналистки «глянца» к черту на рога – что может быть естественнее и непринужденнее?

Лена взахлеб рассказывала, как стало известно, что материал с Беркли получил награду. Это оказалось полной неожиданностью для редколлегии, которая отправляла на конкурс совсем другие статьи. Почему организаторы «Блестящего слога» взяли эту публикацию и с чего решили, что она достойна звания «Интервью года», оставалось загадкой. Но это уже никого не волновало, поскольку премия, за которой гонялись самые маститые представители «глянца», была в кармане «Звездной пыли».

Женя, как сквозь вату, слушала журчание голоса подруги, не в силах прервать или что-то ответить. Только мычала в трубку, увлекаемая бешеным галопом мыслей. Та же восприняла невнятное бульканье за удивление, которое испытывала сама.

– Вжик, отпрашивайся у Петушка и приезжай, – торопила Лена. – Тут все как с ума посходили, ей-богу! Награждение – завтра. И конечно, срочно нужно видеть тебя воочию. Главред голову оторвет, если не представлю победителя в течение часа, так что собирайся скорее.

– Не могу, – просипела Женя, сиюсья придать интонациям выражение, смахивающее на радостное.

– Что значит – не могу? Хочешь, поговорю с твоим Максимычем. В крайнем случае, наша мисс босс позвонит ему как главный редактор – главному редактору. Брось, Вжик. Ситуация – нестандарт, сама понимаешь. Петушок не упырь какой-нибудь. Вопросов даже не возникнет. Давай, бегом. Жду.

«Именно что упырь», – проскочило в голове, а вслух Женя неуверенно произнесла:

– А ошибки нет?

– В смысле?

– Ну что *моя* статья победила?

Она специально сделала акцент на слове «моя», хватаясь за надежду, что случившееся – недоразумение. И первое место получило не интервью с Джейсоном, а другая публикация «Звездной пыли». Лена уловила странные нотки и нахмурилась:

– Что-то случилось?

– Ладно, не бери в голову. Скоро приеду, – Женя вспомнила, что надо сдерживать эмоции в телефонных беседах. Если ее прослушивали, то не стоило давать врагам пищу для раздумий.

По дороге в редакцию «Звездной пыли» она решила не втягивать Лену в свои дразги и рассеять ее подозрения, вызванные разговором по телефону. Забившись в угол салона старой, ревущей как гиппопотам «шестерки», она размышляла: «В конце концов, если она станет наседать, так и скажу – не моя тайна. Не мой секрет. Против такого довода нет аргументов».

Подходя к крыльцу «Звездной пыли» и готовясь к шумихе, которую пророчила Лена, она смотрела под ноги и мечтала, чтобы чудесным образом оказалось, что никакой премии нет. Просто ошибка или дурная шутка.

Возле массивной деревянной двери на нее, заболтавшись по мобильному, налетела молоденькая стажерка с толстенным скоросшивателем, откуда посыпались бумаги.

– Ой, простите, пожалуйста! – охнула та и стала собирать их. – Господи, какая же я неловкая!

Женя скорее машинально, чем из желания помочь, тоже нагнулась и подняла несколько документов. Девица поблагодарила, сунула их в папку и пошла своей дорогой. Но не сделала и двух шагов, как удивленно окликнула Женю:

– Эй, подождите! Кажется, это ваше, – она протягивала помятый лист, который будто видела впервые и недоумевала, как тот попал к ней.

– Это не мое, – покачала головой Женя. Но сердце сжалось от предчувствия новой западни. Она резко и отчетливо повторила. – Не мое.

– И не мое уж точно! Тут банковские счета и договоры из бухгалтерии.

Обе уставились на небольшой листок в клетку, словно вырванный из блокнота. Наверху стояла дата: «Октябрь'1997». Под ней шариковой ручкой аккуратная надпись: «Сделать конспект и отдать Паше». А ниже – еще одна: «Не забыть подарок».

Внутри у Жени все похолодело. Это действительно *ее* бумаги. Вернее, страница из ежедневника, который вела на втором курсе. Запись самая обыкновенная, ничем не отличалась от сотен других, сделанных за время учебы. В памяти всплыло веснушчатое лицо одногруппника Пашки Кормильцева, которому помогала с конспектами. А ремарка про подарок напоминала о необходимости купить Славику на день рождения любимый парфюм. Это были *ее* бумаги. Нетрудно догадаться, кто и какой смысл вкладывал теперь в послание, сделанное *ее* же рукой. Злые глаза впелись в лицо стажерки.

– Откуда у тебя это?

Девица в страхе попяtilась:

– Вы с ума сошли? Говорю же, первый раз вижу... Извините, мне пора.

Женя в бессильной ярости провожала взглядом удаляющуюся спину и понимала – толку от погони ноль. Ну допустим, выяснит, кто подослал – дальше что? Главная мысль и так очевидна. Гречишников дает знать: игра началась. Заварушка вокруг «Блестящего слога» – не случайность, а его рук дело. Каким-то невероятным образом у него оказался *ее* старый ежедневник. И выдрав из контекста безобидный лист, сукин сын нашел изощренный способ продемонстрировать, что дверца мышеловки захлопнулась. *Ее* прослушивали. За ней следили. Молчание Петушкова – не случайность. Поездка в Штаты – неизбежность.

Три недели безвестности обернулись тем, чего она страшилась больше всего. И теперь потребуется вся выдержка, чтобы противостоять врагам Гречишникова, у которых не было даже лица. И ему самому, у которого имелось оружие против нее.

Ей нужны поддержка и совет. Надо с кем-то поговорить. Да, ни Маша, ни Лена не способны защитить ее. Но они хотя бы разделят с ней этот кошмар. И возможно, после того, как она облегчит душу, все покажется не таким ужасным. Хотя, честно говоря, верилось в это с трудом. Так или иначе, но Женя решила ввести Лену в курс дела. «Секрет не мой, но жизнь-то моя», – горько подумала она, вспомнив свои рассуждения в машине.

Она огляделась. Вокруг царило будничное оживление. Жар июльского солнца заливал Москву. Народ торопился по делам. Стажерки и след простыл. Гордо расправив плечи, будто показывая, что сам черт ей не брат, Женя с вызовом посмотрела на желтый диск полуденного солнца и вошла в редакцию.

Остаток дня прошел как в тумане. Все улыбались, жали руку, спрашивали всякую чушь и восторгались статьей. Главный редактор журнала – роскошная дама сорока пяти лет – весомо намекнула, что Женя, разумеется, не получит все десять тысяч. Якобы во внутреннем кодексе предусмотрена статья, согласно которой автору выплачиваются только пятьдесят процентов. Женя понимала, что редакторша врет, но ей было все равно. Наверняка никакого кодекса не существовало в природе. Либо его сочинили за пять минут до появления «золотоносной» внештатницы. Впрочем, намерение положить в карман «ее» пять тысяч долларов не трогало. Она отдавала себе отчет, что ни цента не заработала из этой суммы. Да и вообще, в текущих условиях финансовый вопрос не беспокоил. Без средств на реализацию плана Грецишников не оставит.

Перезнакомившись с сотрудниками и искусственно наудлившись так, что скулы сводило, Женя, наконец, осталась наедине с Леной, взяла со стола чистый лист и написала: «Я по уши вляпалась. За мной следят. "Блестящий слог" и победа в нем – подстава, политическая провокация. Нужно поговорить там, где нас не услышат». И посмотрела – тяжело и мрачно, подкрепляя написанное свинцовым выразительным молчанием. Лена с оторопью уставилась на нее и сжала руки, непроизвольно смяв записку.

– Пойдем.

Выходя из кабинета, она выбросила скомканную бумажку в мусорную корзину, но Женя тут же вытащила ее и убрала в сумку. Перестраховка не помешает.

Они расположились в лаундж-зале – комнате, отведенной для отдыха работников. Темные обои, приглушенный свет и низкие диваны создавали расслабляющую атмосферу. Плавная музыка имитировала шум прибора.

– Разорились на дизайн, но забыли про корпоративный дух, не позволяющий без стыда входить сюда в течение рабочего дня, – пояснила Лена. – Здесь не побеспокоят. Кроме того, тут хорошая звукоизоляция, – она постучала по стене, и та ответила глухим, коротким звуком. – А теперь рассказывай, что за шпионские страсти?

И Женя вывалила все как на духу. Лена смотрела с откровенным недоверием, а ее пасмурный взгляд будто просил: «Вжик, скажи, что это просроченная первоапрельская чушь». Когда рассказ подошел к концу, Женя протянула сложенную вчетверо страницу из ежедневника.

– Диктофон дома. Мечтаю познакомить тебя с этим чудом техники. Других свидетельств, что мои слова не паранойя, нет.

Лена смотрела растерянно, с трудом переваривая услышанное.

– Всегда говорила: ты когда-нибудь допрыгаешься. Вот извольте – допрыгалась.

– Ох, не знаю, что делать. Просто не знаю...

– Слушай-ка, Вжик. А Беркли часом не причастен к твоим несчастьям? Сначала вместо меня попадаешь на интервью. Потом – случайная встреча в Питере. И заметь, аккурат в том

же отеле, где остановился Гречишников. А теперь ты – лауреат «Блестящего слога» за статью, посвященную ему же. Не находишь, что много совпадений?

Женя изумленно уставилась на нее. Идея связать воедино Джейсона и Гречишникова ни разу ее не посещала. Абсурд! Но критическое мышление уже включилось на полную катушку, упрекнув, что гипотеза хоть шальная, однако не приходившая на ум ей самой (наравне с прочими, не менее бредовыми соображениями). Мысль заработала, прогоняя по кругу вероятность такого варианта.

Возможно ли, чтобы милейший мистер Беркли имел отношение к ее злоключениям? Чем было вызвано его рьяное желание, чтобы она осталась на ночь в Питере? Учитывая, что он не сделал даже попытки затащить ее в постель. Вспомнилась грустная, сожалеющая улыбка. Не в этом ли ее необъяснимая странность? Возможно, он прихвостень Гречишникова и понимал, что участвует в операции по ловле на живца. Может, какой-нибудь фонд министра спонсирует концертную деятельность «Чаки», или, наоборот, музыканты финансируют его предвыборные кампании. Черт разберет взаимосвязи шоу-бизнеса и политики. По сути же, все едино. Сладкоголосые клоуны на политической арене и жестокие законы в сфере увеселительных развлечений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.